

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

Филологический факультет

ЯЗЫК И ДИСКУРС:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, МЕТОДИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

LANGUAGE AND DISCOURSE:
LINGUISTIC, METHODOLOGICAL AND SOCIAL HUMANITARIAN
SET OF RESEARCH

Сборник научных статей

Scientific compilation

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2017

УДК 81'22
ББК 81.Я43(082)
Я 41

Редакционная коллегия:

**Т. Н. Талецкая,
Н. Н. Фёдорова,
Л. В. Пузан,
Е. В. Ковалёва,
М. С. Качур,**

кандидат филологических наук, доцент (*ответственный редактор*);
кандидат филологических наук, доцент;
кандидат филологических наук, доцент;
кандидат филологических наук, доцент;
старший преподаватель

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

А. П. Клименко;

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии
УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»

Н. И. Власюк

Я41 **Язык и дискурс: лингвистические, методические и социально-гуманитарные исследования = Language and discourse: linguistic, methodological and social humanitarian set of research** : сб. науч. ст. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: Т. Н. Талецкая (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2017. – 241 с.

ISBN 978-985-477-603-3.

Сборник научных статей отражает результаты научных исследований профессорско-преподавательского состава филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина. Издание посвящено Году науки в Республике Беларусь и адресовано лингвистам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам старших курсов гуманитарных специальностей.

Статьи приводятся в авторской редакции. Ответственность за содержание статей несут авторы.

УДК 81'22
ББК 81.Я43(082)

ISBN 978-985-477-603-3

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ЯЗЫК И ТЕКСТ

<i>Ахраменко П. Е.</i> Текстообразующие функции безличных синтаксических единиц (на материале романа И. П. Шамякина «Снежные зимы»)	6
<i>Gutsko I. N.</i> Texture in text: discourse analysis of a medieval english ballad „queen eleanor’s confession“ (unauthorized).....	11
<i>Зыблева Д. В.</i> Когезионные свойства междометий в сверхфразовом диалогическом единстве	17
<i>Качур М. С.</i> Обусловленность вторичной номинации фразеологических единиц с компонентом цвета психофизиологическими факторами сенсорной сферы опыта.....	22
<i>Ковалевич И. О.</i> Окказиональное основосложение в публицистике: специфичное и универсальное	29
<i>Кот М.С.</i> Мастацка-эстэтычная роля анамастычнай алузіі біблейскага паходжання ў паэтычных творах Р. Барадуліна і В. Лукшы	35
<i>Кулік Л. У.</i> Беларусы і англічане ў саматычнай фразеалогіі	44
<i>Лобан М. Г.</i> Святоотеческие традиции русской литературы.....	48
<i>Пузан Л. В.</i> Отражение гендерных стереотипов в поговорках	53
<i>Сергушкова О. В.</i> Специфика сегментации сложноподчиненных предложений в русском языке (на материале газетных текстов)	61
<i>Сидорец В.С.</i> К проблеме сопоставительного исследования вербоидов в восточнославянских языках	69
<i>Судибор И. Л., Ширко А. В.</i> Литературный портрет Петра I в стихотворении А.С. Пушкина «Стансы»	76
<i>Сушицкая Е. В.</i> Семантические характеристики эргонимов (на материале наименований объектов торговли)	81
<i>Тачыла Н. Р.</i> Адэтнанімічныя назвы ў гаворках Мазыршчыны	86
<i>Шур В. В., Кавалёва А. В.</i> Змены ў сістэме айконімаў Мазырскага Палесся	93

РАЗДЕЛ II ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА

<i>Барысенка В. Я.</i> Камунікатыўны акт у паэтычным дыскурсе.....	99
<i>Горбачук В. И., Татарина Т. И.</i> Невербальная репрезентация образа Григория Мелехова (на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»)	106
<i>Дуброва А. В.</i> Научно-технический дискурс и перевод (на материале английского и испанского языков)	114
<i>Кузьмич В. В.</i> Литературная пародия как квази-текст	123
<i>Rusetskaya I. V.</i> On some aspects of characterization and classification of speech acts	130
<i>Сергей В. Н.</i> Коммуникативные установки одушевленного имени-подлежащего во французском языке.....	134
<i>Талецкая Т. Н.</i> Прагматизация функции артикля перед именами собственными в немецком языке	141
<i>Татарина Т. И., Карпова К. А.</i> Об особенностях использования фразеологизмов в средствах массовой информации	148
<i>Fedorova N. N., Yuchko A. I.</i> Speech acts in a pedagogical context.....	156
<i>Яблонская О. Г.</i> Анализ текстовых позиций зоонимических фразеологизмов (на материале художественных произведений XX–XXI вв.)	161

РАЗДЕЛ III МЕТОДИКО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Исмаилова Л. В.</i> Поликультурная компетентность учителя: сущность, структура, проблемы формирования	167
<i>Кириллов Ю. Н.</i> Проблемы предметной инноватики в опыте преподавания дисциплины «Методология социально-гуманитарных наук»	172
<i>Лихач Т. П.</i> Модуль нормативного словообразования и структурного членения дериватов как элемент словообразовательной способности учащихся VI–VII классов: диагностический анализ.....	177
<i>Новицкая Н. Г.</i> Обучение иноязычному коммуникативному поведению как один из факторов формирования навыков самопрезентации	185
<i>Орлов Л. В.</i> О ключевых направлениях модернизации процесса обучения в университетах.....	191

<i>Парфёнова Л. А.</i>	
Философские основания государственного регулирования системы образования: цивилизационный и культурологический подходы	197
<i>Чечко Т. Н., Балацун Е. В.</i>	
Образовательный потенциал интегративных понятий в процессе формирования ключевых компетенций студентов-филологов	203
<i>Шчэрбін М. М.</i>	
Адносіны да Радзімы-народа ў сістэме зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання (на прыкладзе педагагічнай думкі Беларусі XIV–XV стст.)	208

IV ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

<i>Егорова В. А., Артюшко Н. А.</i>	
Римские <i>nobiles</i> : термин и его значение (в свете данных латинской эпиграфики)	214
<i>Казакова Р. А.</i>	
Творчество Анны Ахматовой в русле женской поэзии начала XX века	219
<i>Лис Ю. В.</i>	
Книга-игра как жанр сепературы	227
<i>Омелюженко С. А.</i>	
Прагматические виды описания как функционально-стилистического типа речи	231
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	238

РАЗДЕЛ I

ЯЗЫК И ТЕКСТ

П. Е. Ахраменко

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ БЕЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на материале романа И. П. Шамякина «Снежные зимы»)

В условиях коммуникации почти всегда выражается отношение к тому, о чем говорят. Наблюдается это и на вербальном, и на невербальном уровнях. В художественном тексте вербальный уровень реализуется чаще всего в форме прямой речи, невербальный же регулярно обозначается в словах автора. Различные формы выражения отношений на лексическом уровне детально исследовали В.В. Виноградов, П.Н. Денисов, М.И. Фомина, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев, П.П. Шуба и др. на уровне анализа функционирования лексем в речи, их коннотаций. Менее разработаны в этом плане проблемы употребления синтаксических единиц в связи с тем, что лексическое значение обозначено более четко, оно лежит на поверхности, «более материализовано». Анализ синтаксических единиц в коммуникативном аспекте посвящены работы В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, З. Новоженовой и др.

Отношение к происходящему на синтаксическом уровне может быть выражено, прежде всего, посредством использования единиц синтаксиса определенного состава. Так, например, чтобы четко обозначить субъект действия, используются прямые конструкции. Если по условиям контекста четко обозначенный субъект не нужен или невозможен, для передачи различных состояний как человека, так и окружающей среды в художественных текстах активно используются безличные синтаксические единицы. Безличные синтаксические структуры в силу своей природы способны отражать различные чувства, переживания героев.

По содержанию выражаемых значений безличные предложения очень многоплановы. В.В. Бабайцева называла их «самой пестрой группой» среди односоставных предложений по способам обозначения семантики.

С точки зрения функционирования безличных синтаксических единиц на уровне построения текстов, как отмечала А. Вежбицкая, они являются лингвоспецифичными концептами русского языка, для них

свойственна эмоциональность, иррациональность, неагентивность [1, 33]. Все эти значения и многие другие способны активно передаваться при помощи безличных предложений в ткани художественных произведений.

Используя в тексте произведений безличные синтаксические единицы, автор описывает действительность и представляет нам попытку проникнуть в образ мышления героев, попытку взглянуть на мир глазами этих героев, переживать вместе с ними их душевное состояние.

Безличные предложения позволяют автору произведений говорить об эмоциях, чувствах, переживаниях и других ментальных актах действующих лиц как о независимых от их воли и ими не контролируемых, т.е. описывать их душевное состояние.

Через безличные синтаксические единицы, включенные в авторское повествование и слова его героев, писатель показывает состояние людей, а обозначая состояние через безличные единицы, обозначает и его отношение к тому или иному герою. Так, например, роман И.П. Шамякина «Снежные зимы» (авторизованный перевод с белорусского А. Островского) начинается с того момента, когда Антонюк, вынужденный пенсионер, приехал на охоту в пущу. Его состояние, отношение к случившемуся передается рядом безличных глагольных построений. Категория лица в таких глаголах-сказуемых имеет чисто формальное значение, это застывшая форма 3-го лица (или форма среднего рода прошедшего времени), действие или состояние происходит, осуществляется независимо от деятеля, т.е. семантика таких глаголов несовместима с представлением об активном деятеле.

Общее значение безличных предложений данного типа определяется значением безличного глагола. Семантические оттенки разнообразны, но все они объединены общим значением состояния неопределенности:

А может, потому, что он глубоко задумался? В лесу всегда хорошо думается. Лес успокаивает, разгоняет тревогу, волнения. Не раз уже случалось, что неприятности, вчера еще казавшиеся чуть ли не трагедией, после такой вот прогулки по лесу и раздумий под шум деревьев или под шелест опавших листьев под ногами оказывались мелкими, не стоящими серьезных огорчений.

Сейчас никаких неприятностей не было. Он приехал сюда просто отдохнуть [с. 5; П.А. Здесь и далее указываются лишь страницы по цитируемому произведению].

Переживания Антонюка сливаются с состоянием окружающего. Ведь не даром говорят, что, когда ты плачешь, весь мир с тобой плачет. Так получается и у Антонюка, настроение которого сравнивается с настроением старого зубра: *Зубру захотелось одиночества. Ему, Антонюку, тоже вчера хотелось одиночества* [5].

В «Снежных зимах» И.П. Шамякин постоянно говорит о переживаниях главного героя, о неопределенности его положения как в общественной, так и в личной жизни. Психологизм переживаний

позволяют передавать безличные единицы, имеющие различное семантическое значение:

1) состояние окружающей среды: *Когда детей привезли, встречать вышел весь штабной отряд, все крестьяне деревни, где мы размещались. А было это – только чуть развиднелось, на рассвете [45];*

2) психофизическое состояние живых существ:

А тут, когда ехал от Василя, меня потянуло проведать [150]. Нервы были натянуты. Ночью меня лихорадило. Не могла уснуть до утра [185];

3) предрасположенность к психофизическому состоянию: *Хотелось лишь одного: до конца понять этого человека, своего зятя [18]. Захотелось, чтобы мужчины по-старому хорошо посидели, побеседовали [20].*

Состояние главного героя передается конструкцией, состоящей из модального глагола, обозначающего его желание-состояние «хотеть» + инфинитив: *Хотелось послушать осенний лес, как падают последние листья, как шуршат под ногами. Послушать самого себя. Только в лесу это удастся. И с утра весь отдался лесу, его грустному настроению. С ним говорил. С лесом. С людьми не с кем. Отдалились все те, с кем когда-то спорил, ссорился, кому доказывал свое [4].*

Для усиления безличности происходящего, глагольные безличные единицы включаются в ряд однородных членов. В таких конструкциях особо чувствуется безысходность, невозможность противостоять сложившимся обстоятельствам. Данные конструкции в тексте могут представлять и построения, когда вспомогательный глагол, обозначающий желание, употребляется лишь один раз, а инфинитив, обозначающий конкретизацию желания наименовывается далее неоднократно: *Еще несколько минут назад хотелось поглубже забраться в пущу, где-нибудь на первобытной полянке между вековых сосен разложить небольшой костер и до вечера сидеть, чтоб надолго насытит жажду одиночества, чтобы месяцы – до следующего «приступа» – носить в себе шум леса и дыхание осени.*

А тут вдруг – после встречи с зубром, что ли? – захотелось к людям [8].

Захотелось вдруг зайти в один из этих белых домов в саду, затопить там печку, если она есть, и сидеть у огня, слушать грохот моря, свист ветра и спокойный шелест своих воспоминаний. Он посмеялся над собой: вот уж поистине пенсионерские мечты! [56].

В безличных конструкциях, обозначающих чувственные восприятия, творительный субъекта или орудийный употребляется факультативно, причем чаще для усиления самопроизвольности действия, состояния не называется. Более емкими следует считать те из них, в которых соседствует безличный предикат без творительного орудийного с безличной единицей, в которой творительный орудийный обозначен:

Должно быть, это от посылок пахло виноградом, но почему она сама забивает? [49]. Они зашли в спальню, где пахло мехом и духами [146]. Ползья поют – за пять верст слышно [105]. Даже отсюда слышно, как булькает где-то близко вода [170].

В конструкциях, с причастием, имеющим добавочное модальное значение, сказуемое употребляется с примыкающим инфинитивом: *Выходит, что надо полюбить до безумия, до самозабвения, чтобы всеми поступками руководили чувства, а не разум. Я, наверное, люблю слишком рационалистически. Поэтому мне суждено остаться старой девой. Не слишком радостная перспектива, но что поделаешь [177].*

Объединяющими скрепами может выступать неоднократно повторяющийся инфинитив при словах категории состояния «можно» и «нужно», причем инфинитив в подобных конструкциях может употребляться для усиления описываемого в конце построения:

Кружились снежники. Печальные старые липы в сквере одевались белым цветом и потому, казалось, молодели. Вот только вороны, старые, черные, никогда не молодеют, злоеще каркают. Вороны навевают невеселые мысли. Но можно посидеть на запорошенной снегом скамейке, поглядеть на молодежь, на долговязых парней, что всегда, в дождь и снег, ходят без шапок, на девушек в пальто и ярко-пестрых шапочках или косынках, говорливых, возбужденных, как Лада; подумать о дочери, о сыне, который, верно, дежурит где-нибудь у экранов локатора, охраняет небо, и успокоиться [26].

В составе сложных предложений в безличных единицах в качестве скрепляющих компонентов могут использоваться слова категории состояния со значением «возможности и необходимости», которые на уровне предложений вступают в антонимические отношения:

Вапняк, хитрюга, знал, когда можно спорить, предъявлять ультиматумы, а когда надо молчать [47].

Безличные, обозначающие необходимость совершения действия, в форме слов категории состояния «нужно, надо» регулярно употребляются в качестве простых предложений как с примыкающим инфинитивом, так и без него:

Слава богу, не нужно никакой дипломатии [95].

Однако ему нужно посмотреть назад, непременно нужно! [83]. Ей нужно вычеркнуть его из своей жизни и жизни дочери навсегда [94].

В составе сложноподчиненных предложений безличное со значением необходимости действия в форме слова категории состояния «нужно (надо) + инфинитив» функционирует в качестве главной и придаточной части:

Она ждала других слов, и эти, кажется, еще больше испугали, не смыслом своим – ненужностью – в такой момент, когда им надо говорить не о себе, о Виталии [191]. Нет, правда, вы не представляете,

как это нужно и как будет хорошо [102]. Ты же раньше не говорила, что тебе непременно нужно уехать сегодня [152].

Отсутствие контроля над происходящим в предложениях, где говорится о человеческих чувствах, выражается безличной формой глагола и дательным или винительным падежом имени существительного:

Не выдержал Надиного взгляда, опустил голову, стал листать тетрадку, чтоб убедиться, показалось ему или в самом деле Виталия не всегда ставила даты, только в особых случаях [191].

Данная модель достаточно продуктивна: именно так часто в художественной прозе представляются события ментальной жизни, показывающие, что они просто происходят в жизни сами по себе и что герои не несут за них ответственности. В этих предложениях эксплицитно отрицается ответственность субъекта за ментальные действия: состояние или событие представлены как возникающие спонтанно, причем мы не ощущаем себя связанными по отношению к ним какими-то обязательствами. Безличные предложения, построенные по данной модели, определяют действие как самодовлеющее, независимое от человека:

Сперва мне так и показалось, что она ищет какую-то книгу или тетрадь [192].

Семантический субъект в форме дательного падежа в подобных конструкциях может и не употребляться:

Показалось, что они замахиваются на то святое, что ты завоевал кровью, смертью близких? Показалось, что и тогда, в партизанской землянке, Будыка не все понимал [115].

Может быть, потому так спокойно, уютно показалось теперь в этой комнате, что он почувствовал присутствие этого ребенка [83].

Активно употребляются параллельные конструкции с глагольными сказуемыми типа *хочу – хочется*. Продуктивность данных единиц определяется возможностью образования безличных глаголов от личных с помощью аффикса *-ся(сь)*, способного придавать глаголам безличное значение.

Эта способность личного глагола соединяться с аффиксом *-сь* и образовывать безличные глаголы является основой синтаксического параллелизма: раз есть личный и соответствующий безличный глагол, значит, могут быть построены личное и безличное предложения. Параллельные личное и безличное предложения в составе рядов соотношений образуют звенья ряда. Особенностью рядов соотношений с глаголами *хочу – хочется, работаю – работается, танцую – танцуется* и т.д. является установка на цель коммуникации: необходимость называния субъекта. Самыми распространенными в рассматриваемом ряду соотношений являются параллельные конструкции с модальными глаголами *хотеть – хотеться*. Использование личной и безличной конструкций четко разграничено, и это позволяет говорить о вполне

определенных сложившихся и складывающихся закономерностях их употребления.

Безличная конструкция с глаголом *хочется* -(хотелось) употребляется тогда, когда нужно подчеркнуть невозможность выполнения того, что кажется человеку почти реальным, осуществимым. Но этому желаемому по каким-то причинам не суждено сбыться. Причина обычно указывается в следующем предложении или части сложного предложения. Безличный глагол *хочется* (хотелось) функционирует в таких конструкциях со значением «иметь намерение» – и сочетается с инфинитивом: *Не считайте себя виноватым. Я не хочу! Утром во мне вспыхнула злость, хотелось, чтоб вы ушли прочь. Но я подумала: тогда и маму надо винить. А за что? За то, что дала мне жизнь? Я счастлива, что живу...* [103].

Из приемника льется такая душевная музыка, что хочется и смеяться и плакать [178].

Но сейчас ему никуда не хочется – ни в лес, ни в поле [163].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
2. Шамякин И. Сердце на ладони: Роман / [Авториз пер. с белорус А. и З. Островских]. – Минск, 1974. – 408 с.

I. N. Gutsko

Senior Teacher of of the Chair of English and methods of teaching foreign languages of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Republic of Belarus)

TEXTURE IN TEXT: DISCOURSE ANALYSIS OF A MEDIEVAL ENGLISH BALLAD „QUEEN ELEANOR’S CONFESSION“ (UNAUTHORIZED)

Ballad is a lyric-epic genre which traces its history back to the Latin times. It is believed that the ballad is a transitional link between epic poem and lyric poetry [1, 62–63]. A ballad and an epos have many things in common, for example they both account the events in the form of an objective narrative. However, the emotional characteristic of the events is prevalent in ballads (and this is where the similarities with lyric poetry come in). According to researchers, the ballad genre was brought to England at the end of the XIII

century. However, some scientists (eg, T. Vorontsova) believe that the ballad genre wasn't present in England before the XIV century [1, p. 88].

The ballad is a form of national expression; it reflects changes in many spheres of people's lives and allows us to observe how their life values were changing. In turn, the understanding of the historical and socio-cultural environment (in which the ballad genre has emerged) helps us to make an assumption about the reasons for such changes.

The ballad genre was extensively studied by both domestic (A. Veselovsky, T. Vorontsova, V. Zhirtunsky, J. Lotman, O. Mestchanskaya and others) and foreign scientists and writers (F. Hammer, W. Kehr, W. Scott, F. Wilde and others).

A special place among the folk art is occupied by the popular medieval Anglo-Scottish ballad, compositional form of which served as the basis for the formation of the genre and gave the foundation for its linguistic analysis.

The most interesting, in our opinion, is a ballad «Queen Eleanor's Confession», which belongs to the group of late medieval ballads. The article gives a brief analysis of the structural and linguistic features of the text of the ballad, as the content of the text is inseparable from its structure; structure of the text is an essential factor in the detection and analysis of its communicative tasks [2, p. 3–7].

The first ballad "Queen Eleanor's Confession" was published in the XVIII century, but the original story is probably much older. It is, for example, was used by the playwright, a contemporary of Shakespeare, George Peel in his dramatic chronicle created at the end of the XVI century; it is also mentioned that the English versions of the ballad is much "older" than Scottish [2, 488].

Queen Eleanor's Confession is a lyrical ballad, but it must have originated as an oral folk song. The name of the author is not registered, so it would be impossible to ascertain who he was. The wording is simple and colloquial: the ballad lacks in elevated words, the structure of the sentences is quite primitive, but still there are some words, which we can refer to Middle English: "speedily", "dee", "twa", "O if ye be twa friars of France... The Queen's faen sick... Till we spake to your Majesty". The archaic words and obsolete grammar are used alongside with up-to-date vocabulary and the percentage of the former is minute in comparison with that of the latter. It means that the ballad has circulated for a very prolonged period of time, with some words preserved in their archaic forms.

There are 17 stanzas in the poem. Every stanza consists of 4 lines and follows a very simple abcb rhyming pattern. The meter is uneven because the number of syllables and the stressed position in a line are quite irregular. Besides, the poem abounds in repetitions which look like refrains in a song and may well serve the purpose of enabling the audience to memorize the text easily. And this proves our assumption that this literary work is a lyrical ballad.

The emotive key of the ballad is of much interest. It is lyrical representing a complex of conflicts and problems typical of any ballad. All these problems of

love, hatred, disloyalty, the life of the royalty and aristocracy are appealing to the audience and have always been quite popular with the common people.

The setting is barely noticeable. The geographical location – London – is established directly, but there are no suggestions of landscape and hardly any physical objects, and no elements of domestic interior mentioned, we can't state exactly, where the actions took place, we can only guess. But we see that of all possible elements of the setting, historical background is the most important and suggestive one in the poem. It alludes if not to actual historical facts, then to actual historical figures: King Henry, Eleanor, Lord Marshal. Their participation increases the credibility of the environment, conflicts and events. King Henry, the central character, is Henry II, who lived and reigned in England in the 13th century. His wife Eleanor was very unpopular as queen among the English. They say she was a beautiful spendthrift and seemed to her contemporaries extremely attached to her son, the future Richard the Lion Heart.

As for the plot structure, the four components (the exposition, the complications, the climax and the denouement) make it complete. The 8 initial stanzas can be regarded as the exposition. This part of the text abounds in repetition of word combinations, lines and even almost complete stanzas. The poem reads: "The king he said to the Earl Marshal said he..." or in stanza 3 we read "And we'll go in before the queen like friars both together" and in stanza 6 we find the following line "And they went in before the queen like friars both together". Such a seemingly unnecessary and sort of disproportioned introduction is deliberate for the sake of suspense. These repetitions arose a feeling of anticipation within the reader who grows more and more impatient to know the particulars and details of the conflict.

The complications are represented by the enumeration of the Queen's sins and crimes arranged in a kind of ascended order - from the smallest to the hardest. The ascending order also contributes to the escalation of emotional tension and the reader's interest: in stanzas 10, 12 we read "That was a sin and a very great sin, but pardoned it may be..." The repetitions employed here is an additional means of stressing this effect. Eleanor is quite an interesting character. Confessing lies and her filthy murderous intentions, she seems an unusual woman indeed. And though they could be forgiven by the king, it doesn't belittle their heaviness. The author emphasizes, the gravity of sins "But a quacking heart had he" using an onomatopoeic metaphor suggesting that there are still more shocking discoveries to come, these discoveries being the commission of a deadly sin: "I poisoned the Lady Rosamond, and a very good woman was she..." This is murder, a sin that can't be forgiven.

The climax is revealed in stanza 14. The deed described as the worst of all and absolutely unpardonable is promiscuity. And who is so vicious? The Queen! The person seen as a pattern of grace and morality. How mean it is to give birth to a bastard who was to ascend the throne! A complete breach of age-old dynasty rules and laws!

A specific graphical arrangement helps us to perceive the climax. Stanza 14 containing 6 lines is the longest and therefore the most eye-catching one. The climax is the moment of illumination for the whole story when the relationship among the events becomes clear, and some stylistic devices are employed here to make it very prominent, to attract the reader's attention. We see here antithesis and alliteration. Antithesis is a parallel construction with some sort of opposition:

“The eldest of them is Marshal's son,
And I love him best of a',
The youngest of them is Henry's son,
And I love him none at a'.”

The antonyms “the eldest” and “the youngest”, “best of a'” and “none at a'” make these oppositions, emphasizing the climax. As for alliteration we find “bonny boys”, “headed like a bull, a bull”, “baked like a boar”, which draws additional attention to these lines.

The resolution lies on the surface. Henry revealed himself and kept the promise: Earl Marshal will not be punished by death. But a conflict as serious as this must have a more dramatic resolution, which is not shown. The ballad involves generally known historical figures, so to invent a conclusion with the sinners punished and the good rewarded would mean to distort the actual historical course of events. And as we know, Henry II neither persecuted nor divorced Queen Eleanor, who bore his children and outlived her husband.

The central character of the ballad is Queen Eleanor, which appears a repulsive woman and undeserving queen:

“O if ye be twa friars of France,
Ye re dearly welcome to me;
But if ye be twa London friars
I will gar hang ye hie.”

The word combination “twa friars of France” is repeated 5 times. It suggests that having been Queen of England for many years Eleanor remains a stranger to the country and its people, with a hatred and disdain of a French aristocrat, political enemy and competitor. This might be explained and probably partly justified by the fact that Eleanor of Provence, a French princess, had never seen England or King Henry before she was brought to London on the day of her wedding. Still, kings' luxury is stereotypically and even proverbially regarded as a kind of compensation for not being masters of their lives and choice. But Queen Eleanor doesn't seem to have been brought up to understand her duty and the possible disadvantages of her position. She is just an egoistic woman. She doesn't think about anybody. She just satisfies her wishes. Egocentric, treacherous and cunning, she commits a number of deeds which are actually sins and at death's door feels severe pangs of conscience. Eleanor is a woman, and like any woman she just wants to be happy, she wants to love and to be loved. But the ways she uses to attain it seem detestable. What is more, for royalty the matter of duties and responsibilities must come first, and “queen”

must come before “woman”. The chain of Queen Eleanor’s sins begins when, as we can guess, Earl Marshal came over the sea. It’s not quite clear what the reason for his coming was, but it might have been the arrangement of king’s marriage. Sovereigns were not supposed to travel abroad and leave their country even for a short period of time. And young Eleanor, “a maiden head”, fell in love with the messenger. What a romantic story it might be if it were not for the position of queen she was to hold soon. Falling in love not with the promised man means forming an initial inner conflict of a very widespread type – that of duty and feeling. And the former prevailed leaving Eleanor personally unhappy and disappointed, though in the position of Queen of England. But can we condemn her, a poor woman, a slave of her position, her luxury and her duties! “That was a sin, and a very great sin, But pardoned it may be”. How a friar can pardon it! It’s God who pardons, a friar being merely his go-between. And here “friar” – the king – obviously understands or knows by his own experience that arranged marriages are a traditional and political necessity for the royalty. Now the next sin: “I carried a box seven years in my breast, to poison King Henry”. The king has been within a hair’s breadth from death for at least seven years’ time. And the queen, who once promised to be with her husband “for better and worse”, to share his “bed and board”, turns out to be stubborn, hypocritical, persistent and treacherous. Every woman should be stubborn and persistent if she wants to be happy. How else can she fight in a male-dominated world? But murder is not the answer. Why did she spare him? Perhaps she dared not to kill the king, the sovereign, as it is not only a murder but also a blasphemy. Especially in the eyes of common people. If she dared not to murder the king, it’s not a sin. But she killed Lady Rosamond instead. “I poisoned the Lady Rosamond, And a very good woman was she...” Poisoning a “rival”, whose death would not even enable the queen and her beloved to be together, is an act of jealousy, revenge and rage. But this deadly sin is not the most monstrous crime committed by the queen. Her first-born and the eldest son is Earl Marshal’s son. Not only did Eleanor violate the sacred bond of her marriage or lie to her husband and child, but she has broken human laws and insulted divine Providence, for her eldest son, actually a bastard, is the heir apparent and king-to-be. This can’t be “pardoned”, that is why

“The Queen, she’s turned her face about,
She could not’s face behold”.

Queen Eleanor has failed her duty as a queen, as a wife, as a mother.

There are 2 more characters to discuss, and these are King Henry and Earl Marshal. Earl Marshal does not appear very sympathetic. He disregarded his duties as a friend and subject to his king. There are proofs in the ballad that King Henry was very much attached to Earl Marshal, he entrusted Earl Marshal with the delicate task of arranging the engagement overseas. It’s only a bosom friend who could be asked to

“Go in before the Queen

Like friars both together” as worth his king’s confidence in most intimate matters. King Henry is a very benevolent to Earl Marshal. But Earl Marshal loses Henry’s high esteem, and we can understand very well why “a quacking heart had he”.

King Henry seems the only appealing character of the story, though he past himself off as a friar to hear confessions of his own wife. We can’t forget the years he spent by the side of his unloving and insincere wife. This might seem to him the only tool to civilize Eleanor, so the King resorts to a fraud. But there are certain details which characterize King Henry very positively and highlight a considerable contrast with his wife and his friend. He is ready to pardon a lot of things “with amendment” to his wife. We see how he reacts, when he learns that the Queen detests her younger son by Henry: “Then by my sooth’, King Henry said, “I love him the better therefore”. He feels deeply for the poor child and tries to compensate the son for the attitude of the mother by his own good-will and care. He appears a good father and man with the generous, compassionate heart, and shows traits and properties of a good sovereign and noble man. Earl Marshal may deserve death, but the king is not guided by immediate emotions and reactions. He displays as much self-command and presence of mind as to remember about his promises and duties. He says:

“Where it not for my scepter and sword,

Earl Marshal should die.” These attributes of royal power are not used by accident. Their mentioning symbolically suggests that the king has to consider possible private, social and political consequences of the situation if it were made public. King Henry still remains in a coat of gold at the end of the poem. This coat of gold is used to metaphorically show King Henry as a sympathetic character able to preserve his human and royal honor.

Each of the characters faces an inner conflict. The one is that the cruel-hearted queen faces: she is guilt-ridden and ashamed. King Henry joins the club: he can’t go back on his royal word though his wounded heart and pride burn for it. As for Earl Marshal, he is torn between love to his King’s wife and pangs of conscience for his friend, the king on top of everything, the ill-fortuned lord discovers that this infatuation cost him Lady Rosamond, and even his son he can’t call his own. None of the conflicts are solved.

Lyrical ballads reflect common people’s vision, ideas, and stereotypes of the life of the rich. Even a king’s or queen’s life is not a bed of roses and may be subject to misfortunes and troubles quite as much as anyone. They may suffer in golden cages from disloyalty of their spouses, treachery of friends, diseases and loneliness. Father’s sins befall royal offspring, too, and their domestic troubles can influence the fates of whole nations. Real life may carry them very far from traditional scheme of one more folk genre – the fairy tale, in which a beautiful and faithful princess marries a brave and noble prince to live happily ever after. In spite of the details not coinciding with the historical facts, the ballad still has great aesthetic value. Complex images, excellent wording, gripping plot make the ballad not ranking with many others, but standing out, being a masterpiece of literature of the Middle Ages.

LIST OF LITERATURE

1. Vorontsova, T. The world picture in the text of the English ballad. The cognitive basis and linguistic representation. PhD thesis. 10.02.04. St. Petersburg. 2003. 256 p.
2. The English and Scottish folk ballad. Comp. by L. Arinstein – M: Rainbow. 1988. 398 p.
3. Shtocktor, V. History of England in the Middle Ages. Retrieved from: <http://www.sedmitza.ru/text/443051.html>.
4. Child Francis James. English and Scottish Popular Ballads, ed. 1825–1896. Retrieved from: <http://quod.lib.umich.edu>.

Д. В. Зыблева

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского
и иностранных языков ГГТУ имени П. О. Сухого
(г. Гомель, Республика Беларусь)

КОГЕЗИОННЫЕ СВОЙСТВА МЕЖДОМЕТИЙ В СВЕРХФРАЗОВОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ

В рамках лингвистики текста диалог считается особым видом текста, состоящим из чередования взаимосвязанных и взаимообусловленных реплик партнеров по коммуникации.

Зависимость диалогической речи от ситуации находит свое выражение в синтаксической структуре реплик, в отборе лексических средств при развертывании смысла высказывания. Динамизм диалогической речи при условии соблюдения полной адекватности ситуации дает возможность избегать употребления многих элементов формализации смысла, которые легко могут быть восстановлены. В результате, лишённая языковой избыточности структура высказывания приобретает высокую экономичность. Немалую роль в ее достижении играет употребление междометий в качестве функциональных эквивалентов полносоставных предложений. Междометное высказывание имплицитно включает в себе содержание полносоставного предложения и несет информацию об эмоциональном состоянии говорящего.

В данной статье рассматриваются текстообразующие потенции междометий на уровне диалогических единств, которые, согласно наблюдениям О.И. Москальской, отвечают всем признакам сверхфразовых единств, создаваемых различными видами речи. Об этом свидетельствует взаимосвязь входящих в диалогическое единство реплик, целостное

интонационное оформление, наличие устойчивых формальных признаков сцепления реплик и т.д. Так же как и в сверхфразовых единствах монологического типа с линейной последовательностью предложений (высказываний), смысловая целостность сверхфразового диалогического единства проявляется в “рекуррентности (регулярной повторяемости) ключевых слов, связанных с темой”, а его коммуникативная целостность “выражается в преемственности между составляющими” [1, 21].

Наиболее типичной реализацией рекуррентности считается простой лексический повтор, представляющий собой не только неоднократное повторение лексической единицы, но и стилистический прием, имеющий следствием измененную, обогащенную семантику повторяемой единицы. Прямой лексический повтор широко представлен в диалогической речи, и одним из средств его реализации являются и междометия. Но учитывая то, что лексические повторы и грамматические слова имеют для создания целостности диалогического единства несравненно меньшее значение, чем для организации сверхфразовых единств монологической речи, поскольку диалогическая речь отличается иносказательностью и эллиптичностью, целесообразно рассматривать лексический повтор в сочетании с другими средствами связи. Например:

S_1 . *“Ach, Anton”*

R_1 . *“Was? Ach?”*

S_2 . *“Der ist schon längst gesperrt, bei Gustavsburg”* [2, 18].

В приведенной интерпретации диалогического единства символом S обозначена реплика-стимул и символ R реплика-реакция. В связи с тем, что повтор междометия “Ach” осуществляется в пределах одного диалогического единства (далее ДЕ), устанавливается структурно-семантическая связь между S_1 и R_1 , и повтор определяется как контактный повтор-подхват реплики собеседника. Н.А. Змиевская считает, что контактным является именно повтор, реализуемый в пределах одного сверхфразового единства. Степень контактности такого повтора может быть различной. Наибольшим разбросом компонентов отличается контактный повтор, образующий рамку СФЕ [3, 30].

Углубление в смысл приведенного выше ДЕ показывает, что реплика “Ach, Anton” дает общую оценку события (ситуации), ответная реплика R_1 включает в себе вопрос о событии и о причине возникновения отрицательной эмоциональной оценки, реплика S_2 излагает событие, вызвавшее обобщенную эмоциональную оценку.

По мнению В.Г. Гака, использование обобщенного обозначения вначале, может быть вызвано эмоциональным состоянием говорящего; под влиянием переживания, аффекта он обозначает происшедшее самым общим образом, а затем уже вносит необходимые уточнения [4, 97]. Именно в такой связи реплика S_1 и S_2 соотносятся между собой как первичное и вторичное обозначения. При этом общая оценка S_1 и

конкретизация ее S_2 взаимодействуют как гипероним-гипоним. Таким образом, структурно-смысловое единство ДЕ обеспечивается как за счет прямого повтора междометия в репликах S_1 R_1 , так и за счет соотношения гипероним-гипоним между репликами S_1 S_2 . Реплика R_1 и S_2 также связаны между собой, поскольку S_2 является ответом на вопрос, поставленный в R_1 .

Прямой междометный повтор не только выступает как средство связи между репликами, но и одновременно служит стимулом для появления следующей реплики, объясняющей причину возникновения эмоциональной оценки и раскрывающей тем самым значение междометия в S_1 , обеспечивая дальнейшее развитие микротемы.

С прямым лексическим повтором-подхватом междометия в ДЕ может сочетаться синонимический повтор:

S_1 . "Herr Herbst!"

R_1 . "Ah, Sie sind es? –"

S_2 . "Ja, Ich! Um Gottes willen –!"

R_2 . "Um Gottes willen? Und Sie rufen, schreien meinen Namen, als ob wir alte Freunde wären? Und wie Sie aussehen, du meine Güte!"

S_3 . "Ja, wie ich aussehe!"

далее следуют четыре предложения авторского текста и реплика первого собеседника:

S_4 . "Helfen Sie mir, um Christi willen!"

R_4 . "Ihnen?" Herr Herbst trat zurück [5, 423].

Реплики действующих лиц образуют совместно со словами автора смешанный микротекст с преобладанием диалогического вида речи, поэтому правомерно обозначить данное диалогическое единство как смешанный диалог.

В результате контактного повтора-подхвата междометного высказывания "um Gottes willen" устанавливается структурно-семантическая связь между репликами S_2 – R_2 . Синонимический повтор "um Christi willen" выступает не только как средство связи, но, соотносясь с репликой S_2 , выполняет семантико-стилистическую функцию, т.е. является приемом, акцентирующим внимание на семантике повторяющихся слов и содержании предложений, в которых они находятся. Повтор междометия в реплике R_2 служит для выражения возмущения партнера по коммуникации.

Эксплицируя связь S_1 R_1 , следует отметить, что реплика S_1 выражает намерение одного из коммуникантов вступить в общение с другими. Это намерение принимается адресатом в реплике R_1 . Связь между R_1 – S_2 рассматривается как соотношение между вопросом в R_1 и ответом в S_2 . Во второй части реплики S_2 делается попытка предложить тему коммуникации, говорящий начинает эту часть реплики с междометного высказывания "Um Gottes willen!", имплицитного в

своем значении просьбу и подчеркивающего настоятельную необходимость развертывания темы. Однако S_2 обрывается в результате того, что адресат перебивает собеседника. Связь $S_2 - R_2$ обеспечивается повтором-подхватом междометия “*um Gottes willen*”, выражающим возмущение партнера по коммуникации, неприятие им предлагаемой темы. Обрыв реплики S_2 “*Um Gottes willen!*” создает ожидание развертывания темы и влияет, таким образом, на правосторонний контекст. Тема предлагается в реплике S_4 “*Helfen Sie mir, um Christi willen!*”, как эксплицитное выражение имплицитной в значении междометия “*um Gottes willen*” просьбы. Синонимический повтор “*um Gottes willen - um Christi willen*” усиливает эмоциональную сторону просьбы и отличается высокой коммуникативной значимостью.

В предыдущих диалогических единствах междометная эмоциональная оценка предлагалась в реплике-стимуле и подхватывалась адресатом в реплике-реакции. Часто междометные высказывания употребляются только в репликах-реакциях в качестве эмоциональной оценки содержания реплики-стимула. Их повтор в таких репликах диалогических единств способствует удержанию эмоциональной напряженности диалога на заданном авторской интенцией уровне:

S_1 . “*Ich bitte Sie, mich künftig mit Sie anzureden,*

Sie Sie Herr Seldmayer ... Sie!”

R_1 . “*Hohoho!*” *brüllte da Xaver los, nein, eine solche Antwort hatte ich nicht erwartet. “Hohoho!” deckte er mich mit seinem Lachen, das der Hof rings wiederhallte. “Du willst mich wohl derblecken, du meinst wohl, weil du jetzt ins Gymnasium kommst, du – Pardon – nein, Sie Herr Hosenschmeißler!, Sie!” “Hohoho!” dröhnte es.*

S_2 . “*Ich verbitt mir ...*”

R_2 . “*Hohoho!*”

S_3 . “*Ich werd’s dem Herrn Major melden!*”

R_3 . “*Hohoho!*”

S_4 . “*Ich werde Sie anzeigen!*”

R_4 . “*Hohoho!*” *Ganz der Vater, der “gnädige Herr Staats-anwalt im kleinen!”*

S_5 . “*Es muß anders werden!*” *stampfe ich mit dem Fuß auf ...*

R_5 . “*Unsereins ...*”

Kein “Hohoho” mehr [6, 90].

Междометное высказывание “*Hohoho!*” выступает в качестве оценки предлагаемой в реплике-стимуле S_1 темы; оно непосредственно связано со стимулом и вызывает дальнейшее развитие темы. Повторяясь в R_1, R_2, R_3, R_4 , эмоциональная оценка пронизывает диалогическое единство, объединяя реплики в смысловое и структурное целое.

Употребленное в ответных репликах, высказывание “*Hohoho!*” опирается на включающий контекст, раскрывающий значение междометия и обуславливающий его появление.

Параллельное функционирование в диалогическом единстве междометия “HoHoHo!” и образованного от него существительного “kein HoHoHo!” в качестве однокорневого повтора свидетельствует о высокой коммуникативной значимости междометия. В рассматриваемом диалоге субстантивированное междометие заканчивает развитие микторекры и, находясь в конечной позиции, осуществляет левостороннюю связь с предыдущим контекстом.

Очевидно, что междометие играет существенную роль в организации сверхфразового диалогического единства. Употребляясь целенаправленно и преднамеренно, оно несет необходимую информацию о чувствах коммуниканта, несмотря на нерасчлененность, легко декодируется адресатом, который мысленно восстанавливает имплицитное содержание; выражая субъективно-оценочную модальность, лежит в основе ассоциативной когезии. Повторяемость междометия (прямой повтор, синонимический, контекстуальный, корневой) характеризует его как средство для достижения смысловой и структурной целостности ДЕ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Москальская, О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
2. Seghers, A. Das siebte Kreuz / A. Seghers. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1949. 356 s.
3. Змиевская, Н.А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста (на материале английской и американской прозы): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Н.А. Змиевская. – М., 1978. – 24 с.
4. Гак, В.Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1978. – С. 91–102.
5. Kellermann, B. Der 9. November / B Kellermann. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. – 445 s.
6. Becher, J.R. Abschied / J.R. Becher. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1979. 380 s.

М. С. Качур

старший преподаватель кафедры немецкого языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

**ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТА
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ
СЕНСОРНОЙ СФЕРЫ ОПЫТА**

Учеными установлено, что первичное восприятие информации об окружающем мире цвета происходит при помощи органов чувств [1], [5] и др., в результате работы механизмов зрения и процессов чувственного восприятия формируются ментальные репрезентации, которые замещают окружающий мир в мыслительных процессах человека [6], [10].

Начальный этап восприятия информации об окружающем мире представляет собой сфера сенсорного опыта. Человек получает первоначальные сведения о реальном мире при помощи органов чувств. На этом уровне восприятия начинается формирование ментальных репрезентаций в виде ощущений и впечатлений. Они обрабатываются универсальными мыслительными процессами генерализации и ассимиляции (по Ж. Пиаже) [11], [12], в результате чего формируются структуры знания, которые замещают окружающий мир в мыслительных процессах человека.

Кодирование информации цветового пространства на чувственном уровне сознания условно подразделяется на визуальные, психофизиологические и эмоциональные впечатления. Основанием такого разделения служат психофизиологические особенности цветового зрения, представленные в работах в области психологии цветовосприятия С. В. Кравкова [3], [13], М. Люшера [14], [15], Б. А. Базымы [16], Н. В. Серова [17] и др.

Визуальные впечатления. Спектр как фактор биологической реальности заложен в биологическом механизме зрения. Человеческий глаз способен воспринимать тот особый импульс, который принято называть «цветовой волной». Это так называемые зрительные впечатления, или перцептивный опыт. Цвет как порождение материи в своем колористическом качестве представляет лишь свойство воспринимающей его нервной системы. Цветовые волны, воздействуя на зрительные рецепторы человека и будучи преобразованными соответствующими механизмами мозга, вызывают ощущения, которые называют цветовосприятием [16–17].

Стадию первичной обработки, систематизации и обобщения цветовой информации Н. В. Серов называет «принципом метамеризации световосцветовой информации» [17, 32]. Под метамеризацией понимается

«бессознательный процесс ощущения смеси различных спектральных цветов, возникающий при воздействии на зрительный анализатор электромагнитной волны определённой длины» [там же]. Соответственно этому принципу восприятие цвета происходит в сетчатке глаза на бессознательном уровне в форме цветоощущений.

Визуальные впечатления реализуются в структуре переосмысленного значения цветоименований в виде определенного семантического признака, свойственного особенностям соответствующего визуального восприятия определенного цвета. Например, черный → темный → удручающий (англ. *look black* / нем. *schwarz sehen* – ‘быть настроенным пессимистически’; рус. *в черном цвете*; бел. *у чорным святле* – ‘видеть, представлять что-л. мрачным, неприглядным образом, хуже, чем есть на самом деле’); белый → светлый → приятный (рус. *белый день* / бел. *белы дзень* – ‘дневное время суток’); красный → яркий → раздражающий (англ. *a red rag to a bull* / нем. *auf jmdn. wirken wie ein rotes Tuch* – ‘действовать крайне раздражающе на кого-л.’); синий / голубой → однотонный → тоскливый (англ. *give somebody the blues* – ‘наводить тоску, уныние на кого-либо’; *the Blue devils* – ‘уныние, меланхолия, хандра, депрессивное состояние’) и т. д.

Психофизиологические впечатления. При формировании и функционировании ментальных репрезентаций особая роль отводится взаимодействию тела и мозга. Как представитель мира человеческого тела в образе сознания выступает «чувственная ткань сознания» [19]. Чувственная ткань описана А. Н. Леонтьевым как некое впечатление, чувственный состав конкретных образов реальности, материал, из которого строится перцептивный образ. Исходные теоретические построения А. Н. Леонтьева о чувственной ткани получили значительное расширение в модели сознания Ф. Е. Василюка, где чувственная ткань выступает как представитель мира в образе сознания человеческого тела, как пульсирующая, изменчивая стихия внутрителесных ощущений, впечатлений, волнений [20] (о чувственной ткани сознания равной чувственному образу см. в [21]).

Психофизиологическое воздействие цвета на организм человека основано на взаимодействии кожных и зрительных рецепторов с электромагнитными волнами, близкими к области солнечной радиации, пропущенной атмосферой [17, 102]. Об очевидности цветового воздействия на организм, нервную систему и психику человека свидетельствуют данные психофизиологических [3] [13] и психологических исследований [1], [4], [14], [16] и др.]. В частности, данные экспериментальных работ школы С. В. Кравкова показывают, что цветовое воздействие приводит к определённым изменениям тонуса вегетативной нервной системы, а это, в свою очередь, оказывает влияние на цветовое зрение [16]. Если для вегетативной нервной системы цвет – это, прежде всего, кванты энергии,

поступающие в организм из внешнего мира, то для центральной нервной системы, цвет – еще и квант информации об окружающем мире.

О психофизическом воздействии цвета говорил В. Кандинский [1], [2]. Теоретик изобразительного искусства выделяет два вида воздействия цвета: чисто физическое (феномены физиологии цветового зрения: индукция, контраст и т. д.) и чисто психическое (рождает «вибрацию души»). Он также называет два фактора, определяющих психологическое воздействие цвета: «тепло – холод» и «светлота – темнота» различных спектральных цветов.

Физиологическая особенность человека под влиянием разного рода причин изменять цвет кожи / лица находит своё выражение в использовании цветоименований в номинации эмоций (страх, ярость, гнев и др.), чувств (зависть, ревность и др.), физического состояния (алкогольное опьянение, болезнь, недомогание и др.), результатов воздействия на кожу (удары, побои, обморожение и пр.). Физиологическая особенность людей иметь разный оттенок кожи / волос является также основанием переосмысления цветоименований в структуре ФЕКЦ, номинирующих расовую принадлежность, социальный класс или возраст человека.

Рассмотрим ситуации психофизиологического характера, являющиеся основанием переосмысления цветоименований: от стыда и смущения человек краснеет в результате притока крови: цвет кожи → красный → стыд / застенчивость (нем. *rot anlaufen* – ‘покраснеть, залиться краской’, *imdn. rot machen* – ‘вогнать кого-л. в краску’; англ. *turn red in the face* – ‘покраснеть’, *redden to the roots of one’s hair* – ‘покраснеть до корней волос’; *red about the face* – ‘покраснеть’; рус. *красная девица* – ‘слишком робкий, застенчивый молодой человек’) и т. д. Во время переживания человеком страха или ужаса в результате оттока крови от кожных покровов лицо человека бледнеет: цвет кожи → белый → страх / ужас (англ. *white terror* – ‘страх, ужас’; нем. *weißer (grauer) Schrecken* – ‘страх, ужас’).

Бледный цвет кожи становится также основанием образования производного значения «нездоровый, болезненный, аномальный»: цвет кожи → белый → болезнь (англ. *(as) white as a sheet (as ashes или as death)* – ‘бледный, как полотно, смертельно бледный’; рус. *как лунь, как плат (полотно, скатерть, полотенце), как стена, как снег*).

В состоянии алкогольного опьянения кожа лица краснеет: цвет кожи → красный → пьянство (англ. *admiral of the red* – ‘пьяница с красным носом’; нем. *eine rote Nase bekommen* – ‘сильно напиться’).

Физиологическое свойство человеческого организма в результате физического воздействия (удара) изменять цвет кожи нашло свое выражение в семантике следующих ФЕКЦ: цвет кожи → синий / черный / зеленый / желтый → физическое воздействие (англ. *black*

and blue – ‘в синяках’; *beat somebody black and blue* – ‘исколотить, избить до бесчувствия, до полусмерти, живого места не оставить, пересчитать ребра (кости) кому-либо’; нем. *jmdn. blau / gelb / grünschlagen* – ‘выдрать, отодрать, отдубасить, отколошматить, накостилять, задать деру, обломать бока кому-либо’; *blau geben* – ‘избить’; англ. *black eye* / нем. *ein blaues Auge* – ‘подбитый глаз’; англ. *give somebody a black eye* – ‘подбить глаз, поставить фонарь под глазом’).

Вследствие того, что через светлую кожу аристократов просвечиваются кровеносные сосуды, следующие ФЕКЦ имеют значение аристократического происхождения: цвет кровеносных сосудов → голубой → аристократическое происхождение (англ. *blue blood*; нем. *blaues Blut*; рус. *голубая кровь*; бел. *блакітная кроў* ‘голубая кровь’. А также нем. *j-d hat blaues Blut in den Adern* ‘у кого-либо в жилах течет голубая кровь’; *in jmds Adern fließt blaues Blut* ‘кто-либо дворянского происхождения’; рус. *быть голубых кровей*).

Воздействие цвета на настроение отмечали И. В. Гете, Э. Херинг, М. Люшер и др. [14], [15], [22–24]. Зрительный пурпур в глазу изменяется под влиянием цвета: светлых оттенков – в направлении успокоения, темных – в направлении возбуждения. С этой точки зрения цвета подразделяются на возбуждающие, • оживляющие, бодрящие, порождающие смутно-беспокойное состояние или, напротив, приводящие в состояние спокойной умиротворенности. Психологическое восприятие цвета связано с эмоциональным к нему отношением.

Эмоциональные впечатления. Эмоция является важным способом организации ощущений на элементарном уровне сознания. «Эмоции есть информационное отношение психического к физическому» [17, 43]. Е. С. Кубрякова отмечает, что эмоции есть проявление внутреннего мира и внутренних возможностей человека, они имеют биологические, природные, индивидуальные характеристики, которые являются средством передачи мысли, воли, чувств людей ... пронизывают все когнитивные процессы ... как разновидность информации, влияют на прирост сведений, являясь движущей силой поиска [25]. Эмоциональная сфера является важнейшим компонентом концептуальной системы. В ее формировании принимают участие все стороны психической деятельности человека.

Накопленный психологией фактический материал [см. 16] позволяет констатировать эмоциональное воздействие цвета на человека. Являясь одним из главных видов чувственного восприятия и оказывая непосредственное влияние на психику человека, цвет пробуждает определенные эмоции. Например, черный, фиолетовый → страх; серый, синий и черный → грусть; серый, черный и коричневый → утомление; красный и желтый → радость; красный и черный → гнев; розовый → легкую радость, чувство беззаботности; светло-синий, голубой → равнодушие, безразличие; зеленый → спокойствие, надежду, уверенность.

Являясь рецепторным раздражителем, цвет не только вызывает ту или иную эмоцию, но и объективирует эмоциональные переживания человека. Например, при переживании чувства страха лицо человека бледнеет, а в гневе человек краснеет и т. д. Н. В. Серов констатирует природный принцип цветового взаимодействия с чувствами и эмоциями [17, 35], проявляющийся через эмоциональное отражение действительности в семантике цвета (например: *почернеть от горя, покраснеть от гнева, позеленеть от злости* и др.), которое, по К.–Г. Юнгу, заключено в неосознаваемых представлениях коллективного бессознательного (непосредственно влияющего на глубину восприятия мира в цвете) [26].

Соответственно и эмоционально-оценочное значение цвето-наименований в структуре фразеологического значения становится результатом реализации цветоощущения и цветовосприятия: черный → удручающий → плохой (англ. *black (bad, evil or guilty) conscience* ‘нечистая совесть’; нем. *schwarze Seele* ‘у кого-л. черная душа’; рус. *черное дело* / бел. *чорная справа* – ‘худое, подлое’); белый → приятный → хороший (англ. *a white man* – ‘порядочный, благовоспитанный человек’; нем. *wer andere anschwärzt, ist darum nicht weiß* – ‘нехорошо говорить плохо о других’; рус. *что кому за дело, что жена моя не бела, я и сам нехорош*; бел. *i пад белаю кашуляю бывае душа брудная*); красный → яркий → красивый (рус. *глупому мужу красная жена дороже красного яйца*; бел. *не радзіся красным, а радзіся шчасным*) и т. д.

Таким образом, в результате кодирования информации цветового пространства на чувственном уровне сознания при помощи органов чувств (визуальные, психофизиологические и эмоциональные впечатления) перцептивные категории, свернутые до некоего единичного перцептивного образа, определяют построение цветовых концептов и их распознавание. На этом уровне когнитивных процессов с помощью перцепции охватывается большой диапазон признаков предмета / явления и путем чувствительной избирательности (эмоций, оценок) формируется целостный образ. Наглядно-чувственные когнитивные процессы цветоощущения и цветовосприятия фиксируют образ цветового явления, вычленив отдельные, наиболее существенные его признаки и свойства, и сохраняют полученный образ в виде беспредметного цвета.

При выборе из общей системы знаний информации, способной выполнить номинативное задание, выделенные характеристики выступают определяющими процесс фразеологической номинации. Визуальные, физиологические и эмоционально-оценочные характеристики цветоощущения и цветовосприятия репрезентируют знания сенсорной сферы опыта. Они выступают в сознании в форме перцептивного образа, эмоционального и оценочного стереотипа и обуславливают вторичную номинацию ФЕКЦ психофизиологическими факторами сенсорной сферы опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кандинский, В. Действие цвета / В. Кандинский [Электронный ресурс] // Акварун : астропсихол. центр. – Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/ct/ct5p1.html>. – Дата доступа: 09.05.2010.
2. Кандинский, В. О духовном в искусстве: живопись / В. О. Кандинский. – Л. : Ленингр. галерея, 1990. – 65 с.
3. Кравков, С. В. Цветовое зрение / С. В. Кравков. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 176 с.
4. Серов, Н. В. Цвет культуры: Психология. Культурология. Физиология / Н. В. Серов. – СПб. : Речь, 2004. – 668 с.
5. Woodworth, R. S. Reinforcement of perception / R. S. Woodworth // Amer. J. of Psychology. – 1974. – Vol. 60. – P. 119–124.
6. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 12–52.
7. Fodor, J. A. The language and thought / J. A. Fodor. – Hassocks : Harvester Press, 1976. – 318 p.
8. Fodor, J. A. Psychosemantics: the problem of meaning in the philosophy of mind / J. A. Fodor. – Cambridge : [s. n.], 1988. – 171 p. – (Explorations in cognitive science ; 2).
9. Rosch, E. Principles of categorization / E. Rosch // Cognition and categorization / ed.: E. Rosch, B. B. Loyd. – Hillsdale ; New York, 1978. – P. 27–48.
10. Wierzbicka, A. Lingvamentalis: the semantics of natural language / A. Wierzbicka. – Sydney : Acad. Press, 1980. – 367 p.
11. Пиаже, Ж. Генетический аспект языка и мышления / Ж. Пиаже // Психолингвистика : сб. ст. / сост. А. М. Шахнарович ; общ. ред. А. М. Шахнаровича. М., 1984. С. 325–335.
12. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики : учеб. пособие / В. Ф. Петренко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 400 с.
13. Кравков, С. В. Глаз и его работа: психофизиология зрения, гигиена освещения / С. В. Кравков. 4-е и вновь перераб. и доп. изд. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 532 с.
14. Люшер, М. Оценка личности посредством выбора цвета [Электронный ресурс] / М. Люшер // Акварун : астропсихол. центр. – Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/ct/ct5.html>. Дата доступа: 05.10.2016.
15. Люшер, М. Цвет вашего характера : пер. с англ. / М. Люшер. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1997. – 236 с.
16. Базыма, Б. А. Цвет и психика / Б. А. Базыма. Харьков : Харьк. гос. акад. культуры, 2001. – 172 с.

17. Серов, Н. В. Лечение цветом: мода и гармония / Н. В. Серов. СПб. : ЛИСС, 1993. – 48 с.
18. Базыма, Б. А. Цветовая психодиагностика [Электронный ресурс] / Б. А. Базыма // Цвет и психика / Б. А. Базыма. – Харьков, 2001. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/colorpsy7.htm>. – Дата доступа: 07.10.2016.
19. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с.
20. Василюк, Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. – 200 с.
21. Журавлев, И. В. Некоторые методологические проблемы психолингвистики / И. В. Журавлев // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: В. А. Виноградов [и др.]. – Калуга, 2005. – С. 107–115.
22. Гете, И. В. К учению о цвете (хроматика) / И. В. Гете // Избранные сочинения по естествознанию / И. В. Гете ; пер. и коммент. И. И. Канаева. – М., 1957. – С. 261–358.
23. Busse, M. Ewald Hering und die Gegenfarbtheorie [Electronic resource] / M. Busse, A. Bäumer-Schleinkofer // NTMZtchr. fürderWiss.,Technik. Medizin. – 1996. – Vol. 4, № 1. – Modeofaccess: <http://link.springer.com/article/10.1007/BF02913790>. – Dateofaccess: 14.05.2010.
24. Hering, E. Zur Lehre vom Lichtsinn [Electronic resource] / E. Hering // Der Rest der Welt. – Mode of access: <http://www.restderwelt.de/aktiv/index.php?id=4&detailId=69>. – Date of access: 14.05.2010.
25. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. М. : Наука, 1986. 157 с.
26. Юнг, К. Г. Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное [Электронный ресурс] / К. Г. Юнг // Психология на русском языке. Режим доступа: <http://www.psychology.ru/library/00026.shtml>. – Дата доступа: 23.08.2009.

И. О. Ковалевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ: СПЕЦИФИЧНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Окказиональное словотворчество является важной составляющей коммуникативной деятельности человека. В качестве причин образования новых лексических единиц могут выступать следующие: стремление к особой выразительности продуцируемой речи, достигаемой посредством нарушения установленных узусом языковых норм, поиск более точного и «ёмкого», по мнению говорящего / пишущего, слова, желание привлечь внимание собеседника, создать юмористический эффект или просто необходимость восполнения лакуны в лексиконе и тезаурусе говорящего.

Окказиональное словотворчество характеризует как разговорную, так и книжную речь (публицистика, художественная литература, в частности поэзия). Однако следует отметить, что нормы и установки конкретной речевой сферы накладывают свой отпечаток на окказиональные деривационные процессы, обуславливая специфичность их протекания в разных речевых сферах.

Целью настоящей статьи является исследование особенностей окказионального словотворчества публицистики как разновидности книжной речи, сохраняющей при этом черты разговорности. Материалом для анализа послужили окказиональные композиты, так как данный деривационный способ является достаточно продуктивным в публицистической речи, а дериваты, образованные способом основосложения, отражают все тенденции словотворческого процесса в рассматриваемой речевой сфере.

Публицистическая речь обладает важной функцией воздействия, направленной на формирование определённых убеждений. Этим обуславливается такая особенность публицистики, как оценочный характер её экспрессивных и образных средств и чёткое размежевание оценочности по двум полюсам: положительное и отрицательное. Такая особенность распространяется и на создаваемые публицистами окказионализмы, которые наполняют тексты самых разнообразных публицистических жанров: пародии, фельетоны, сатирические комментарии, статьи информативного и аналитического характера, журналистские расследования, обозрения и др. Подобная активность словотворческой деятельности в публицистике рассматривается учёными в аспекте жанрового взаимодействия и объясняется тенденцией к снижению стиля и фельетонизации средств массовой коммуникации [1, 671]. Установка на

оценочность, наряду с присущим публицистическому стилю частым использованием штампов и клише, предопределяет чётко выраженный серийный характер окказионального словотворчества, что ведёт к созданию однотипно построенных рядов, включающих как одни окказионализмы, так и их узуальные аналоги и корреляты.

Основосложение как способ образования окказиональных слов является очень характерным для публицистики. Многие используемые в публицистической речи окказиональные композиты соотносятся с теми, которые наблюдаются в разговорной речи. Однако среди них есть и такие, которые обнаруживают стилистические оттенки, присущие книжной речи. Аналогия с разговорной речью детей и взрослых прослеживается, прежде всего, в образовании композитных агентивов, усложнённых суффиксами *-тель*, *-тельница-* и нулевым: **Роботодатели**: предприятия, занимающиеся научными разработками, могут получить льготы от государства (Российская газета, 13.01.2016); **Законоругатели**: на встрече Владимира Путина с депутатами «акту Магнитского» досталось как следует (Коммерсантъ, 14.12.2012); Да, мы давно уже не министерство литературы, и чиновники в соответствии с новыми законами относятся к поэтам, прозаикам, драматургам, критикам, как к **пивохлёбам** или **кошколюбам**, объединённым в общественные организации «по интересам»... (Литературная газета, 26.11.08); Наши «**мясоделы**» никак не могли встать на ноги – у животноводства очень длинный инвестиционный срок окупаемости... (АиФ, 03.11.2011); Естественно, **дубогрызы** из ЦК и Госплана сопротивлялись отчаянно. Хотя бы потому, что самостоятельность предприятий оставляла их не у дел... (А. Вассерман); Он тоже всегда всем помогал. И всегда по просьбе трудящихся. Правда, он при этом не был таким **деньгохлёбом**, как сегодняшние **СШАкалы**... (Московский комсомолец, 25.03.2011); Трудности **пиаровода**: экономические трудности отразились на работниках политического медианпространства (Коммерсантъ, 27.04.2015).

В данном отношении наиболее показательны тексты пародийной направленности, где налёт «разговорности» наиболее заметен: **помадопоглотительница**, **шкафошубонабивательница**, **машинопоцарапательница** (о женщине) (Шоу «Уральские пельмени»). Ср.: **дельфинозвукывыдаватель**, **вещеистребитель**, **соседораздражитель**, **конфетообожатель** и т. п. – о детях из разговорной речи взрослых).

В текстах этих же публицистических жанров возможно производство окказиональных композитов с орудийным значением: *Где-нибудь в горах или в лесу помажется смолой, добавит в неё пахучей травки и назовет «пахучка», «подмышкомазалка»...* (о дезодоранте) (М. Задорнов); *Это своеобразный **путаноцеп**//* (о жезле сотрудника ГАИ) (Шоу «Уральские пельмени»). Подобные новообразования также соотносятся с соответствующими дериватами из разговорной сферы, где общение

осуществляется, главным образом, на разговорно-бытовую тематику: *Я же купил эту соковыжималку/ как её там/ **парооттягивалку** //* (о кухонной вытяжке); *Где моя **поломойка**?* (о швабре); *Это не пылесос/ а **пылежеватель** //*; *Купи себе **стеклотёрку** //* (о щётке для мытья окон) и др.

Образование окказионализмов со значением отвлечённого действия также актуально для публицистической речи: ***Грекопадение**: статисты из ЕС готовы лишить Грецию и евро надежды* (Российская газета, 16.11.2010); *Массовое бюджетобрезание: российские регионы утверждают бюджет на следующий год, сокращая расходы на здравоохранение, образование и культуру* (Мир новостей, 28.11.2014); *Одноплатформенники мало чем отличаются и внешне, а, чтобы разобратся в опциях, нужно быть просто доктором **фольксвагеноведения**...* (Коммерсантъ, 07.03.2016); ***Народосбережение**: Владимир Путин рассказал о своем видении социальных проблем...* (Российская газета, 14.02.2012); ***Посудопотребление**: российских покупателей обманывают на миллиарды рублей...* (Российская газета, 14.03.2013); ***Грекопредставление**: Афины взяли в заложники всю Европу до 19 февраля 2012 года...* (Российская газета, 08.11.2011); ***Ночной утконод*** (Литературная газета, 17.12.2015) и др.

При этом в основе создания композитов такого типа могут находиться идиоматические выражения: ***Правила правокачания**: в России крепнет новая форма объединения граждан. Они не ведут людей на оппозиционные митинги и не пикетируют судов. В их поле зрения – собственная среда обитания и местные проблемы...* (Коммерсантъ, 15.10.2012); *Надо сказать, Пельтцер многие недолюбливали за «**правдорубство**», она могла вспылить, высказать всё, что думает о человеке, сдобрив свою оценку парой – тройкой слов по матушке...* (Аргументы и факты, 06.06.2014). Ср. из разговорной речи: *Новые сапожки, джинсики становятся малозаметными на фоне сидения дома весь день, ладно, если б с пользой (на носу курсовик, лабораторная, да и обычные домашки), а неет, **мухо- и вороносчитание** правят миром, точнее мной...* (выдержка из Интернет-переписки¹). Стилистический эффект усиливается, если осуществляется деривационный повтор по образцу конкретного слова: *И чем их только не лечат: **иглоукальванием, пчелопокусыванием, мухозасиживанием**...* (М. Задорнов)

В публицистической речи окказиональные дериваты (субстантивы и адъективы) активно создаются посредством лексикализованных элементов *-фобия, -мания, -подобный, -любивый, главно-*, которые характерны для книжных текстов в целом: ***Загарофобия**: ни минуты на солнце. Россияне не*

¹ Здесь и далее высказывания из Интернет-переписки приводятся с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей.

столько загорают, сколько испытывают свою кожу на устойчивость... (Труд 7, 01.08.2013); **Олимпиадофобия**: почему хозяева летних Игр 2012 года боятся гостей 15 Апреля 2012 г... (Новые известия, 23.03.2011); **Мировая кубикомания** началась после того, как изобретение Рубика случайно попало на глаза одному немецкому предпринимателю... (Аргументы и факты, 19.10.2011); **Казалось бы – что же тут плохого? Спортивная мода лучше, чем «хиппомания»** прежних лет... (Литературная газета, 25.02.2009); **Лечит взяточманию** Гарифуллин комплексно: использует психоанализ, групповую психотерапию, кодирование, гипноз, медикаменты, снимающие депрессию... (Аргументы и факты, 07.12.2011); **По факту мздоимства в отношении «взяточлюбивого»** доктора прокуратурой города Кирово-Чепецка возбуждено уголовное дело... (Российская газета, 27.03.2007); **Не объявляем же мы гитлероподобными** существами президента Полка, графа Кавура и князя Бисмарка (Известия, 07.03.2014); **Верховный главноиграющий**: в день рождения Владимир Путин нагнал страху на противников 7 октября президент России Владимир Путин встретил 63-й день рождения на хоккейной площадке во дворце спорта «Шайба» и отметил его семью голами в ворота сборной Ночной хоккейной лиги (НХЛ)... (Коммерсантъ, 07.10.2015); **Верховный главноуспокаивающий**: Барак Обама посетил место трагедии в Авроре... (Московский комсомолец, 23.07.2012); **Верховный главноосматривающий**: как Владимир Путин посетил расположение Сергея Шойгу... (Коммерсантъ, 16.06.2015) и др.

Эффект окказиональности усиливается, когда в качестве производящей основы выступают имена собственные: *История с Депардье имеет немножко другой оттенок: народ к его поступку отнесся спокойно, зато настоящая жераромания* началась среди региональных руководителей, и именно с того момента, когда российский президент лично вручил французскому актёру паспорт и даже попытался его обнять... (Труд 7, 12.01.2013).

Показательным для публицистической речи является образование словообразовательных рядов окказиональных новообразований, связующим звеном в которых выступает конкретный лексикализованный формант. Так, автор одной из газетных статей выделяет следующие вариации патологической увлеченности: *Важно сформировать ценности, которые заменят радость от получения взяток. У каждого они свои. Это могут быть и другие зависимости, менее опасные, за которые не сажают в тюрьму: **рыбалкомания, спортомания, гурмания, сексомания** и так далее...* (Аргументы и факты, 07.12.2011). Подобные дериваты демонстрируют тенденцию публицистической речи к шаблонности и серийности.

Зафиксированы многочисленные случаи, когда узуальные слова выступают в роли структурных прототипов окказиональных новообразований композитного типа: *В Петербурге закончился снегопад, а у нас – шляпопад* («Итоги дня» на НТВ); *Газонокосилки превратились в гряземесилки...* («Итоги дня» на НТВ). Словообразовательный прототип окказионализма может легко угадываться и без его упоминания в контексте: *До Лондона проложат прямой олигархопровод...* (М. Задорнов) (ср.: газопровод, нефтепровод); *В Харькове опять начался ленинопод...* («Итоги дня» на НТВ) (ср.: снегопад, листопад); *Трубопожатие* крепкое: *Владимир Путин заверил Сильвио Берлускони, что в угоду Украине Россия от South Stream не откажется...* (Коммерсантъ, 27.04.2010) (ср.: рукопожатие); *Окладоискатели*: *зарплаты банкиров обгоняют инфляцию...* (Коммерсантъ, 24.08.2010) (ср.: кладоискатели); *Система пожародушения*: *спасательная автоматика в банке случайно погубила сотрудника и отравила ещё девять...* (Коммерсантъ, 26.08.2010) (ср.: система пожаротушения); *Общество анонимных долгоголиков...* (ср.: общество анонимных алкоголиков) (РБК газета, 05.11.2015) и др. Подобное оживление словообразовательной структуры явно рассчитано на определённый стилистический эффект.

В качестве мотивирующей основы могут выступать и имена собственные, например, названия городов: *Стыки-де-Жанейро*: *в ноябре определится полный состав участников ЧМ-2014. «Теоретически Франция – сильнейшая из возможных соперников. Наше противостояние могло бы получиться очень интересным, поэтому, думаю, его лучше избежать, причем по нескольким причинам. Но я не собираюсь об этом говорить, потому что меня могут наказать», – сказал Роналду...* (Российская газета, 17.10.2013); *Баку-де-Жанейро*: *от Баку до Рио-де-Жанейро не проложено трасс и не назначено прямых рейсов. Добраться можно только с пересадками. Но для сборной России именно сейчас – и только сейчас – от столицы прекрасного Азербайджана до столицы прекрасного ЧМ-2014 проложена ровная, безостановочная столбовая дорога. Через горы и моря, океаны, города. Скоростная магистраль в футбольный рай....* (Спорт-Экспресс, 15.10.2013); *Катастрофа-на-Амуре*: *Дальний Восток – зона бедствия национального масштаба...* (Новая газета, 13.09.2013) и др.

Иногда модель конкретного композитного слова проявляет относительно высокую регулярность. Так, нами зафиксированы 5 окказиональных слов, образованных по аналогии со словом *фальшивомонетчик*. Ср.: *Фальшивомавродчик*: *в МММ-2011 начали размещать рекламу на государственных банкнотах...* (Московский комсомолец, 27.12.2011); *Фальшивоналётчики*: *в России всплеск торговли подделками дорогих марок...* (Русский Newsweek, 19.07.2010); *Фальшивотаблетчики*: *всё, чего мы не знали о поддельных лекарствах, но всегда хотели спросить...* (Итоги, 21.01.2013); *Фальшивопереводчики*:

обнаружены афроамериканские схемы обналичивания средств в российских банках... (Коммерсантъ, 24.02.2009); *Профессия – фальшивобольничник: нелегальный бизнесмен поделится с «МП» тонкостями подделки документов...* (Московская правда, 21.07.2010).

Слово-образец и окказионализм могут находиться в отношениях семантической полярности. Это достигается посредством замены одного из компонентов сложного слова на семантически противоположный: *День левосудия* (название статьи) (Новые Известия, 26.08.2015) (ср.: правосудие); *Арендодатель пытался арендовзять. Распоряжавшийся культурным наследием московский чиновник задержан за взятку в 20 млн руб...* (Коммерсантъ, 28.03.2015); *Станкоразрушение: что спровоцировало спад российского станкостроения?* (The New Times, 05.12.2009). Данная тенденция в определённой степени сближает окказиональное словотворчество публицистики с разговорной речью детей и взрослых. Кроме того, подобные примеры обнаруживаются и в поэтических текстах. Всё это свидетельствует об универсальности описанной тенденции для окказионального словотворчества в целом: *Какие же это сухофрукты? Это мокрофрукты//* (6 л.); А: *Ты что/ слабонервная?* – Б: *Я сильнонервная//* (8 л. 5 м.); А: *Некоторые здесь слабослышащие?* – Б: *Хорошо/ что ты сильнослышащая//* (11 л. 4 м.) – из речи детей; А: *Он слабохарактерный//* – *Тогда найди себе сильнохарактерного//* – из разговорной речи взрослых; *Никак придумать не могу / Смехоточивые репризы...* (А. Межиров) (ср.: слезоточивый) – из поэтической речи и др.

Таким образом, в публицистической речи окказиональное основосложение характеризуется достаточно высокой продуктивностью. При этом отмечается разнообразие моделей и приёмов построения окказиональных композитов, которые в основной своей массе ориентированы на выражение оценочных коннотаций. Экспрессивность и образность окказионализмов публицистики значительно возрастает за счёт включения их в устойчивые словосочетания, а также за счёт использования имен собственных в качестве производящей базы. Многие словообразовательные модели и приёмы обнаруживают относительно высокую регулярность (например, окказионализмы с лексикализованными элементами *-мания, -фобия, главно-* и др.). Интерстилевой характер публицистики проявляется, прежде всего, в её ориентации на разговорную речь, что хорошо прослеживается на уровне композитного словообразования. При этом некоторые тенденции выступают в качестве универсальных и характеризуют окказиональное словотворчество в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі МДПУ імя І. П. Шамякіна
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

**МАСТАЦКА-ЭСТЭТЫЧНАЯ РОЛЯ АНАМАСТЫЧНАЙ АЛЮЗІІ
БІБЛЕЙСКАГА ПАХОДЖАННЯ Ё ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАХ
Р. БАРАДУЛІНА І В. ЛУКШЫ**

Адной з асноўных крыніц узбагачэння сюжэтаў мастацкай літаратуры з'яўляецца міфалогія, якая арганічна звязана з міфонімамі, ці імёнамі міфічных персанажаў і істот. Міфонім, які ў мастацкім тэксце становіцца паэтонімам, дазваляе ідэнтыфікаваць той ці іншы міфалагічны сюжэт. Мінулае стагоддзе характарызувалася ў межах айчынай гісторыка-культуралагічнай прасторы пераважна атэістычным падыходам да навуковай думкі, калі міфалогія, асабліва біблейска-хрысціянскага зместу, не прымалася ці падпадала пад вострую крытыку. Цяпер жа шматлікія навуковыя адкрыцці ў гуманітарнай сферы пацвярджаюць праўдзівасць рэлігійных пастулатаў. У другой палове 1990-х гадоў біблейска-хрысціянскія традыцыі сталі прадметам актыўнага вывучэння як культуралагаў (У. Конан, Г. Сініла), так і літаратуразнаўцаў і лінгвістаў (І. Трацяк, Г. Адамовіч, С. Шупа, А. Булыка, А. Жураўскі, А. Свяжынскі, І. Штэйнер і інш.) Гэта тлумачылася з'яўленнем ў беларускай літаратуры мастацкіх твораў, у аснову якіх клаліся сюжэты з Кнігі кніг.

У сусветным літаратурным працэсе, асабліва ў заходнееўрапейскай традыцыі, апошняя трэць XX ст. звязана з узнікненнем і бурным развіццём феномена рэміфалагізацыі, сэнс якога заключаецца ў вяртанні да цэласных мадэляў свету, якія найбольш дакладна і акрэслена прадстаўлены ў Вечным Слове. Як адзначаюць даследчыкі, сам працэс рэміфалагізацыі сігналізуе пра тое, што ў межах постмадэрнісцкай парадыхмы акрэсліваюцца контуры новай стваральнай ідэалогіі. Як сцвярджае літаратуразнаўца і крытык І. Л. Шаўлякова-Барзенка, рэміфалагізацыя ў беларускім літаратурна-мастацкім дыскурсе 2000-х з'яўляецца аксіялагічным грунтам літаратурнай творчасці пострамантычнага тыпу, што вызначае дамінаванне адпаведных жанрава-стылявых стратэгий і тэхналогій мастацкага канструявання найноўшай версіі нацыянальнага Міфа [1, 328].

Гэты пастулат падмацоўваецца тым фактам, што сучасныя паэты ўсё часцей звяртаюцца да аўтарскага прачытання біблейскіх сюжэтаў. Сярод іх варта назваць такія імёны, як Р. Барадулін, Н. Гілевіч, В. Лукша, А. Вольскі, В. Зуёнак і інш. Безумоўна, рэлігійна-філасофская лірыка ўяўляе найскладанейшы мастацкі тэкст, бо выказаць спрадвечныя тайны духу практычна немажліва. Для любога мастака слова выразная мова Бібліі гэта ўзор недасягальнасці: на працягу стагоддзяў яна, як лічаць

даследчыкі, набывала незвычайную сімвалічнасць, метафарычнасць, асацыятыўнасць. У пераважнай большасці напрыканцы свайго жыццёвага шляху мастакі паэтычнага слова, умудронныя жыццёвым і пісьменніцкім досведам, робяць паспяховыя спробы далучэння да біблейскай лірыкі. Мусіць, таму іх мова становіцца па-асабліваму непаўторнай і багатай на арыгінальныя мастацкія сродкі, стылістычныя фігуры і прыёмы, сярод якіх на першы план выходзіць алюзія.

Пад алюзіяй мы разумеем стылістычны прыём, што ўяўляе сабой непрамое ўказанне на тэкст, які выступае ў ролі першатэксту, пратэксту, тэксту-асацыяту ці тэксту-донара. У сваю чаргу *онім-алюзія біблейскага паходжання* гэта семантычна складаны знак, што адначасова належыць і дадзенаму мастацкаму тэксту, і біблейскаму першатэксту.

Так, у Валянціна Лукшы ёсць паэтычны твор, які ён сам назваў *споведзь паломніка “Шлях на Галгофу”*, ці *“Via Dolorosa” (Дарога пакут)*, дзе інтэрпрэтуецца цэнтральны для хрысціянства евангельскі сюжэт пра смерць і ўваскрэсенне Ісуса Хрыста. Падзеі зямнога жыцця Месіі і яго ўкрыжаванне знайшлі сваё апісанне ва ўсіх чатырох кананічных евангеллях Новага Завету. Варта заўважыць, што тэма апошняга зямнога шляху Божага Сына вызначала фабулу адпаведных паэтычных твораў А. Салаўя, М. Сяднёва, А. Вольскага і, найперш, Р. Барадуліна. Споведзь В. Лукшы ўяўляе вершаваны аповед паломніка, які наведаў Святую зямлю, і складаецца з дзесяці частак, сем з якіх непасрэдна ўзыходзяць да біблейскага апісання пакутаў Хрыста (*Гефсіманскі сад, Тайная вячэра, Пацалунак Іуды, Пракуратар Понцій Пілат, Via Dolorosa, Галгофа, Уваскрэсенне, Узнясенне*). Як відаць, ужо самі бібліёнiмы, што ўтрымліваюць онiмы-алюзіі біблейскага паходжання, раскрываюць галоўную тэму твора. Такая ж самая тэматыка знайшла сваё рэміфалагізаванае адлюстраванне і ў творчасці Рыгора Барадулiна (вершы *“У Гефсіманскім садзе”, “Тайная вячэра”, “Зрачэнец”, “Варава”, “Наканаванне”, “...Ён цяжка нёс крыж”, “Просьба”, “Перамога”*), што па змесце суадносяцца з названымі часткамі паэтычнай споведзі *“Шлях на Галгофу”* В. Лукшы.

Мэта гэтага даследавання – праз параўнанне асноўных міфалагем акрэсліць ролю алюзійных лексем з субсферай-крыніцай “Біблія” / “Рэлігія” як дзейснага сродку рэміфалагізацыі біблейскага сюжэту пра пакуты Хрыста ў паэтычных творах Рыгора Барадулiна і Валянціна Лукшы.

Грунтуючыся на тлумачэнні адпаведнай літаратуразнаўчай тэрміналогіі даследчыкамі І. Зварычам і Г. Адамовіч, біблейскую міфалагему мы будзем інтэрпрэтаваць праз выразную наяўнасць у літаратурным творы агульнавядомага біблейскага сюжэту або матыву, які пераствараецца ў мастацкім тэксце і адпаведным чынам структурыруе твор [2, 10].

У корпусе аналізаваных мастацкіх тэкстаў Р. Барадуліна і В. Лукшы найчасцей (болей за 20 разоў у кожнага аўтара) засведчана выкарыстанне тэонімаў: *Бог (Боскі, Божы), Ісус, Хрыстос*. Акрамя таго, В. Лукшам уводзяцца ў тэкст сінонімы і перыфразы *Усявышні (Напэўна, люду грэшнаму за гэта / Усявышнім быў падораны Пілат), Сын Божы: (... Ісус Хрыстос, Сын Божы, – / Уваскрэс!)*.

У працэсе аналізу выяўлена варыянтнасць выкарыстання тэоніма *Госпад / Гасподзь* (на старажытным іўрыще *Адонай*). Імя *Гасподзь* (вытворнае ад *гаспадар*) з III ст. да н.э. замяняла старажытнаўрэйскае імя *Яхвэ / Іегова* пры чытанні святых тэкстаў з-за страху прамаўляць само імя *Усявышняга*. Пасля яго выкарыстоўвалася і *Хрыстом*, што засведчана ў Евангеллях. Як у ранняй апостальскай царкве, так і ў цяперашні час тэонім *Госпад / Гасподзь* стаў больш ужывацца ў дачыненні да наймення *Божага Сына* і нясе ў сабе яго вобраз як *Збавіцеля*. Адносна перакладу тэоніма *Адонай* са старажытнаўрэйскай на беларускую мову і ўжывання яго варыянтаў (*Госпад, Пан ці Спардар*) у рэлігійных тэкстах (найперш, *Бібліі*) вядуцца навуковыя дыскусіі (гл. напр., публікацыі А. Жлуткі, І. Трацяка, А. Хромчанкі). Мастакі слова пры гэтым вольныя выбіраць, які з варыянтаў уводзіць у паэтычны твор. Так, Р. Барадулін у вершы “*Зрачэнец*” ужывае тэонім *Спардар*: *Яшчэ Спардар нябесны ў знак пашаны / Даў права ў хлыве мець высокі трон, а ў вершы “Варава”* варыянт *Пан*: *У кожным з нас жыве Варава, / І рэдкім госцем – / Пан Хрыстос*.

Безумоўна, для стварэння вобраза той эпохі аўтары выкарыстоўваюць у паэтычных тэкстах і тапонімы (*Іерусалім / Ерусалім, Гефсіманскі сад, паток Кедрон, Іудзея, Галгофа*), што ўяўляюць алузію, бо адсылаюць да евангельскай гісторыі пра пакуты *Хрыста*. Неабходна адзначыць, што В. Лукша разам з біблейскімі тапонімамі ўводзіць у тэкст свайго твора і сучасныя тапонімы, што абазначаюць рэальныя аб’екты, якія на сённяшні дзень знаходзяцца ў *Дзяржаве Ізраіль*, але не ўпамінаюцца ў *Бібліі* (г. *Хайфа, Яфская брама, вуліца Via Dolorosa, Гефсіманская даліна*).

Асаблівае месца сярод алузіянага анамастыкону біблейскага паходжання ў паэтычных творах Р. Барадуліна і В. Лукшы займаюць антрапонімы (*Варава, Іуда / Юда, Пётр / Пётра, Понцій Пілат, Сімон Кірэнянін, Марыя Магдаліна / Магдалена, Фама, Ханан*). Менавіта імёны евангельскіх герояў дапамагаюць беспамылкова ідэнтыфікаваць першатэкст, каб параўнаць яго з наваствораным мастацкім тэкстам, дзе антрапонімы падвяргаюцца працэсу трансанімізацыі і становяцца паэтонімамі біблейскага паходжання, нярэдка набываючы дадатковыя канатацыі.

Так, у паэтычным творы В. Лукшы засведчана апелятывацыя біблейскіх антрапонімаў *Пілат* і *Каін*. У беларускай мове існуе агульны назоўнік *каін* са значэннем ‘пра здрадніка, злачынцу’ [3, 578]. У корпусе беларускай фразеалогіі зафіксавана і ўстойлівая адзінка з гэтым жа анамастычным кампанентам *Каінава пячаць (пячатка)*, якая мае

сінанімічнае значэнне з неадабральным адценнем: ‘след злачыннасці’ [4, 399]. Этымалогія гэтага ўстойлівага словазлучэння ўзыходзіць да старазапаветнай гісторыі з Кнігі кніг аб першым братазабойстве, што больш поўна раскрывае алузійны сэнс самога паэтоніма *Каін*: *І сказаў Каін Авелю, брату свайму: хадзем у поле. І калі яны былі ў полі, паўстаў Каін на Авеля, брата свайго, і забіў яго. <...> І сказаў Гасподзь: што ты зрабіў? голас крыві брата твайго крычыць Мне з зямлі; і сёння пракляты ты... <...> І сказаў Каін Госпаду: кара мая большая, чым знесці можна: вось, Ты цяпер зганяеш мяне з улоння зямлі, <...> і кожны, хто спаткаецца са мною, заб'е мяне. І сказаў яму Гасподзь: за тое кожнаму, хто заб'е Каіна, адпомсціцца сямікроць. І зрабіў Гасподзь Каіну азнаку, каб ніхто, спаткаўшыся з ім, не забіў яго. І пайшоў Каін ад аблічча Гасподняга... (Быццё 4,8 16)². Фразеалагізм *Каінава пячаць* засведчаны ў мастацкай літаратуры, напрыклад, ў творах К. Крапівы, В. Хомчанкі і інш. Так, у п'есе К. Крапівы «*3 народам*» кампазітар-патрыёт *Гудовіч* задае пытанне: Каму патрэбна творчасць, на якой ляжыць *каінава пячаць*?*

Прыведзеныя лінгвістычныя факты дазваляюць сцвярджаць, што біблейскі онім *Каін* у беларускім лексіконе семантычна мадыфікаваўся, набыўшы сімвалічнае значэнне. Дарэчы, Р. Барадулін па-мастацку інтэрпрэтаваў гэты біблейскі сюжэт у вершы “*Кайнасць*”. У аснове бібліёніма ляжыць дыялектнае слова са значэннем ‘раскаянне, пакаянне’, што сугучна біблейскаму оніму *Каін* – *кайнасць*. Як відаць, паэт абыгрывае тут іх кантэкстуальна антанімічныя значэнні, выкарыстоўваючы стылістычны прыём міжмоўнай паранамазіі.

У споведзі паломніка “*Шлях на Галгофу*” В. Лукшы онім-сімвал *Каін* падвяргаецца плуралізацыі і генералізацыі: *Не забівай, – / Мы чуем... / Ды падковы / У эскадронаў смерці зіхацяць... / І забіваюць куляй / Або словам, / І Каіны анёлкамі глядзяць*. У першай частцы названага паэтычнага твора “*Скрыжалі*” аўтар узнаўляе дзесяць заповедзяў, якія да гэтых пор лічацца непарушнай асновай і канонам здаровай чалавечай маралі і этыкі. Аднак чалавек, жывучы ў сучасным грамадстве, усё часцей у пагоні за матэрыяльнай выгадай пагарджае вечнымі каштоўнасцямі, хаця стараецца пры гэтым знешне выглядаць як анёл.

Пятая частка аналізуемага паэтычнага твора В. Лукшы называецца “*Пракуратар Понцій Пілат*”. Мастак слова малое перад намі традыцыйны вобраз двурушнага *Пілата*. Тут варта адзначыць, што гэты евангельскі персанаж становіўся не аднойчы літаратурным у творах як замежных, так і ўсходнеславянскіх пісьменнікаў (найперш М. Булгакава). Так, беларускі рускамоўны празаік В. Іваноў-Смаленскі з’яўляецца аўтарам алузійнага рамана “*Апошняя спакушэнне д’ябла, або Маргарыта і Майстар*” (2007), што ўяўляе інтэрпрэтацыю булгакаўскага твора і вырас, паводле аўтарскага прызнання, з жадання пранікнуць у таямніцу задумы

² Біблія. Кнігі Святога Пісанья Старога і Новага Завету кананічныя ў беларускім перакладзе / пер. В. Сёмуха. – Duncanville, USA: World Wide Printing, 2002. – 1535 с. Далей біблейскія цытаты прыводзяцца паводле гэтага выдання Бібліі.

вялікага папярэдніка [5, 39]. У паэтычным тэксце В. Лукшы вобраз *Пілата* бачыцца больш жорсткім і бесчалавечным, чым у адпаведным евангельскім сюжэце: *Зняважлівы да ўсіх жывых і люты, / Намеснік рымскі хабар паважсаў, / І, як хацеў, / На горкія пакуты / Ён шчодро іудзеяў бласлаўляў.* Параўнаем з біблейскім першатэкстам: *А Пілат, склікаўшы першасвятароў і начальнікаў і людзей, сказаў ім: вы прывялі да мяне Чалавека Гэтага, што нібыта разбэшчвае люд; і вось, я пры вас распедаваў і не знайшоў Чалавека Гэтага вінаватым ні ў чым тым, у чым вы Яго вінаваціце; і Ірад таксама: бо я пасылаў Яго да яго; і нічога не знойдзена ў Ім вартага смерці... (Паводле Лукі 23, 13–15).* У апошняй страфе часткі “Пракуратар Понцій Пілат” назіраем працэс апелятывацыі анамастычнай алузіі *Пілат* → *пілаты*: *Крыжы стагнали, / І гулі пажары, / І ведалі пілаты, / Што рабіць: / Галоўнае – / Не асудзіць ахвяру, / А рукі як мага чысцей адмыць.* Выкарыстоўваючы прыём абагульнення праз плуралізацыю, паэт В. Лукша выкрывае двурушнасьць тых пілатаў, што прынеслі пажары, пакуты і стогн мноству нявінных людзей нашай эпохі. А лірычны герой з верша Р. Барадуліна “Наканаванне”, дзе рэміфалагізуецца гэты ж сюжэт, у апошняй страфе быццам дапаўняе выказаную паломнікам В. Лукшы думку, дасылаючы сучасным пілатам строгае папярэджанне: *А не адмые ад крыві душу / Ніводнае зямное пакаленне.*

У названым вершы Р. Барадуліна засведчана апелятывацыя біблейскага антрапоніма *Варава* → *варавы*: *Відаць, натое клапаціўся Бог, / Каб не звяліся на зямлі варавы. / Каб выбіраць / Людской галдзе было б / Спаміж жыццезагубцам і Месіяй.* Прыведзены мастацкі тэкст алузійна звязаны з евангельскім сюжэтам пра злачынцу *Вараву*, якога па старадаўняй пасхальнай традыцыі народ пажадаў адпусціць на волю замест *Хрыста* (гл. Паводле Мацвея 27, 15–21). Пры гэтым пытанне Пілата да народу, паводле кананічнага Евангелля гучыць наступным чынам: *Каго хочаце, каб я выпусціў вам: Вараву ці Ісуса, Якога завуць Хрыстом? (Паводле Мацвея 27, 17).* В. Лукша ў сваім творы дае, на першы погляд, іншую трактоўку згаданага фрагмента: *...Вось перад вамі ажно два Ісусы – / Каго ж з Ісусаў гэтых пакараць?.. / Натойн сабе падобных выбірае, / На хвілю не сумеўшыся ані: / – Вараву адпусці! – / Ён заклікае. – / А гэнага Ісуса ты распні! Аднак падрадкаўны пераклад са старагрэчаскай мовы адпаведнага фрагмента з Евангелля Паводле Мацвея мае той жа сэнс і гучыць літаральна: *Каго жадаеце я вызваліў бы вам, Ісуса Вараву ці Ісуса званага Хрыстом?* [6, 168]*

Як сцвярджаюць даследчыкі стражытных біблейскіх крыніц, у шэрагу позніх грэцкіх рукапісаў Евангелля паводле Мацвея *Варава* сапраўды мае імя *Ісус Варава*. На думку вучоных багасловаў, гэта і ёсць першапачатковая форма імя *Варавы*, якую затым скарацілі, каб не блытаць з асабістым імем *Хрыста* [7]. Хаця германская традыцыя перакладу Бібліі (напр., на нямецкую мову) захавала гэты факт менавіта ў

першапачатковым варыянце (*Ісус Варава* і *Ісус Хрыстос*). Прыведзеная акалічнасць сведчыць аб імкненні паэта В. Лукшы як мага дакладней перадаць дэталі першапачатковага біблейскага тэксту пры рэміфалагізацыі адпаведнага евангельскага сюжэту, а таксама аб шырокай экстралігвістычнай кампетэнцыі аўтара. На карысць гэтага сведчыць і тое, што мастак слова выкарыстоўвае ў паэтычнай споведзі не толькі біблейскую анамастычную алузію. Так, у шостаі частцы “*Via Dolorosa*” паэт пры апісанні сцэны, калі жанчыны плакалі і спачувалі Хрысту пад час яго крыжовага шляху ўводзіць онім *Вераніка*: *І ў калатнечы гнюснай і нязвыклай – / У ім натоўпу цэлы век гібець – / Сустрэнецца, як сонца, / Вераніка / І сонечна паклоніцца табе*. Паводле аднаго з царкоўных падданяў, калі Хрыстос нёс свой крыж на Галгофу, да яго падыходзілі жанчыны, адну з якіх звалі менавіта *Вераніка* [8]. У кананічных жа Евангеллях імёны жанчын не ўпамінаюцца ўвогуле (параўн. Паводле Лукі 23,27).

Онім *Варава* засведчаны ў беларускай паэзіі і ў якасці бібліёніма. У аднайменным вершы паэтэсы Л. Рублеўскай лірычны герой ушчувае *забойцу і грэшніка Варава* і заклікае яго да пакаяння, хоць і запозненага, але шчырага, бо ў фінале верша ён заўважае яго слёзы, што цякуць *не ад шчасця*, а з-за шкадавання аб смерці нявіннага Чалавечага Сына.

У чацвёртай частцы “*Пацалунак Іуды*” паэтычнага твора В. Лукшы расказваецца пра трохразовае зрачэнне апостала *Пятра*, і ў гэтай сувязі ўпамінаецца біблейскае імя *Ханан*: *... І пад страхом грэшнаю Ханана / Гарласты певень тройчы пракрычаў*. Старажытнаўрэйскае імя *Ханан* абазначае ў дадзеным выпадку *Анну* (беларускі і рускі варыянты гэтага імя ў сінадальным перакладзе Бібліі гучаць менавіта так), які з’яўляўся цесцем першасвятара *Каяфы* і да якога першапачаткова прывялі на допыт Хрыста (параўн. Паводле Яна 18,13). Верагодна, паэт выкарыстаў аўтэнттычную форму *Ханан* замест традыцыйна перакладзенага оніма *Анна*, таму што апошняе імя ў сучасным антрапаніміконе з’яўляецца выключна жаночым, а ў біблейскім кантэксце яно належала мужчыне першасвятару.

Бясспрэчна, тэма пакут Хрыста найбольш канцэнтравана адлюстроўваецца ў оніме-сімвале *Галгофа*, які паэты Р. Барадулін і В. Лукша таксама ўводзяць у мастацкі тэкст сваіх твораў. Так, адна з частак паэтычнай споведзі В. Лукшы названа “*Галгофа*”. Цікава, што гэты біблейскі тапонім далей не ўпамінаецца ні ў адной з яе строф. Аўтар палічыў дастатковым праз бібліёнім і яго вобразнае апісанне перадаць увесь трагізм здзейсненага на месцы *хіжсага заклання*, якое потым стала сакральным для ўсіх хрысціян. Ён выкрывае і жорстка крытыкуе двурушнасць і несправядлівасць тагачаснага фарысейства, якія і цяпер імкліва распаўсюджваюцца, прымаючы планетарныя маштабы. Лірычны герой, аднак, упэўнены, што справядлівае пакаранне для такіх *злыдняў* непазбежна: *У летаргічным сне ляжыць планета, / Не чуе больш пакутаў брата брат, / І божай карай людзям за усё гэта / Да іх ужо ідзе крывава*

кат. Апісваючы сапраўдную сутнасць фарысейства як адмоўнай грамадскай з’явы, якая можа прыняць антыгуманістычныя крайнія формы, паэт звяртаецца да прыёму аказіянальнай мадыфікацыі тэксту-асацыяты: *Пад крыжам будуць апантана гоцаць, / І срэбранікі брудныя дзяліць, / І на кап’і табе падсунуць воцат, / Каб смагу перад смерцю наталіць...*

Параўнаем з адпаведным біблейскім першатэкстам: *І прыйшоўшы на месца, якое называецца Галгофа, што азначае “месца чарапоў”, далі Яму піць воцату, змяшанага з жоўцю; і, накаштаваўшы, не хацеў піць. Тыя, што ўкрыжавалі Яго, дзялілі вопратку Ягоную, кідаючы жэрабя; <...> Падобна і першасвятары з кніжнікамі і старэйшынамі і фарысэямі, насміхаючыся, казалі: іншых ратаваў, а Самога Сябе не можа ўратаваць... (Паводле Мацвея 27, 33–42). Як відаць, у пратэксце размова пра дзяльбу срэбранікаў не вядзецца. Аўтар наўмысна ўводзіць тут метафару *брудныя срэбранікі*, якая стала сімвалам вераломнага здрадніцтва пасля подлага ўчынку апостала Юды, каб ўзмацніць негатыўную афарбоўку вобраза фарысеяў.*

Неабходна адзначыць, што і ў творах Р. Барадуліна онім-алюзія *Галгофа* таксама сустракаецца нячаста. Напрыклад, у вершы “*Просьба*” паэт узнаўляе падзеі, што адбываліся непасрэдна пад час укрыжавання Божага Сына. Пры гэтым сам тапонім у паэтычным тэксце адсутнічае, аднак чытач, нягледзячы на гэта, можа зразумець, што сюжэт мае біблейскае паходжанне, бо ў тэксце прысутнічаюць евангельскія цытаты і анамастычныя алюзіі (*Хрыстос, Спдар, Гаспадарства Тваё*).

Нагадаем, што ў Бібліі *Галгофай* (са старажытнаўр. ‘чэрап’) названы пагорак за межамі старажытнага Іерусаліма, дзе панёс крыжовыя пакуты Хрыстос: *І, несучы крыж Свой, Ён выйшаў на месца, называнае Лобным, па-Габрэйску Галгофа; там укрыжавалі Яго і з Ім двух іншых, па адзін і па другі бок, а пасярэдзіне Ісуса* (Паводле Яна 19, 17–18). Для хрысціян *Галгофа* – гэта сімвал невыносных пакут Божага Сына і здзейсненага ім да канца подзвігу збаўлення чалавечай душы ад вечных пакут, сімвал перамогі над смерцю і злом. У нашы дні гэты тапонім набыў дадатковыя канатацыі (найперш з прычыны шырокай інтэрпрэтацыі сюжэту смерці Хрыста ў розных відах і жанрах мастацтва, акрамя літаратуры), што асацыіруюцца перад усім з нейкім фатальным канцом жыцця, незаслужанымі пакутамі і катаваннямі, з самаахвярнай смерцю дзеля жыцця іншых.

Так, у Р. Барадуліна *на Галгофу* ляжыць *далёкі шлях, нечаканы, як сон сірочы*. І звязана гэта з тым, што шлях паэта, як правіла, усюды і заўсёды нялёгка. Як зазначае сябра і даследчыца творчасці народнага паэта А. Сакалоўская, ён мусіць быць прарокам, несці людзям словы праўды і дабра, не спадзеючыся на іх ласку і ўдзячнасць, несці свой крыж, ісці па крыжовай дарозе, наканавай яму лёсам [9, 13]: *Сам жа мусіш свой несці крыж, / Узысці на сваю Галгофу*. Для яго *Галгофа* – гэта апагей служэння народу, мэта яго творчых намаганняў. Паэт В. Лукша ў шостаі частцы

“*Via Dolorosa*” вельмі арыгінальна абыгрывае значэнне оніма *Галгофа*, выкарыстоўваючы прыём персаніфікацыі: *З зямлі свой чэрап падняла Галгофа, / Гатовая пакутніка прыняць*. Тут аўтар мае на ўвазе значэнне біблейскага тапоніма *Галгофа – Лобнае месца – ‘чэрап’*.

У гэтым жа творы аўтар у перадапошняй частцы “*Узнясенне*” ўводзіць у паэтычны тэкст онім-алюзію *Варфаламей: I ты, Варфаламей, што пад сумненне / Паставіу словы Магдаліны... / Ты... / Яна сваё засведчыла сумленне / Святою службай на шляхах святых*. Узгаданы паэтам сюжэт узыходзіць да біблейскага першатэксту з Евангелля паводле Лукі: *... і, вярнуўшыся ад магілы, абвясцілі ўсё гэта адзінаццацём і ўсім астатнім. То была Магдаліна Марыя, і Яна, і Марыя, маці Якава, і іншыя з імі, якія казалі пра гэта Апосталам. І здаліся ім словы іхнія пустымі, і не паверылі ім (Паводле Лукі 24, 9–11)*. Як відаць, у біблейскім першатэксце імёны апосталаў і імя *Варфаламей*, у прыватнасці, адсутнічаюць. Такім чынам, паэт В. Лукша змяніў пры рэміфалагізацыі евангельскага сюжэту зыходны тэкст-донар. Аднак такі прыём пры больш глыбокім аналізе і параўнанні з тэкстам-асацыятам аказваецца небеспадстаўным і поўнаасцю апраўданым.

Імя *Варфаламей* належала аднаму з дванаццаці вучняў Хрыста і ўпамінаецца некалькі разоў у Новым Запавеце. Большасць даследчыкаў Святога Пісання сыходзіцца ў меркаванні, што згаданае ў Евангеллі паводле Яна імя *Натанайл* належыць менавіта *Варфаламею*, які быў родам з *Каны Галілейскай* [10]. У біблейскім тэксце імя *Натанайл* звязана найперш з наступным сюжэтам: *Піліп знаходзіць Натанайла і кажа яму: мы знайшлі Таго, пра Якога пісаў Майсей у законе і прарокі, Ісуса, сына Язэпавага. <...>. Але Натанайл сказаў яму: з Назарэта ці ж можа быць што добрае? <...> (Паводле Яна 1, 45–46)*. Мусіць, маючы на ўвазе гэтую акалічнасць, што *Натанайл* паставіў аднойчы пад сумненне словы свайго сябра Піліпа, калі той гаворыць яму пра Месію, В. Лукша ўводзіць у паэтычны тэкст біблейскую анамастычную алюзію *Варфаламей*, выкарыстоўваючы яе ў дадзеным выпадку аказіянальна.

Такім чынам, на прыкладзе прааналізаваных паэтычных твораў, можна заключыць, што і Рыгор Барадулін, і Валянцін Лукша пры рэміфалагізацыі біблейскага сюжэту пра пакуты і смерць Хрыста актыўна выкарыстоўваюць анамастычныя алюзіі біблейскага паходжання. Эксплікацыя іх алюзійнага сэнсу дазваляе дакладна распазнаць першапачатковы сюжэт міфа і праз параўнанне з тэкстам-донарам прасачыць глыбіню яго аўтарскай інтэрпрэтацыі. Мастацкі інтэртэкст можа падвргацца частковай ці поўнай аказіянальнай мадыфікацыі, што выяўляецца толькі дзякуючы шырокай міжтэкставай кампетэнцыі і добраму веданню прэцэдэнтнага тэксту. Бясспрэчна, такія стылістычныя прыёмы адыгрываюць важную ролю ў рэалізацыі мастацка-эстэтычнай ідэі ўсяго твора.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Шаўлякова-Барзенка, І. Л. Дынаміка канцэптуальна-стылявых стратэгий у беларускай літаратурнай прасторы канца XX – пачатку XXI стагоддзяў: дэміфалагізацыя vs рэміфалагізацыя / І. Л. Шаўлякова-Барзенка // Вечны рух жыцця і заканамернасці творчых пошукаў літаратуры : матэрыялы рэсп. навукова-практ. канферэнцыі (да 90-годдзя з дня нараджэння І.Я. Навуменкі) (Мінск, 26–27 лютага 2015 г.) / рэдкал.: А.А. Манкевіч (укладальнік) [і інш.]. Цэнтр даследаванняў бел. культуры, мовы і літ. Нац. акадэміі навук Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2015. – С. 325 – 330.
2. Адамовіч, Г. Я. Літаратурная класіка ў параўнальным вывучэнні : дапаможнік / Г. Я. Адамовіч. – 2-е выд. – Мінск : БДПУ, 2009. – 179 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1978. Т. 2. Г–К / Рэд. тома А. Я. Баханькоў. – 768 с.
4. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: ў 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. Т. 2 М–Я. Выданне 2-ое, дапоўн. і выпр. – 702 с.
5. Лявонава Е. А. Не я праліў кроў Ягоную... / Е. А. Лявонава // Наша вера. – 2014. – № 1 (67). – С. 38–45.
6. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / редкол.: А. А. Алексеев (гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Российское Библейское общество, 2001. – 1410 с.
7. Православная энциклопедия: в 25 т. [электронный ресурс] / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Москва: Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”, 2003. – Т. 6. – 752 с. – Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/154067.html>. – Дата доступа : 08.02.2017.
8. Православная энциклопедия: в 25 т. [электронный ресурс] / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Москва: Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”, 2003. – Т. 6. – 752 с. – Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/150445.html>. Дата доступа : 08.02.2017.
9. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. 2-е дапоўн. выд. Мінск : Рым.-катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2006. – 528 с.
10. Православная энциклопедия: в 25 т. [электронный ресурс] / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Москва: Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”, 2003. Т. 6. 752 с. Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/154389.html>. – Дата доступа : 08.02.2017.

Л. У. Кулік

кандыдат філалагічных навук, выкладчык кафедры беларускай
і замежных моў ГДТУ імя П.В. Сухого
(г. Гомель, Рэспубліка Беларусь)

БЕЛАРУСЫ І АНГЛІЧАНЕ Ў САМАТЫЧНАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

Найбольшую цікавасць для чалавека ўяўляе ён сам, вакол сваёй асобы засяроджваецца яго ўвага. Інтэрэс гэты суправаджае ўсе сферы існавання чалавека. Не складае выключэння і сфера маўленчай дзейнасці, дзе найбольш ёмка і вобразна ўяўленні аб чалавечай сутнасці раскрываюцца ў межах фразеалогіі і выяўляюцца менавіта пры супастаўленні і параўнанні беларускіх і англійскіх саматычных фразеалагічных адзінак (ФА), якія рэпрэзентуюць уяўленні носьбітаў моў аб саміх сабе. Заўважым, што пад саматычнымі ФА мы разумеем найменні частак цела і органаў чалавека, лексемы *кроў / blood, мача, нюні, пот / sweat, сліна / slobber, сляза / tear, сонля, gall* ‘жоўць’, найменні частак цела звяроў, рыб, паўзуноў, насякомых (*крыло / wing, рог / horn* і інш.) з прычыны ўжывання такіх лексем у адносінах да чалавека, таксама словы, якія “абазначаюць жыццёва важныя элементы матэрыяльнай субстанцыі, без якіх жывы арганізм не можа існаваць” [1, 7], найменні розных “адхіленняў ад нормы” цела чалавека або жывёлы (*бяльмо, горб, мазоль / corn, плеш, скула*), якія, аднак, з’яўляюцца ім уласцівымі [2, 20], так званыя “патэнцыяльныя назвы частак цела” [3, 5] (*кацялок* ‘галава’, *поршні* ‘ногі’, *халява* ‘рот’, *шоры* ‘ногі’, *bason* ‘скура’, *bottom* ‘зад’, *front* ‘твар’, *pins* ‘ногі’, *top* ‘галава’), якія, валодаючы зусім іншым несаматычным першасным значэннем, з улікам пэўных знешніх сувязей паміж прадметамі выкарыстоўваюцца ў якасці найменняў частак цела.

Базай даследавання паслужыў матэрыял “Слоўніка фразеалагізмаў беларускай мовы” І.Я. Лепшава [4, 5], “Большого англо-русского фразеологического словаря” А.У. Куніна [6], “Англа-беларускага слоўніка фразеалагізмаў параўнальнага тыпу” Л.Д. Корсак, Л.С. Марціновіч [7], “Oxford dictionary of current idiomatic English” А. Р. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig [8] і некаторых іншых фразеалагічных, перакладных і тлумачальных слоўнікаў.

Аналіз саматычных ФА беларускай і англійскай моў дазваляе выдзеліць сярод іх тыя, што называюць асобу са станоўчага боку, з адмоўнага боку, і тыя, якія выразна не выяўляюць пэўныя экспрэсіўныя адценні. Напрыклад:

назваюць асобу з улікам яе станоўчай характарыстыкі (беларускія ФА *залатыя рукі* ‘хто-н. вельмі ўмелы і здольны ў сваёй справе чалавек’, *сам сабе галава* ‘самастойны, незалежны ні ад каго чалавек’, *светлая галава* ‘хто-н. ясна і лагічна мысліць, разважае’ і інш. і англійскія ФА

a clear head (дасл. светлая галава) ‘хто-н. ясна і лагічна мысліць, разважае’, *a shoulder to cry on* (дасл. – плячо, для таго, каб паплакаць на ім) ‘той, хто гатовы выслухаць праблемы каго-небудзь, паспачуваць, падтрымаць’ і інш.);

– называюць асобу з улікам яе адмоўнай характарыстыкі (беларускія ФА *воўк у авечай шкуры / скуры* ‘каварны, крывадушны чалавек’, *галава садовая* ‘нездагадлівы, няўважлівы, рассеяны чалавек’, *заячая / заечая душа* ‘вельмі баязлівы чалавек’, *медны лоб* ‘тупы, абмежаваны ці занадта ўпарты чалавек’ і інш. і англійскія ФА *a big / loud mouth* (дасл. – вялікі / громкі рот) ‘пляткар; той, хто не можа захоўваць сакрэты іншых’, *a pain in the neck* (дасл. – боль у шыі) ‘надакучлівы, які дзейнічае на нервы; зануда’, *a babe in arms* (дасл. – немаўля на руках) ‘немаўля; звычайна аб наіўным, непрактычным чалавеку’ і інш.);

- называюць асобу па яе прафесійных навыках і ўласцівасцях, паводле яе сацыяльнага становішча, а таксама выражаюць форму роднасці / сваяцтва носьбітаў моў (беларускія ФА *правая рука* ‘першы памочнік, найбліжэйшы паплечнік, супольнік’, *свежае вока* ‘чалавек, які ўпершыню знаёміцца з чым-н., правярае што-н.’, *белая костка / косць* ‘чалавек знатнага (часцей дваранскага) паходжання’, *свая кроў* ‘блізкі сваяк’ і інш. і англійскія ФА *brain (-s) trust* (дасл. мазгавы трэст) ‘група спецыялістаў’, *a private eye* (дасл. прыватнае вока) ‘прыватны сышчык’, *blue blood* (дасл. блакітная кроў) ‘чалавек дваранскага паходжання’, *flesh of one’s flesh* (дасл. – плоць ад плоці) ‘роднае дзіця; пра кроўную роднасць’ і інш.).

Спынім увагу на прычынах ужывання пэўных саматычных кампанентаў у асобных беларускіх і англійскіх ФА з агульным значэннем ‘асоба’.

Так, лексема *галава / head* атаясамліваецца з цэнтрам перапрацоўкі інфармацыі і матывуе ФА, якія характарызуюць разумовыя здольнасці асобы. Параўн.: бел. *пустая галава* ‘нездагадлівы, прастакаваты чалавек’; *без галавы* ‘неразумны, тупаваты ці няўважлівы, рассеяны’ і англ. *empty head* (дасл. – пустая галава) ‘нездагадлівы, прастакаваты чалавек’; *not to have a brain in one’s head* (дасл. – не мець мазгоў у галаве) ‘хто-н. вельмі дурны’. Пералічаныя ФА ілюструюць уяўленні носьбітаў моў аб розуме як аб адной з самых каштоўных якасцей, якімі надзелены чалавек.

У ФА *куруная галава* ‘нездагадлівы, прастакаваты чалавек’ кампанент *галава* суадносіцца з саматычным, а кампанент *куруная* – з зааморфным кодам культуры. Адмоўна-ацэннае адценне дадзенай ФА надае ад’ектыўны кампанент, які з’яўляецца “несумяшчальным” па семантыцы з кампанентам-саматызмам, у выніку чаго ўзнікаюць алагічныя меркаванні аб чалавеку. У вобразнай аснове ФА знаходзіцца метафара, якая атаясамлівае разумовыя здольнасці чалавека з разумовымі магчымасцямі курыцы (наяўнасць невялікага па аб’ёме галаўнога мозга курыцы тлумачыцца яе непрапарцыянальна малой галавой, а таксама тым, што за большую частку рэфлексаў адказвае ствалавая частка мозга),

перадаючы такім чынам грэблівыя адносіны да асобы. Спалучэнне зааморфнага і саматычнага кампанентаў стварае стэрэатыпны вобраз неразумнага чалавека. Акрамя таго, у вобразнай аснове ФА знаходзіцца архетып-проціпастаўленне “мужчына – жанчына”, што адлюстроўвае “стэрэатыпнае ўяўленне аб жанчыне як аб чалавеку з нізкім інтэлектуальным узроўнем, чые разумовыя здольнасці ніжэй за здольнасці мужчыны” [9, 344]. У ФА *галава* <*i*> *два вухі* ‘нездагадлівы, прастикаваты чалавек’ кампанент-саматызм *вуха* ў спалучэнні з кампанентам-саматызмам *галава* рэпрэзентуе вобраз не вельмі разумнага чалавека. Вобраз ФА ўзыходзіць да старажытнай саматычнай формы ўспрымання часткі як цэлага. У аснове ФА ляжыць метанімія, якая падкрэслівае наяўнасць у асобы толькі галавы і вухэй, пры гэтым на разумовыя здольнасці асобы ўвага зусім не акцэнтуюцца.

Вядучую ролю ў матывацыі ФА адыгрывае і СК *рука / hand*. Так, важным для беларусаў і англічан з’яўляецца імкненне праз руку ацаніць умельства, майстэрства асобы: бел. *залатыя рукі* ‘хто-н. вельмі ўмелы і здольны ў сваёй справе чалавек’; *на ўсе рукі* (майстар, мастак, спецыяліст, хват і пад.; дзяўчына, чалавек, моладзь і пад.) ‘выключны, здольны на многае, здатны да ўсяго’; *першай рукі* ‘найвышэйшай якасці, адметны (майстар, садоўнік і пад.)’, ‘самы заўзяты, з крайнім праяўленнем якіх-н. якасцей (махляр, мярзотнік і пад.)’; *рэдкай рукі* (майстар, спецыяліст і пад.) ‘найвышэйшай якасці, адметны’ і інш. і англ. *an old hand* (дасл. – старая рука) ‘дасведчаны, вопытны (у чым-н.), знаўца (чаго-н.); майстар сваёй справы; бывалы чалавек’; *a bad / poor hand at / with smth.* (дасл. – дрэнная / бедная рука да чаго-н. / з чым-н.) ‘няўмелы, неспрактываваны; няздольны да чаго-н.).

Амаль усе беларускія ФА з кампанентам *душа* паводле семантыкі звязаны з вызначэннем рыс характару, унутраных якасцей чалавека, яго эмацыянальнага стану, напрыклад: *душа наросхрыст / нараспашку* ‘вельмі шчыры, адкрыты, чыстасардэчны’; *заячая душа* ‘вельмі баязлівы чалавек’ і інш. Для падобнай характарыстыкі асобы ў англійскай мове ўжываецца саматызм *heart* ‘сэрца’, напрыклад: *a heart of gold* (дасл. – сэрца з золата) ‘залатое, высакароднае сэрца’, *a heart of oak* (дасл. – сэрца з дубу) ‘храбры, мужны, адважны чалавек’.

Сімвалічнае значэнне крыві звязана з разуменнем роднасці і сваяцтва. Такі функцыянальна значны для культуры сэнс крыві выяўляецца ў беларускіх ФА *кроў ад крыві* ‘роднае дзіця; пра кроўную роднасць’, *свая кроў* ‘блізкі сваяк’. Заўважым, што, у адрозненне ад беларускай мовы, у англійскай мове вылучаюцца ФА, у вобразнай аснове якіх блізкасць паміж людзьмі перадаецца праз СК *heart* ‘сэрца’: *close to / near one’s heart* (дасл. – блізка да сэрца) ‘блізкі сэрцу’; *lie near one’s heart* (дасл. – ляжаць / знаходзіцца каля сэрца) ‘быць блізкім каму-н.’; *dear heart* (дасл. дарагое сэрца) ‘мілы, каханы’

Ужыванне саматызма *кроў* у ФА *кроў з малаком* ‘здоровы, моцны, у росквіце’, ‘вельмі прыгожы; звычайна пра жанчыну’, ‘свежы, румяны’ тлумачыцца, па-першае, сімвалічным значэннем крыві, паколькі лічыцца, што яна з’яўляецца цэнтрам і сімвалам сілы, месцам знаходжання душы; па-другое, яе разнастайнымі рытуальна-магічнымі функцыямі [10, 258–260]. Такая агульная сімволіка лексемы *кроў*, што ўзнікла ў выніку інтэрпрэтацыі протасітуацыі, пакладзенай у аснову ФА, дазваляе суаднесці названы кампанент з нацыянальна-культурнымі эталонам здаровага, прыгожага, румянага чалавека ці бледнага з якой-н. прычыны.

Эталонныя вобразы вельмі разумнага – *сямі пядзяў у лбе / лобе* ‘вельмі разумны, здольны, здатны’ – і вельмі рослага чалавека – *касы / косы сажань у плячах* ‘рослы, плячысты, магутнага складу; пра мужчыну’ – ствараюцца з дапамогай гіпербал. Калі ўспрымаць ФА літаральна, то памеры лба і плячэй былі б занадта вялікімі і не характэрнымі чалавеку, бо *пядзя* – ‘старая мера даўжыні, роўная адлегласці паміж расшыранымі вялікім і ўказаным пальцамі’ [11, 528], а *сажань* – ‘старая руская і беларуская мера даўжыні, роўная 3 аршынам (2,13 м)’ [11, 580]. У англійскай мове вылучана ФА *Tom thumb* (дасл. Том палец) ‘карлік, ліліпут’, ‘нікчэмны, пігмей’, у вобразнай аснове якой, наадварот, знаходзіцца літота.

Такім чынам, супастаўленне і параўнанне беларускіх і англійскіх ФА, якія рэпрэзентуюць уяўленні носьбітаў моў аб саміх сабе, дазволіла ўстанавіць не толькі ўніверсальнасць успрымання і пераасэнсавання функцый найменняў пэўных частак цела носьбітамі беларускай і англійскай моў, але і наяўнасць культуралагічных асаблівасцей, якія падкрэсліваюць адметнасці светаўспрымання англічан і беларусаў і спосабы іх пазнання самога сябе.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Скнарэв, Д.С. Фразеологізмы русскаго языка с компонентами-соматизмами : проблемы семантики и прагматики : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д.С. Скнарэв ; Челябинск. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2006. – 24 с.
2. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия и семантика / Е.В. Урысон ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – 244 с. – (Studia philologica).
3. Сендровиц, Е.М. Названия частей человеческого тела в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Сендровиц ; Моск. гос. ун-т. М., 1970. 20 с.
4. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. Т. 1 : А Л. 672 с.
5. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. Т. 2 : М Я. 704 с.

6. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь : ок. 20000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. – 5-е изд., испр. – М. : Живой яз., 1998. – 944 с.
7. Корсак, Л.Д. Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу / Л.Д. Корсак, Л.С. Марціновіч. – Мінск : Выш. шк., 1984. – 122 с.
8. Cowie, A.P. Oxford dictionary of current idiomatic English : Phrase, clause and sentence idioms : Vol. 2 / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – Oxford : Oxford University press, 1994. – 685 p.
9. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Культурологический комментарий / редкол.: В.Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд. стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
10. Лобач, У. Кроў / У. Лобач // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік ; рэдкал.: С. Санько [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 258–260.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : больш за 65000 слоў / Нац. акад. навук, Ін-т мовазнаўства ; [І.М. Бунчук і інш.] ; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – 784 с.

М. Г. Лобан

старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии
МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Святоотеческие традиции – литературное, богословское, аскетическое наследие отцов и учителей Церкви II–VIII вв., а также трудов русских старцев XIX века – привлекают пристальное внимание современных исследователей, поскольку каждый из ученых находит в них уникальную методику самопознания и самоуглубления личности с целью самосовершенствования и поиска ответов на многочисленные жизненные вопросы.

Духовное наследие православных поэтов и писателей, богословов и философов, отражающее их видение основ православной культуры, активно пропагандируется и изучается не только православной педагогикой [1], но и литературоведением [2]. «Святоотеческое наследие является целостным учением, содержащим знание о человеке и его душе, о его наличном и долженствующем быть состоянии, – отмечает

А.П. Матвеев. – Это уникальная энциклопедия тончайших состояний человеческой души, их взаимодействия и взаимовлияния, их генезиса и объективации в поведении человека» [3].

Выделение в истории русской словесности нового научного термина «христианский реализм» [4] позволяет наметить ряд *функциональных признаков* святоотеческой литературы:

– переориентация художественного конфликта из сферы «человек и общество» в сверхколлизиию «человек и Бог»;

христианская антропология и социология как проявление индивидуализации и соборности художественного образа;

– христианский идеал – основа типичных проявлений духовной жизни в обществе;

– главная идейная установка автора – формирование внутреннего мира человека;

– опора на абсолютные моральные ценности, не подверженные идеологическим колебаниям;

обращенность к целостному человеку – его разуму, воле, чувствам, уму, сердцу, душе;

– пропаганда личного (самого автора и его героев) духовного опыта как пример для подражания.

«Учения святых отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола, под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта», писал И.В. Киреевский, указывая на христианскую этико-эстетическую традицию, которая создавала духовный контекст развития русской культуры [5]. Именно в нем выстраивались взаимоотношения христианской и светской литератур, которые стали предметом острых дискуссий.

Патрология и патристика проповедуют христианство как философию и любомудрие ко Христу: православие в трудах отцов церкви II VIII веков выступает как труд и подвижничество, направленные на достижение мира в себе и вокруг себя. Святоотеческая письменность исследует древнехристианский аскетизм и зарождение монашества, изучает «церковные древности».

Предметом литературоведения становятся типологические связи и сходства в творчестве русских писателей и святых отцов, функционирование библейских образов и мотивов в рамках художественных текстов, влияние христианского мировосприятия автора на реализацию его творческих замыслов.

«Идейно-художественные «взаимоотношения» христианства и светской культуры складывались по-разному, выявлялись неравномерно и специфически в те или иные периоды истории России. Одним из координирующих этот процесс факторов, его движущей силой и необходимым условием, являлось соотношение «своего» и «чужого», национального и инонационального, традиционного и новаторского» [4, 273].

Сегодня научный богословский портал «Богослов. ru» развернул дискуссию о «христианском духе» русской литературы. Вновь с позиций «своего» и «чужого» рассматривается проблема «некой преемственности двух литератур, замыкая церковную книжность в порочный круг бесконечного «прогрессивного» развития классической литературы» [5]. Продемонстрируем самые показательные высказывания.

«Широко распространенное мнение, что русская классика проникнута «христианским духом», требует серьезных корректировок, – замечал петербургский профессор А.М Любомудров. – Если понимать под христианством не расплывчатый набор гуманистических «общечеловеческих» ценностей и нравственных постулатов, а систему миропонимания, включающую в себя прежде всего принятие догматов, канонов, церковного предания, т.е. христианскую веру, то придется констатировать, что русская художественная литература отразила христианство в очень малой степени. Причины этого в том, что литература Нового времени оказалась оторванной от Церкви, выбрав такие мировоззренческие и культурные ориентиры, которые, по сути, противоположны христианским» [5].

Профессор Петрозаводского университета В.Н. Захаров, включаясь в полемику, категорично заявляет: «...Необходимо условиться, что понимать под Православием. Для А.М. Любомудрова Православие догматическое учение, и его смысл определен катехизисом. При таком подходе православными могут быть только духовные сочинения. Между тем Православие не только катехизис, но и образ жизни, мировосприятие и миропонимание народа. В этом недогматическом смысле говорят о православной культуре и литературе, о православном человеке, народе, мире и т.п.» [5].

Таким образом, споры о святоотеческих традициях русской литературы продолжаются, чем подогревают интерес и богословов, и литературоведов к дальнейшим исследованиям. Д.С. Лихачев, указывая на взаимосвязь двух видов литератур, писал: «...Средневековая же, по преимуществу церковная, словесность мыслится как «младенческое состояние» грядущей за ней великой классической литературы, как своего рода грандиозная заготовка, черновик классики». Современное литературоведение и патристика ищут точки соприкосновения в решении данной проблемы.

Одним из перспективных направлений, по мнению Н.Н. Старьгиной и И.П. Карпова, является исследование произведений русской классической литературы в аспекте этико-христианских традиций: освещение православного типа духовности в научной истории отечественной литературы, проявление в русской литературе XIX века евангельского христоцентризма (Иисус Христос как образец нравственной высоты) [4]. Особый интерес вызывает творчество писателей, воспитанных в духе православной культуры, авторов, проповедующих в своем

творчестве высокие нравственные ценности, ориентированные на заповеди Христовы.

Отношение к их творческому наследию в русском литературоведении было неоднозначным: «суровое молчание» революционно-демократической критики, водворение на задворки русской словесности и присвоение разрядности «второсортных писателей» сменялось полным безразличием и исключением из списка изучаемых авторов в школьных и вузовских программах.

Современная литературоведческая наука ищет точки соприкосновения светской и религиозной культур, поэтому обращается к изучению творчества классиков XIX и XX веков, которые смогли в эпоху атеизма отразить в своих художественных произведениях православные идеалы.

Н.С. Лесков, по словам Л.Н. Толстого, – «писатель будущего» – глубоко верующий человек, воспитанный на традициях русского православия, воплотил в своем творчестве эстетические принципы изображения действительности, способы и приемы характерологии, стилистические манеры, формы авторского присутствия в тексте, пути жанрообразования через тему праведничества. *«Просто ведь это, восклицает герой-праведник рассказа «На краю света», – водкою во славу Христову упиваться нельзя, драться и красть во славу Христа нельзя, человека без помощи бросить нельзя».*

С христианством Лесков связывал духовную жизнь человека, народную этику, национальное сознание. *«Народ не расположен жить без веры»*, – уверенно заявлял писатель. В этом, по его мнению, открывается возможность духовного спасения и нравственного очищения человека, а, следовательно, и достижение гармонии в общественной жизни. *«По словам Христа, ... и по совести и разуму, человек призван помогать человеку в том, в чем тот временно нуждается, и помочь ему стать и идти, дабы он в свою очередь так же помог другому, требующему поддержки и помощи»*, – писал в 1880 году Н.С. Лесков.

Свою творческую задачу писатель реализовал в сборнике-цикле «Три праведника и один Шерамур» (1880), в который вошли «Однодум», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Русский демократ в Польше», «Шерамур». Цикл «Праведники» продолжал пополняться произведениями, созданными с 1880 по 1890 год, что свидетельствовало о типичности его православных героев (*«Без тех праведных несть граду стояние»*).

Стремление к самоочищению, самосовершенствованию в свете христианских идеалов было свойственно поэтам XX века. В 1919 году Максимилиан Волошин создает стихотворение «Неопалимая Купина», в котором с помощью христианской символики передаются чаяния автора о судьбе не только отдельного человека, но и целой страны:

*Мы – зараженные совестью: в каждом
Стеньке – святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.*

*Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво горит, не сгорая,
Неопалимая Купина! [6]*

Поэтическое осмысление судьбы богоизбранной России нашло отражение в творчестве русских поэтов XIX века. Еще в 1854 году Алексей Степанович Хомяков, русский поэт и философ, богослов и публицист, художник и член-корреспондент Петербургской Академии наук, создал стихотворение «Раскаившейся России» – поэтическое «обращение-молитву», в котором выразил собственное осознание очищения от пороков (и светское, и религиозное):

*О Русь моя! как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на божеский призыв,
Так, исцелив болезнь порока
Сознанием, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко,
В сиянии новом и святом!*

*Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна, – ангел бога
С огнесверкающим челом! [7]*

Таким образом, изучение святоотеческих традиций восстанавливает христианский контекст русской словесности и способствует моделированию объективной, идеологически непредвзятой концепции художественной литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шестун, Е. протоирей. Православная педагогика / Е. Шестун, протоирей. – М.: Про-пресс, 2001. – 576 с.
2. Святоотеческие традиции в русской литературе: сборники материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. В.В. Соломонова, С.А. Демченков. – Омск, 2003, 2006, 2007, 2008, 2010 // <http://traditions.org.ru>.
3. Матвеев, А.П. Понятие «Святоотеческие традиции» в духовно-нравственном воспитании школьников / А.П. Матвеев // <http://sthum.ru/content/matveev-ap-ponyatie-svyatootecheskoy-tradicii-v-sisteme-duhovno-nravstvennogo-vozpitanija>.
4. Старыгина, Н.Н. Реализм в литературе XIX века (к проблеме типологии) / Н.Н. Старыгина // Открытый урок по литературе (Планы, конспекты, материалы): пособие для учителей / редакторы-составители: Карпов И.П., Старыгина Н.Н. – М.: Московский Лицей, 1999. – С. 273–280.
5. Маслова, М.И. О «христианском духе» русской литературы: pro et contra / М.И. Маслова // <http://www.pravoslavie.ru/smi/1543.html>
6. Волошин, М. Неопалимая Купина / М. Волошин // <http://slova.org.ru/voloshin/neopalimayakupina>.
7. Хомяков, А.С. Раскаявшейся России / А.С. Хомяков // <http://nepsis.ru/zavisimosti/biblioteka-o-zavisimostjah/184-as-homjakov-raskajavshejsja-rossii.html>.

Л. В. Пузан

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПАРЕМИЯХ

Данная работа посвящена гендерному аспекту фразеологических исследований. Материалом исследования послужили поговорки, извлеченные из Сборника народных пословиц В.И. Даля и раскрывающие концепты «женщина» и «мужчина» в рамках тематических групп «Сватовство», «Жених – невеста», «Муж – жена», «Баба – женщина». Теоретическая значимость работы видится в определенном вкладе в изучение формирования гендерных стереотипов в русской лингвокультуре,

интерпретацию их содержания, а также актуальности полученных результатов для типологических обобщений и выводов.

Развитие лингвистики на современном этапе, как известно, характеризуется антропоцентрическим подходом к изучению языковых явлений, что обусловило появление в ней таких новых направлений, как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др. Среди перечисленных наук особое место занимает также гендерная лингвистика, базовым понятием которой является «гендер». Под гендером понимают социокультурный пол, что позволяет трактовать это понятие как «конвенциональный идеологический конструкт», в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре [1].

Обзор работ в области фразеологических исследований показал, что в современной фразеологии также появились новые направления, обусловленные обращением лингвистов к фактору «человек» и, как результат, растущее число работ, выполненных с позиций междисциплинарного подхода: культурологического, когнитивного и гендерного (В.Н.Телия, А.В. Кирилина, А.В. Артемова, В.В. Васюк, Б.Ю. Норман, А.Ю. Першай, В.И. Коваль, К.С. Волошина и др.).

В сфере паремологии, как известно, наиболее четко проявляются национально-культурные и национально-языковые особенности, национальный менталитет, стереотипы.

Согласно В.И. Далю, «пословица – это коротенькая притча; суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот. Как всякая притча, пословица состоит из двух частей: из общего суждения и толкования, поучения. Иногда вторая часть опускается, предоставляется сметливости читателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки» [2, 13–14]. В качестве полной пословицы В.И. Даль приводит следующий пример: Всякая рыба хороша, коль на уду пошла. Поговорку В.И. Даль определяет как «способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения», подчеркивая, что поговорка «только заменяет прямую речь окольной, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Жена не говорит: «Он пьян; а скажет: «У него в глазах двоится», «Он навеселе» [там же].

Анализ паремий, отражающих женскую картину мира в русскоязычном пространстве в рамках указанных выше тематических групп позволил выделить и охарактеризовать два периода в жизни женщины: девичество и замужество. До замужества девушка живет вольной жизнью, имеет право отказать жениху, красуется «как маков цвет», что отражено в следующих паремиях: Гуляй, пока голова не покрыта (замужние женщины из народа надевали на голову «плат»); Своя волюшка (девке) у батюшки; Девкою полны улицы, бабою полна печь [2, 287–295].

В паремиях, описывающих жизнь женщины в замужестве, доминирует образ несвободы, связанности, разлука с близкими и тяжелый домашний труд. Ср.: Покроют головушку, наложат заботушку; Хвалит сваха чужую сторону, а сама в нее ни по ногу; Чужедальня сторона: она горем посеяна, слезами поливана, тоскою покрывана, печалью горожена; Под чужой потолок подведут, другое имя дадут; Дочь – чужая добыча. Дочь – отцу, матери не корысть (не кормилица). Ключница чужому отцу, ларешница чужой матери; Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа [2, 287–295].

Причем замужество воспринимается как необходимость, как приобретение минимальной защищенности, отсутствующей у женщины вне брака. Ср.: Хоть плох мужичок, а завалюсь за него – не боюсь никого; Для щей люди женятся, для мяса замуж идут; За мужину жену есть кому вступиться; Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной спиной не сижусь сиротой; Худ Устим, да лучше с ним; С ним горе, а без него вдвое, хоть лыками сшит, да муж; Жена без мужа – всего хуже. Жена без мужа – вдовы хуже; Жена при муже хороша. Без мужа не жена; Птица крыльями сильна, жена мужем красна; Без мужа жена всегда сирота; Когда овдоеешь, тогда и мужа помянешь; С мужем – мужа; без мужа – и того хуже; а вдовой да сиротой хоть волком вой [2, 287–295].

Нами отмечены также паремии, содержащие противоположные суждения: Нужа, нужда! (нужда) нет ее хуже, а лучше худого мужа; Плоха стужа да нужда, а все лучше худого мужа; Ни выпрячи – впрячи, ни в ухабе сберечи, ни от солнышка затулей, ни от дождя епанча; Как худая трава, только ноги оплела; Ни в молодости на потеху, ни в старости на подмогу, ни по смерти на помин души; За плохим жить, только век должить (волочить); Был у меня муж Иван – не приведи бог и вам [2, 287–295].

«Засидеться в девках» считалось своего рода позором, которого всячески избегали, выходя замуж за немилого. Ср.: Не найдешь паренька – выйдешь и за пенька; Хоть за вола, только б в дому не была; Брагу сливай, не доквашивай; девку отдай, не дорацивай; Пока ветры не обвеяли, да собака не облаяла, отдавай; Красит девку венец да молодец; В девках засиделась, так на том свете козлов паси [3, 216–218].

Больше шансов выйти замуж было у девушки с хорошей славой/репутацией, поэтому родители оберегали дочь от лишних глаз. Главным достоинством девушки считалась скромность. Ср.: Смиренье девичье ожерелье; Видена девка медяна, а не видена золотая; Что девушка не знает, то ее и красит; Хорошо гостит девка, а итога лучше дома сидит; Всяк бы про девку слышал (ведал), да не всяк бы ее видел; Не видена – девица, а видена – девушка; У доброй девки ни ушей, ни глаз [3, 216–218].

Ряд паремий, характеризующих женщину до замужества, носит рекомендательный характер как в отношении ее самой, так и в отношении ее родителей. Ср.: Сиди дома! Будь скромна! Держи девку в тесноте, а деньги в темноте (не давай девке волю); Сиди, девица за тремя порогами.

Орехи – девичьи потехи; Не берись, девка, за лапту (т.е. будь скромна); Держи девку в кувшине, а выглянет, так перстом; Береги дочь до венца; Стекло да девку береги до изъяну [3, 16–218].

Дурная слава была клеймом на репутации девушки. Ср.: Девка хороша, да слава не хороша; Хорош соболек, да измят. И рада б идти замуж, да зад в дегтю; Худая слава пройдет – никто замуж не возьмет; Девушка не травка, не вырастет без славки; Первую дочь берут по отцу, матери, вторую по сестре; Грех не беда, да слава не хороша (Грибоедов); Какова баба, такова и слава; Какова девка, такова ей припевка; Какова Маланья, таково ей и поминанье; Какова пава, такова ей и слава. Рекомендательное содержание вербализуют и следующие паремии: Не к лицу бабке девичьи пляски; Девушка невестица – бабушке ровесница; Чужого мужа полюбить – себя погубить [2, 273–275].

Нижеследующие паремии позволяют судить о преданности, самопожертвовании и покорности женщины: Ради милого дружка и сережку из ушка; Для милого не жаль потерять и многого; Милый ударит – тела прибавит. Милый побьет, только потешит; От того терплю, кого больше люблю; Миленок и не умыт беленок; Ради милого и себя не жаль; Был бы хлеб да муж, и к лесу привыкнешь.

Следует однако отметить группу паремий, в которых женщины проявляют свою волю и решительность и могут постоять за себя. Ср.: Я ее палкой; она меня скалкой; С хватом бабе хоть на медведя; В стары годы бывало – мужья жен бивали, а ныне живет, что жена мужа бьет; У нее муж по ниточке ходит; Этой бабе только бы штаны надеть; И то бывает, что кошка собаку съедает [2, 287–295].

Отражено в паремиях и отношение к красоте русской женщины (девушки). Ср.: Кругла, пухла, бела, румяна, кровь с молоком (идеал); ант. Костлявая девка – тарань-рыба; Коса – девичья краса; Расцветает, что маков цвет. При этом подчеркивается, что красота женщины не вечна: Красота – до венца; Бабий век – сорок лет.

Красоте и нарядам женщины в русской лингвокультуре предпочитается хозяйственность: Не наряд девку красит, а домостройство; Хороши марьяны (бусы), да девки не скрасят. В ряде паремий отражается образ женщины, красота и ухоженность которой ассоциируется только с праздниками: В праздник – груша, а в будень – клуша; В праздник – белоличка, в будень – чумичка [2, 273–275].

Русская женщина – бережливая: Муж возом не навозит, что жена горшком; Не столько муж мешком, сколько жена горшком [там же].

Наряду с положительными характеристиками, женщины в картине мира русской паремиологии присутствуют и отрицательные, причем в гораздо большей степени. А.В. Кирилина считает, что преобладание эмотивно- отрицательных фразеологических единиц обусловлено особенностью восприятия окружающей действительности человеком, поскольку все положительное воспринимается как норма для

представителей определенного культурного сообщества и не всегда находит отражение и реализацию в языке, в то время как негативное трактуется как отклонение от принятой обществом нормы и всегда маркировано в языке [1].

Формирование гендерных стереотипов происходит под влиянием целого ряда экстралингвистических факторов. К числу таких факторов относятся мифология и религия, поверья и обычаи. Общеизвестен факт, что в Библии мужчина представляется первенцом творения, тогда как женщина была создана второй из ребра Адама, чем обусловлены второстепенная роль женщины в обществе, сомнительность ее принадлежности к категории «человек», приписывание ей массы негатива. Ср.: Девки не люди, козы не скотина; Курица не птица, баба не человек; Кобыла не лошадь, баба не человек; Я думал идут двое, ан мужик с бабой; Курице не быть петухом, а бабе мужиком; Баба, что жаба.

Женщина наделена демоническими чертами: Ср.: Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; Баба да бес – один у них вес; Где сатана не сможет, туда бабу пошлет.

Приведем группу паремий, в которых прослеживается низкая оценка женского интеллекта. Ср.: У бабы волос долог, да ум короткий; Коротка, что девичья память; Бабе дорога – от печи до порога; Личико беленько, да ума маленько; Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; Дура не дура, а ума нет; Бабьи умы разоряют дома; Собака умнее бабы: на хозяина не лает [2, 273–275].

Женский ум – явление не желательное. Ср.: Умную взять – не даст слова сказать. Женский ум сочетает в себе такие признаки, как находчивость и хитрость: У парня догадка, у девки смысл; Лукавой бабы и в ступе не истолчешь.

Девушке / женщине свойственно также притворство, ср. Гонит девка молодца, а сама прочь нейдет; лживость и неискренность: Жених на двор, и пальцы на стол; Не всякая жена мужу правду сказывает; И дура-жена мужу правду не скажет; Бабья вранья и на свинье не объедешь; Баба бредит да кто ей верит (притворная); Баба плачет свой нором тешит [2, 273–275].

В русских паремиях женщина предстает непостоянной, ненадежной, ветреной: Ср.: У бабы семь пятниц на неделе; Женские думы изменчивы; Меж бабьим 'да' и 'нет' не проденешь иголки; Женские думы изменчивы; Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы уверток.

Она (баба) также чрезмерно разговорчива, болтлива. Ср.: Где утка (т.е. баба), там и мутка (т.е. сплетня); Не все то правда, что бабы врут; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Где баба, там рынок; где две, там базар; Где две бабы, там сходка, а где три, там содом; Волос долог, а язык длинней; У баб только суды да ряды [с. 273–275].

От русской женщины, представленной в паремиях, могут исходить опасность и коварство. Ср.: Не верь жене в подворье, а коню в дороге;

Жена ублажает, лихо замышляет; Не верь ветру (коню) в поле, а жене в доме!

У нее плохой нрав. Она упряма. Ср.: Стели бабе вдоль, она меряет поперек; Родилась пригожа, да по нраву негожа; С собой красавица, да душа трухлява; С бабой не сговоришь; Бабу не переговоришь; За бабой покидай последнее словцо; Бабе хоть кол на голове теши [2, 273–275].

В нижеследующих паремиях осуждается распущенность и блудливость женщины. Бабьему хвосту нет посту; Знают бабу и не для пирогов; На прохожей /битой, торной дороге трава не растет; И красавица, да гулява; Солдаткиным ребятам вся деревня отец; Собака гуляла, да и хвост прогуляла.

В народных пословицах замужние женщины нередко наделяются злым нравом. Ср.: Девушки хороши, красные пригожи, да отколь же злые жены берутся? Всех злее злых злая жена; Злая жена сведет мужа с ума; Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою [2, 287–295].

Отрицательная характеристика русской женщины включает в себя также такой компонент, как «слезливость» / «плаксивость». Ср.: Баба слезами беде помогает; Без плачу у бабы дело не спорится; Женский обычай – слезами беде помогать; У баб да у пьяных слезы дешевы. Становится понятным, почему современных мужчин нередко называют «бабами». Речь идет о мужчинах, обнаруживающих «женский» тип поведения (Эка баба, что нюни распустил).

Следует отметить, что в анализируемом языке существует ряд пословиц, которые как бы перечеркивают все то негативное, что звучало о женщине. Особое место в этой связи занимают пословицы и поговорки, отражающие уважительное отношение к женщине, как матери и хозяйке: Умная жена как нищему сума; Женский ум лучше всяких дум; Без жены, что без ума; И зла жена добра жена. Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери; Нет такого дружка, как родная матушка; Отцов много, а одна матушка; При солнце тепло, а при матери добро; Хозяйка в дому, что оладышек в меду; Добрую жену взять ни скуки, ни горя не видать; Без мужа, что без головы; без жены, что без ума; Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт; Три друга: отец, да мать, да верная жена [2, 273–275]. В жизни мужчины, также как и в жизни женщины, в русских паремиях отражены две фазы жизни: до женитьбы и после женитьбы.

Паремии, вербализующие концепт «до женитьбы», носят зачастую назидательный характер. Ср.: Жену выбирай не глазами, а ушами (по доброй славе); Красную жену не в стенку врезать; Бери, чтоб не каяться, жить в любви, да не маяться; Выбирай корову по рогам, а девку по родителям; Не ищи красоты, ищи доброты! Глупому мужу красная жена дороже красного яйца; С лица воду не пить, умела бы пироги печь; Красота приглядится, а щи не прихлебаются; Не бери жену богатую, бери непочатую! Много невест разбирать, так век женатому не бывать; Богаты

невесты – да до венца. Верь приданому после свадьбы; Наперед перебеситься, а потом жениться; На резвом коне жениться не ездят; Не заламывай рябинку не вызревшу; не сватай девку не вызнавши; Не молодца любят, денежку; Пей вино, да не брагу; люби девку, а не бабу; С корня не валяй., а валежник подбирай; О девке худа не молви [2, 281].

Из русских паремий явствует, что как для женщины, так и для мужчины семья имеет первостепенное значение. Ср.: Не женат – не человек; холостой что бешеный, холостой – полчеловека; Лучше жениться, чем волочиться; Что гусь без воды, то мужик без жены; Жениться скорее в дому прибыльнее.

Женитьбу мужчина считает скорее «бедой». Ср.: Что весел? Да женюсь. Что бледен? Да женился; Кумишься, сватаешься, а проспишься спохватишься; Женился как на льду обломился; Жениться беда, не жениться беда, третья беда не дадут за меня; Женил бы тебя (сказал мужик в сердцах упрямому мерину, который задурил) [2, 281].

Но не для всякого женитьба оборачивается бедой. Ср.: Один женился – свет увидал; другой женился – с головою пропал; одному с женою радость, другому горе; Бился, колотился, а доброй жены не добился; Одному с женою горе – другому вдвое; Горько, что беда, а мило, что жена; Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; три друга [там же].

Женившись, мужчина берет на себя ответственность за жену, невольно меняется его отношение к жизни, его привычки. Ср.: Жениться – с людьми распротиться; Не женился молодец, а постригся. Женился, не подстригся, а от посиделок отказался; Жениться – не все веселиться. Женился – на век заложился; Жениться, так не лениться; хоть не хочется, да вставай! Хоть гайтан порви, да жену корми (т.е. хоть крест с шеи продай); Жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; Жена не седло: со спины не сымешь [2, 281–283].

Однако отношение мужчины к женщине, выраженное в русских паремиях, является отношением существа привилегированного к существу подчиненному: К ней (бабе) следует применять строгость, держать ее в ежовых рукавицах: Бей бабу молотом, сделаешь золотом; Любить жену держать грозу; Люби жену, как душу, трясина ее, как грушу; Шубу бей теплее, жену бей милее; Бей жену к обеду, а к ужину опять. Нельзя бабе давать волю: Ср.: Жене спускать – добра не видать; Жене спускать – так в чужих домах ее искать; Жена без грозы хуже козы; Бабе спустишь сам баба будешь; Кто волю жене дает, тот сам себя обкрадывает; От мужа поволька – жена-самоволька; Дал муж жене волю – не быть добру; Воля и добрую жену портит [2, 287–285].

Стереотипным идеалом мужчины является жена «смирная как агнец, делова, что пчела, красна, что райская птица, верна, что горлица» [там же].

Отмечено много пословиц, в которых добрая жена противопоставляется злой. Ср.: От плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь; Добрую жену взять ни скуки, ни горя не знать; С доброй женой сполгоря и горе; Хорошая жена – дом; добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом растрясет; Добрая женитьба к дому приучает, худая от дому отлучает; Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит. Перед злой женою сатана младенец непорочный. Худая жена кара господня. Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Злая жена мирской мятеж; Злая жена засада спасению. Лучше камень долбить, чем злую жену учить [2, 287–295].

К внешности мужчины предъявляются невысокие требования: Мужчина, коле немножко казистее черта, – красавец; Чем не молодец, коли нос с огурец; Не урод, так и красавец; Не казист лицом, да тряхнет молодцом [2, 281].

В пословицах можно обнаружить свод правил, в которых осуждается безнравственность, сексуальная распущенность мужчины. Ср.: Зародился Никита на волокиту; Масляны глаза – деушник; Молодой дурит, старый пакости творит; У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост; Седина в бороду, а бес в ребро; Это игумен вокруг гумен; Девок высматривать, по теремам глазеть; И старо, да не холощено; Мышиный жеребчик (старый, сухой щеголь и волокита) [3, 163].

В русских паремиях отражена не только зависимость жены от мужа, но и мужа от жены. Ср.: Видал ли ты беду? Терял ли ты жену?; Не плачет малый, не плачет убогий, а плачет да горюет вдовый. Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота [2, 281–283].

Формирование гендерных стереотипов, отраженных в народных пословицах, которые собирал В.И. Даль на протяжении всей своей жизни, происходило под влиянием целого ряда экстралингвистических факторов. Большое влияние на общественную мораль и русский быт оказал «Домострой» – памятник русской публицистической и социально-этической мысли, содержащий регламентацию различных сторон жизни христианина. Окончательная редакция «Домостроя» принадлежит видному общественному деятелю середины 16 века священнику Сильвестру Медведеву. «Домостроительство» понимается им как «строительство мира» – земного дома человека. Главной обязанностью православного христианина является следование божественным заветам, а также строительство собственного дома, своей семьи. Подобно тому, как в обществе необходимо подчиняться царю и властям, так и в семье ее главе «господину». «Домострой» послужил своеобразной энциклопедией русского патриархального домашнего быта, сформировавшегося под влиянием православной церкви [4].

Наши дальнейшие исследования предполагается провести на материале паремий немецкого языка, осуществив сопоставительный анализ гендерных стереотипов в русской и немецкой лингвокультурах. Большой интерес для исследователя представляет также эволюция гендерных стереотипов, обусловленная изменением положения женщины в обществе, и их отражение в различных видах современного дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кирилина, А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. gender-cent.ryazan.ru/school/kirilina1.htm](http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/kirilina1.htm). – Дата доступа: 23.03.2017.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. / В. Даль. – М.: «Художественная литература», 1984. – Т. 2. – 399 с.
3. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. / В. Даль. – М.: «Художественная литература», 1984. Т. 1. 383 с.
4. Домострой [Электронный ресурс]. Режим доступа: [dic.academic.ru / dic.nsf/enc_philosophy/8285/](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8285/). Дата доступа: 03.04. 2017.

О. В. Сергушкова

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

СПЕЦИФИКА СЕГМЕНТАЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале газетных текстов)

В статье под сегментацией понимается такое расчленение предложения, результатом которого выступает сегментированный текст (СТ), состоящий из базового предложения-высказывания (БП) и сегментированной конструкции (СК) как относительно самостоятельной синтаксической единицы, которая акцентуирует рему расчленяемого предложения или структурирует новую рему СТ. СК представляют собой отчлененные от предложения синтаксемы или предикативные части сложных предложений (СП).

Наша картотека насчитывает более 1000 случаев расчленения СП. Наиболее ярко сегментированные конструкции проявляют себя в сложноподчинённых предложениях (СПП). Задача данной работы заключается в выявлении специфики сегментации СПП.

Результатами исследования являются следующие выводы:

1. Отчлененные от сложноподчиненного предложения ПЧ являются парцеллированными конструкциями (ПК), так как они имеют свои собственные темы и ремы, смысловая значимость которых при сегментации возрастает. Например: *Она борется с браконьерами... строга неустанно заявления в полицию. Где, понятное дело, ее встречают*

устало и вполне добродушно... (ЛГ. – 2017. – 22 февр.). В статье приняты следующие графические выделения и сокращения: 1) *курсив* – для обозначения текста; 2) *полужирный курсив* – для обозначения СК и близких к ним конструкций; 3) *подчеркивание* – для обозначения ремы в БП и СК; газеты: 1) СБ – «СБ – Беларусь сегодня», 2) ЛГ – «Литературная газета»; 3) Изв. – «Известия».

Примечание – По участию СК в выражении темы и ремы, кроме парцеллированных, согласно нашей классификации, выделяются также конструкции собственно сегментированные, в которых нет новой ремы, и сегментированные присоединительные конструкции, содержащие добавочное сообщение из другой области знаний.

2. Чаще всего отчленяются придаточные части (ПЧ) следствия и причины, а также уступки (в нашей картотеке соответственно 33%, 20,7% и 18,7% от количества сегментированных ПЧ).

Сегментация СПП может быть необязательной, но желательной, как, например, в (1) – (3), где сегментированными являются ПЧ причины, следствия и уступки: (1) *...самые безопасные люди это – несчастливые люди. Потому что они в наибольшей степени люди* (ЛГ. – 2005. – 3–9 авг.); (2) *Молодые экономисты, которые пришли заниматься проблемами железных дорог Казахстана, никогда не были железнодорожниками. Поэтому их первоначально встретили в штыки* (Изв. – 2003. – 11 дек.);

(3) *Желающий получает... при необходимости – лечение... Хотя сама целительница – профессиональный художник* (СБ. – 2003. – 2 июля).

Но чаще встречаются СТ с такими факторами расчленения предложения, которые делают сегментацию необратимой: (4) *Саша... решил выстроить на речке Любинке образцово-показательное экопоселение – каких во всём мире уже развелось столько тысяч!* (4б) *Чтобы и у нас было место, где люди живут в гармонии с природой...* (ЛГ. – 2004. – 24–30 марта). Здесь главная часть СПП и сегментированная ПЧ цели имеют разные иллокуции, поэтому несегментированное предложение путём «снятия» знака конца предложения после БП образовать нельзя; (5) *Это первая попытка проанализировать некоторые итоги... которые проводит Казахстан в течение последних десяти лет. И почему это невозможно в России* (Изв. 2003. 11 дек.). В данном случае смысловая лакуна перед сегментом (5б) препятствует «слиянию» БП (5а) с сегментированной ПЧ (5б) из-за аграмматичности получаемого несегментированного предложения; (6) *...в Москве сейчас... слишком много книг. Я бы сократил раз в 55. (6а) Я знаю, что мне скажут. (6б) Что это, мол, невежество, обскурантизм, что книг должно быть много, «хороших и разных», что «наконец-то дождалось» и т. д.* (ЛГ. – 2001. – 14–20 февр.). Здесь образование несегментированного предложения путём соединения (6а) и (6б) также не может быть произведено, так как это приведёт, во-первых, к неоправданной замене

союзом-омофоном «что» союзного слова «что», которое акцентуировано и по смыслу, как одна из важных частей сложного синтаксического целого и статьи в целом, и просодически; во-вторых, к стилистической ошибке – тавтологическому употреблению слова «что» при структурировании последовательного подчинения в многочленном СПП.

3. Особый интерес представляют случаи сегментации многочленных СПП. В итоге создаётся СТ, включающий в себя высказывания, формально не тождественные предложению как грамматической единице, но достаточные для относительно самостоятельного существования в письменной речи. Подобное расчленение легко объяснимо. Например, в следующем СТ каждая ПЧ называет необходимую, с точки зрения взрослых, норму своеобразного морального кодекса, которому должны следовать дети. И хотя каждое из положений – часть целого, их легче запомнить, потому что с помощью сегментации они сформулированы кратко и даны отдельно друг от друга: (7) *В детстве... мне говорили, что девочка должна быть скромной и доброй, а мальчик великодушным и смелым. Что нельзя обижать животных. Что надо уважать старших. Нехорошо красть и некрасиво врать* (ЛГ. – 2006. – 30 авг.).

Часто сегментация многочленного СПП не только оправдана, но и необходима, так как ускоряет и упорядочивает восприятие текста. Например тогда, когда после «снятия точек» несегментированное предложение получается слишком большим, иногда настолько, что языковая единица перестаёт восприниматься в силу своей чрезмерной длины: (8) *И далеко не все... знают о том, что из-под пера композитора [Александры Пахмутовой. – О. С.]... вышло немало крупных симфонических и хоровых сочинений. Что она... с блеском окончила Московскую консерваторию, где училась в классе Виссариона Шебалина, который ещё в пору ученичества своей студентки писал о том, что сочинения её «радуют яркостью, свежестью, русским национальным колоритом». О том, что впервые эти прославленные стены слышали её музыку в конце сороковых, когда пахмутовская сюита для симфонического оркестра исполнялась в числе лучших произведений молодых композиторов... Наконец, о том, что в этом году исполняется ровно 35 лет с того дня, когда в БЗК был впервые исполнен Концерт для оркестра А. Пахмутовой, а за дирижёрским пультом в тот день стоял сам Евгений Светланов (ЛГ. 2007. 7 13 марта).*

4. Позиция в абсолютном конце текста обеспечивает сегментированной ПЧ семантику итога. Например: (9) *Однако наше практическое здравоохранение... лежит в развале. Так что с оптимистическими декларациями стоило бы повременить* (ЛГ. 2002. – 24–30 окт.).

Поскольку сегментация выступает прежде всего как прием рематизации разных частей предложения, ПЧ, отчленённые от СПП, всё чаще оказываются в заголовках газетных статей. Например: (10) (Т₁)

Любовь (P₁) придумали начальники. Чтобы (P₂) не платить... (СБ. – 2003. – 16 авг.). Здесь темой сегментированной ПЧ (имплицитно) является рема первой, главной, части, а текстовой ремой (P_{текст}) становятся целевые отношения, выявляемые с помощью вопроса ко всему заголовку: с какой целью начальники придумали любовь? В несегментированном языковом корреляте *Любовь придумали начальники, чтобы не платить...* нет такого оттенка неожиданности, даже некоторой парадоксальности суждения автора, которая реализуется при сегментации; в нём мало экспрессии, поэтому и оценка выражена слабее.

5. Сегментация СПП независимо от характера их структуры предпринимается с целью уравнивания по значимости описываемых текстовых ситуаций или градуирования их с позиции автора, а также для акцентуации рем в главной и придаточной частях, отвечающих на два разных латентных вопроса, а не на один, как в несегментированном СПП. Такая акцентуация в «бывшей» ПЧ может быть интенсифицирована с помощью усилительно-выделительных слов, по преимуществу частиц. А смысловые отношения между главной частью и сегментированной ПЧ (то есть «бывшая» рема второй ступени, второго яруса СПП [1, 813], которая также выявляется с помощью латентного вопроса) приобретают новый коммуникативный статус, так как переносятся на другой, иерархически более высокий, уровень тема-рематической организации речи, уровень текста, и становятся текстовой ремой (P_{текст}). Нередко эти отношения осложняются также сегментированными вместе с ПЧ, а потому сильнее акцентуированными анафорическими местоимениями, вводными словами, повторами и другими языковыми средствами, которые выступают не только как строевые компоненты текста, но и как носители «смысловых приращений». Например: (11) (11а) *Тот факт, что на региональном уровне в большинстве случаев сохранилась правящая головка, скорее благо, чем зло.* (11б) *При всех её недостатках...* (11в) *Так что даже не очень демократическая стабилизация сегодня на пользу.* (11г) *Если, конечно, она не будет сопровождаться новым переделом собственности* (ЛГ. – 2001. – 10–16 янв.). Здесь сегментированная сложная синтаксическая конструкция позволяет автору более точно, в соответствии с коммуникативной задачей высказывания, расставить смысловые акценты в тексте. Так, высказывание (11в) хотя и содержит типичное для причинно-следственных отношений в СПП средство связи (союз *так что*), по смыслу и грамматически связано с предшествующим текстом, а не отчленено от (11б) или [11а), (11б)], то есть (11в) – это не СК. А в СТ, состоящем из тесно связанных друг с другом высказываний (11в) и (11г), отчётливее выделяются ремы (они подчёркнуты), а также текстовая рема со значением условия. В СТ также сильнее, чем в исходном несегментированном предложении, акцентуются и альтернативные смыслы, верификативные ремы: (11в) оказывается ответом на скрытый вопрос «На пользу или нет?», а СК (11г) (потенциально) обозначением

возможности другого варианта событий, причём выделение ремы в СК (11г) усилено вводным словом. И др.

6. Сегментация СПП приобретает характер нормы письменной речи. Отчленённая ПЧ нередко становится важным текстообразующим средством, фактором единства текста. Например: (12) *Не хочу никого призывать перед визитом в исполком надевать приличный костюм и делать причёску. (Хотя ни то, ни другое не помешает...). Не хочу и призывать к каким-то наказаниям за... некорректное поведение посетителя в госучреждении. (Хотя оштрафовать бы не помешало...) Просто предлагаю... уважать себя* (СБ. – 2001. – 3 февр.). Здесь сегментированные ПЧ уступки оформлены как вставные конструкции. Автор статьи с помощью двух экспрессивных синтаксических приёмов усилил не только эмоционально-воздействующий эффект, но и акцентуацию рематической доминанты текста, а также аргументацию своей точки зрения, намеченной как тезис в заголовке статьи «О пользе хороших манер». В силу такого, двойного, выделения ПЧ информация, которая содержится в главных частях, «уступает» место информации в ПЧ не только из-за наличия между ними семантического союза «хотя», но и из-за значимости авторских рекомендаций.

7. При выделении и квалификации употребляемых как самостоятельные высказывания ПЧ, отчленённых от главных частей СПП, следует учитывать, что многие из них не являются СК. Это относится, прежде всего, к придаточным присоединительным. Средством их связи с главными частями чаще всего выступает союзное слово – местоимение «что», которое структурирует расчленённое СПП, чем оно и отличается от других сложноподчинённых предложений расчленённой структуры. На наш взгляд, при сегментации степень слабой грамматической связи присоединительной ПЧ с главной частью СПП ещё более уменьшается, поэтому такая «бывшая» ПЧ ведёт себя и как СК, и как простое предложение. Например: (13) *...лишённое... промышленной эстетики здание – вот что было поставлено на ручье. Именно на ручье – ибо для получения хорошего крахмала нужна чистая проточная вода. Что и учел помещик Дурасов* (ЛГ. – 2007. – 14–20 марта). Здесь выделенная конструкция лишь по формальному признаку (союзному слову «что») является сегментированной ПЧ. По существу же это самостоятельное простое предложение, в котором слово «чем» (эквивалент лексемы «этим») выступает как текстообразующий элемент (анафорическое местоимение). Противоречие между формой выражения и ролью в тексте рассматриваемой единицы приводит к ее синкретизму. В тексте (14) *Аналитики предсказывали... : в олимпийский год политическое давление на Китай усилится многократно. Что мы и наблюдаем...* (СБ. – 2008.

18 марта) выделенная конструкция не является ПЧ, так как между ней и предшествующим предложением нет подчинительной связи. Это доказывается в (14а) с помощью трансформации, а в (14б) – с помощью

перефразировки: (14а) *Аналитики предсказывали... : в олимпийский год политическое давление на Китай усилится многократно, что мы и наблюдаем.* Данное предложение представляет собой менее удачный вариант оформления сведений: ремы в предикативных частях полученной конструкции акцентированы слабее. Вследствие потери глубокой паузы перед союзным словом «что» несегментированное высказывание становится менее внятным. Присоединительная конструкция слабо связана с основной частью предложения и кажется искусственно присоединенной к ней. (14б) *Аналитики предсказывали... : в олимпийский год политическое давление на Китай усилится многократно. Это мы и наблюдаем.* При перефразировке союзное слово «что» заменяется местоимением «это» без всякого ущерба для смысла данного микротекста. Сравнение (14) с (14а) и (14б) показывает, что при расчленении выделенная в (14) конструкция имеет больше признаков самостоятельного предложения, чем признаков СК.

Л. Ф. Шильникова считает, что «в статическом аспекте парцелированные структуры сводятся к простым и сложным предложениям. На динамическом же уровне парцелирующее членение из простого и сложного предложения образует текст» [2, 7]. Однако, учитывая тот факт, что сегментация (в нашем понимании) стала весьма частым коммуникативным явлением, СК в постпредложенческой позиции приобретает более независимый характер, а СТ входит в актуализационную парадигму исходного предложения-высказывания, можно говорить о приближении СК к структурно-грамматическим явлениям языка. Это, на наш взгляд, в полной мере относится к тем ПЧ, отчленение которых не удается установить, что свидетельствует о формировании нового типа предложений, находящихся с ПЧ в отношениях формального сходства. Н. А. Андрамонова отмечает процесс «суверенизации» придаточного, его освобождения от подчинённости главному путем выноса в парцелированную часть, которая может свидетельствовать либо о поэтапном представлении компонентов сложного предложения, либо о приобретении придаточным нового, текстового статуса [3, 295]. А М. В. Всеволодова вообще не считает предложения с **поэтому** придаточными, поскольку они могут стоять после точки [4, 90]. Но, как показал материал нашего исследования, в такой позиции оказываются любые придаточные части. На наш взгляд, квалификация сегментированной ПЧ зависит не только от «неожиданного» знака конца предложения перед данной СК, но и от её связей с другими синтаксическими единицами. Так, если есть БП, с которым сегментированная ПЧ связана по смыслу и грамматически, и возможно образование исходного, несегментированного, предложения (без изменений или с некоторыми небольшими изменениями структурного характера), то перед нами СК. При отсутствии такой связи и невозможности образования несегментированного варианта отчленённая

ПЧ является новым типом простого предложения. Но в тексте, как правило, языковые единицы получают «смысловые приращения», да и различительные признаки СК и простых неполных предложений-высказываний не всегда отчётливы, поэтому многие отчленённые ПЧ выступают как синтаксические единицы переходного, синкретичного, характера. Например: (15) *Тогда же начался дождь... Он так и моросил потом все эти три дня путча. Будто природа решила немного остудить людей, чтобы, не дай Бог, они не наделали непоправимых глупостей* (ЛГ. – 2001. – 15–21 авг.), где наблюдается сегментация СПП, с помощью которой акцентуируется значимая информация об авторском видении причин развития событий путём представления ее более крупным планом в относительно самостоятельном высказывании; (16) *За сезон появившаяся в округе волчья семья может на 70 процентов уничтожить молодняк диких кабанов. Серьезную опасность представляют волки для летних лагерей общественного скота. **Поэтому спуска серым хищникам не дают*** (СБ. – 2001. – 8 февр.). А здесь сегментированная ПЧ относится не только к предыдущему, но и к первому предложению. Обстоятельство причины, выраженное местоименным наречием «поэтому», структурирует причинно-следственные отношения между событиями. Будучи «смыслопорождающей категорией», оно как бы «втягивает» в себя «семантические инварианты языковых средств» предыдущего контекста [5, 9]. Анализируемая синтаксическая единица совмещает в себе признаки простого предложения и СК, которая потенциально (в языковом сознании реципиента) может быть отчленена от разных предложений; (17) *Всё вокруг в полнейшем запустении. Но надо ли винить англичан? Разве откроешь в такой глуши музей? **Хотя, наверное, прибить к двери табличку с именем писателя все-таки можно*** (ЛГ. – 2002. – 27 марта – 2 апр.), где выделенная конструкция – простое предложение нового типа, так как она отчленена от вербально не выраженного ответа на предшествующий риторический вопрос лишь на первый взгляд, а, по сути, связана с текстом о знаменитом английском писателе Оруэлле. К тому же здесь невозможен несегментированный трансформ, потому что для выделенной конструкции нет БП.

Симптоматичен, на наш взгляд, факт все более частого употребления сегментированных, па первый взгляд, ПЧ в качестве заголовков газетных статей, особенно в СБ. В этом случае правомерен вопрос: результатом расчленения каких СПП они являются? Например: ***Чтобы звезды не гасли*** (СБ. – 2007. – 17 июня); ***Когда деревья будут большими*** (СБ. – 2008. – 15 апр.) и др. Считаем, что такие употребления ещё одно доказательство существования в русском языке новых синтаксических единиц, которые внешне, формально хотя и совпадают с ПЧ, но являются относительно самостоятельными высказываниями: нет таких СПП, результатом расчленения которых они являются.

Таким образом, при сегментации СПП его ПЧ становятся парцеллированными конструкциями, а ремы в высказываниях полученного СТ выделяются более отчетливо. Отграниченные друг от друга знаком конца предложения предикативные части сохраняют те же смысловые отношения, что и в несегментированном варианте, но они переносятся на уровень текста, иерархически более высокий, структурируя новую, текстовую, рему, акцентуированную ПК. Парцеллированные ПЧ играют важную роль в текстообразовании. Благодаря сегментации СПП, формируется новый тип предложений, находящихся с ПЧ в отношениях формального сходства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учебник / Л. А. Новиков [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новикова. – 3-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – 864 с.
2. Шильникова, Л. Ф. Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Ф. Шильникова ; Моск. гос. ун-т. М., 1976. 23 с.
3. Андрамонова, Н. А. Придаточность как полифункциональное синтетическое явление / Н. А. Андрамонова // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы II Междунар. конгресса исслед. русск. языка, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филолог. фак-т, 18–21 марта 2004 г. / Московск. ун-т; сост. М. Л. Ремнёва, У. В. Дедова, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Московск. ун-та, 2004. – С. 295–296.
4. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник / М. В. Всеволодова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
5. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопр. языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.

В. С. Сидорец

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБОИДОВ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Эффективность сопоставительного исследования определяется степенью корректности использования «того, что сопоставляется и каким образом» [1, 79]. С учетом направленности исследований ученые-компаративисты выделяют односторонний и двусторонний (многосторонний) сопоставительный анализ.

Процесс одностороннего анализа межъязыкового сопоставления осуществляется от «исходного языка» к «языку целевому». Такой прием позволяет определить «значения лексических и грамматических явлений исходного языка, которые отображаются на уровне значений целевого языка и охватывают те способы целевого языка, которые есть у него для реализации значений исходного языка», при этом «результаты одностороннего анализа не являются обратными» [1, 79]. Если перевести одностороннюю процедуру в двустороннюю, то получится другой результат.

Так, украинский десемантизированный глагол (в нашей терминологии деривант – В.С.) *справляти* имеет соответствия в русском и белорусском языках *справлять, спраўляць* по значению «здійснювати певні заходи з приводу свята, події і т. ін.; відзначати» [2, 591]: *справляти новосілля, справляти іменини, справляти обжинки, справляти поминки; справлять новоселье, справлять свадьбу, справлять именины, справлять (отмечать, праздновать, устраивать) дожинки, справлять поминки; спраўляць вечарынку, спраўляць вяселле, спраўляць дажынкi, спраўляць наваселле, спраўляць памiнкi, спраўляць хрэсьбiны.*

Если, как отмечалось выше, процедуру изменить, т. е. начать, скажем, с русского или белорусского деривантов, тогда украинский деривант демонстрирует иные деривационные потенции, отсутствующие в русском и белорусском. В вербоидах, например, *справляти радість, справляти журбу, справляти вплив, справляти враження, справляти службу* и др. будут употребляться дериванты *ощуцать, адчуваць, оказывать, аказваць, производить, рабіць*: *ощуцать радость, рабіць радасць, ощуцать тоску, адчуваць смутак, оказывать влияние, аказваць ўплыў, производить впечатление, рабіць ўражанне, нести службу, несці службу.*

Приведем примеры украинских типовых деривационных групп вербоидов, возглавляемых деривантами *надавати, подавати*: *надавати*

вагу (вигляд, виразу, динамічності, допомогу, значення, ім'я, інформацію, можливість, напрямку, наснаги, поштовх, права, притулок, рівноваги, руху, своєрідності, слово, сміливості, упевненості, цілеспрямованості и т. д.); *подавати вість* (вигляд, голос, добірки, докази, допомогу, заяву, ілюстрацію, інформацію, команду, надію, ознаки, підтримку, порятунок, привід, приклад, пропозицію и т. д.).

Следует отметить, что специализированные глаголы-дериванты *надавати* и *подавати* образуют вербоиды либо с одними и теми же предикатными существительными, либо у каждого дериванта есть свой собственный набор существительных: *надавати* – *подавати допомогу* (інформацію, підтримку, слово); *надавати вагу* (динамічності, напрямку, руху), *подавати вість* (заяву, команду, пропозиції). Как в случае с общими существительными, так и выборочными, специализированные глаголы отличаются деривационными семами, которые они унаследовали в редуцированном виде, употребляясь в неспециализированном, прямом, номинативном значении. Так глагол *надавати* имеет значение «дати щонебудь у якійсь кількості або у кілька заходів». *Полюби мене, дівчино, Тото срібла надаю!* (Рудан., Тв., 1956, 58); *Дядина – добра людина, надає йому й хліба, й ковбаси* (Мирний, IV, 1956, 289)» [3, 60].

Это значение трансформировалось в деривационную сему, которая представляет в специализированном глаголе-дериванте *надавати* повышенную интенсивность действия без определенных ограничений, что отражается на семантической направленности каждого вербоида.

Специализированный глагол *подавати* имеет в своей структуре деривационную сему целенаправленности, адресованности, конкретики действия. Эта сема является производной тех прямых номинативных значений, которые даны в 6 томе 11-томного «Словника української мови». Приведем некоторые из них: «1. Давати, передавати щонебудь комусь, кудись. *Сіно було скинуте в довгий вал, і, щоб його не складати в копиці, вони прямо з валу подавали на віз. Старий подавав, німий викладав* (Томч., Жменяки, 1964, 144)... // Давати, приносячи щонебудь, роблячи послугу, прислужуючи комусь, обслуговуючи когось. *Досталось од губернатора і справнику і всім судящим, що все здавались на секретарів, діла не хотіли знати, а підписували те, що їм подавали* (Кв.-Осн., II, 1956, 304)» [4, 729]. Отсюда становится понятной специфика действия, выраженного вербоидами с деривантом *подавати* даже тогда, когда он, как и деривант *надавати*, вступает в деривационные отношения с существительными *допомога, інформація, підтримка, слово*.

В белорусском языке существуют следующие функционально-семантические соответствия: *надаваць адбітак* (*адвагі, адзнаку, бадзёрасць, вагу, гарт, годнасць, гул, значэнне, імпульс, інтанацыю, назву, размах, рашучасць, смеласць, увагу, чын*); *надаваць вестку* (*выгляд, голас, дапамогу, заяву, каманду, надзею, прыклад, рэпліку, сігнал*). Разница между специализированными глаголами-деривантами основывается почти на том

же, что и в украинском языке, если учесть прямые, неспециализированные значения: «даць нейкую колькасць чаго-н. за некалькі прыёмаў» [5, 232], «даць, падносячы, аказваючы нейкую паслугу» [5, 541].

В русском языке также есть специализированные глаголы в роли дериванта *надавать*, *подавать*, имеющие в прямом значении много общего с украинскими и белорусскими: «дать в каком-л. количестве в несколько приёмов» [6, 341], «дать, поднеся, принеся, услуживая кому-нибудь» [7, 173]. Глагол *надавать* как деривант почти не употребляется, кроме вербоида *надавать советов*. Деривант *подавать* имеет широкую сферу употребления: *подавать весть (голос, жалобу, заявление, звонок, знак, команду, мысль, надежду, повод, помощь, пример, просьбу, прошение, рапорт, реплику, сигнал, совет)*.

Следует отметить, что больше всего общего в типовых группах вербоидов с деривантами *подавати*, *надаваць*, *подавать*. Однако в украинском языке деривант *подавати* несколько шире по сочетаемости с предикатными существительными, чем белорусский и русский. Так, почти все переведенные на украинский язык белорусские и русские предикатные существительные могут сочетаться с деривантом *подавати*. Белорусские и особенно русские соответствия украинских существительных часто не вступают в деривационный контакт с деривантами *надаваць*, *подавать*: *подавати інформацію – даваць (надаваць) інфармацыю, давать информацию; подавати підтримку – аказваць падтрымку, оказывать поддержку; подавати порятунок – даваць паратунак, заниматься спасением; подавати пропозиції – уносіць (даваць, надаваць) прапановы, вносить (выдвигать) предложения*.

В отличие от вербоида *подавати допомогу*, который систематически употребляется в украинском языке, белорусские и русские соответствия весьма редки. Чаще они содержат существительное *рука* и приобретают фразеологическую окраску: *надаць руку дапамогі, подать руку помощи*. Обычными в белорусском и русском языках являются вербоиды *аказваць дапамогу, оказывать (предоставлять) помощь*.

Что касается уровня специализации глаголов *надавати*, *надаваць*, *надавать* в качестве деривантов вербоидов, то он самый высокий в украинском глаголе, несколько ниже в белорусском и самый низкий, почти нулевой, в русском.

Украинская и белорусская типовые группы вербоидов с приведенными специализированными глаголами деривационно сближаются, преимущественно по сочетаемости, с предикатными существительными, а отличаются тем, что белорусский деривант *надаваць* имеет конкурентов *прыдаваць* и *аказваць*, возможно, под влиянием русской языковой системы: *надавати відваги – надаваць адвагі, прыдаваць адвагі; надавати значення – надавань значэнне, прыдаваць значэнне; надавати допомогу – аказваць дапамогу*. Украинский деривант *придавати* зафиксирован в 11-томном «Словнику української мови» [4, 601], но он воспринимается как искусственный и не приводится в двуязычных русско-украинских и украинско-русских словарях.

В русском языке украинскому дериванту *надавати*, формирующему большую типовую группу вербоидов, соответствуют различные дериванты: *надавати вагу* – *придавать вес*, *надавати динамічності* – *придавать динамичность*, *надавати допомогу* – *оказывать (предоставлять) помощь*, *надавати можливість* – *предоставлять (давать) возможность*, *надавати напрямку* – *давати направление*, *надавати права* – *предоставлять права*.

Украинский деривант *вдаватися (до)* стоит на первом месте среди других украинских деривантов по степени реализации предполагаемого результата действия. Этому способствует редуцированная сема глагола *дати*, лежащего в основе весьма фразеологизированной деривационной структуры дериванта *вдаватися (до)*: «Дати... надавати в чієсь користування (предоставлять в чьё-л. пользование)» [8, 202].

Не случайно поэтому украинский деривант *вдаватися до* может реализовать предполагаемый результат даже там, где русский деривант *предпринимать*, как свидетельствуют материалы словарей и наши материалы, не зафиксирован, хотя практически возможен: «Звичайно, Росія може **вдатися** на певний час **до** енергетичного **тиску**, але зараз інша міжнародна ситуація» [УР, 30.07.06] – «Конечно, Россия может **“предпринять”** на определённое время энергетическое **давление (нажм)**, но сейчас другая международная ситуация». Нормативно здесь естественен деривант *оказати (давление, нажм)*, имеющий украинские соответствия *справляти, вчиняти (тиск)*, однако ни русский, ни украинские дериванты не передадут элементов предполагаемого результата процессуального признака. Не передадут его и белорусские дериванты *аказаць, учыніць*: «Звычайна, Расія можа **аказаць (учыніць)** на пэўны час энергетычны **ціск**, але зараз іншая міжнародная сітуацыя».

В связи с этим весьма интересным представляется развитие мысли С. Сятковского об унилатеральном (одностороннем) и билатеральном (двустороннем) подходе при сопоставительном исследовании с учетом того, что эквивалентные отношения между языками всегда различаются формально и семантически. Если воспользоваться терминологией Р. Штернеманна, приводимой в работе М. П. Кочергана «Основы сопоставительного языкознания», **односторонний** и **двусторонний** сопоставительный анализ, опирающийся на понятия **исходный язык** – **целевой язык** [1, 79], когда исходный язык используется в функции описательной системы соотнесённых объектов целевого языка, и поменять местами русский и украинский дериванты *предпринимать* и *вдаватися (до)*, тогда вырисовывается следующая картина соотношений между исходным деривантом и деривантом целевым: часть семантико-деривационных функций дериванта *вдаватися (до)* покрывается деривантом *предпринимать*, как отмечалось выше, другая – деривантами *испытывать, прибегать, ударяться* и т. д. Например: «Оскільки встановити функціонально-семантичну еквівалентність важко, а можливо, її взагалі немає, то, вважає Г. Нікель, найкраще, що можна

зробити, – це **вдатися до поняття квазіеквівалентності**, як це роблять у теорії перекладу» [1, 96] – «Поскольку определить функционально-семантическую эквивалентность трудно, а возможно, она вообще отсутствует, то, считает Г. Никель, лучше всего, что можно сделать, – это **использовать понятие (прибегнуть к понятию) квазиэквивалентности**, как это делают в теории перевода»; «... у переважній більшості літературних (та й фольклорних) казок герої у боротьбі зі злом часто **вдаються до допомоги** «чарівних знарядь» (чарівні палички, капелюхи-невидимки тощо)» [ЛУ, 12.08.80, 2] – «... в подавляючому большинстві літературних (а також фольклорних) сказок герої в боротьбі со злом достатньо часто **используют помощь (прибегают к помощи)** волшебных средств (волшебные палочки, шапки-невидимки и т. д.)»; «**До надзвичайних заходів безпеки влада була змушена вдатися через погрози терористів**» [УР, 11.06.05] – «**К** чрезвычайным мерам безопасности власть была вынуждена **прибегнуть** из-за угроз террористов»; «Вони (селяни у Дніпропетровській області. – В. С.)... **вдаються до пияцтва, бійки та наркоманії**» [УР, 19.04.04] – «Они (крестьяне в Днепропетровской области. – В. С.)... **вдаряются в пьянство, драку и наркоманию**»; «**До цього прийому вдається багато поетів**» [УР, 25.01.07] – «**К** этому приему **обращаются** многие поэты»; «Держбюджетні підприємства Чернігівщини мають значні запозичення за спожитий газ. За такої ситуації Чернігівгаз мусить **вдаватися до відключення** востачання газу цим підприємствам» [УР, 13.07.09] – «Госбюджетные предприятия Черниговщины имеют значительные задолженности за использованный газ. Поэтому Черниговгаз должен **прибегать к отключению** газоснабжения этим предприятиям»; «Відключення газопостачання паперовій фабриці Чернігова завдало збитків державі звиш 2,5 мільйонів гривень. Свавілья газових посередників, підтриманих недавною постановою уряду Ю. Тимошенко, змусило керівництво і колектив фабрики **вдатися до відповідної протидії**» [УР, 15.07.09] – «Отключение газоснабжения бумажной фабрике Чернигова нанесло ущерб государству свыше 2,5 миллиона гривен. Своеволие газовых посредников, поддержанных недавним постановлением правительства Ю. Тимошенко, заставило руководство и коллектив фабрики **прибегнуть к соответствующему противодействию (предпринять соответствующее противодействие)**».

В белорусском языке к украинскому дериванту **вдаватися (до)** могут быть соответствия **скарыстоўвацца, выкарыстоўваць, учыняць, ужываць, звяртацца** и др.: «Паколькі вызначыць функцыянальна-семантычную эквівалентнасць цяжка, а мажліва, яе нагул няма, то, як лічыць Г. Нікель, найлепшае, што можна зрабіць, – гэта **скарыстацца паняццем квазіэквівалентнасці**, як гэта робяць у тэорыі перакладу»; «...у пераважнай большасці літаратурных (а таксама фальклорных) казак героі ў барацьбе са злом даволі часта **выкарыстоўваюць дапамогу чарадзейных сродкаў** (чарадзейнай палачкі, шапкі-невідзімкі і інш.)»;

«Надзвычайныя захады бяспекі ўлада была змушана ўжыць праз пагрозы тэарарыстаў»; «Яны (сяляне ў Днепрапетроўскай вобласці. – В. С.) ... **учыняюць п'янства, бойкі і падвяргаюцца (азнаюць) наркаманіі**»; «Да гэтага **прыёму звяртаюцца многія паэты**»; «Украінская этнапедагогіка **звярталася да адухаўлення Зямлі дзеля фарміравання ўважлівага ставлення дзяцей да яе**».

Итак, приведенные выше русские и белорусские дериванты в определенной мере коррелируют с деривантами *предпринимать, вдаваться (до)*.

Практически не коррелируют с ними представленные в русском и белорусском языках компоненты *вдаваться (в)* и *удавацца (ў)*, которые фигурируют в основном в сочетаниях слов, подвергшихся определенной фразеологизации: *вдаваться в детали, вдаваться в крайности, вдаваться в объяснение, вдаваться в подробности, вдаваться в тонкости* [9, 21]; *удавацца ў крайнасць, удавацца ў падрабязнасці* [10, 85]. Правда, если судить по материалам 4-томного «Словаря русского языка» и 5-томного «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», имеют место «приближения» при употреблении компонентов *вдаваться (в)*, *удавацца (ў)* к функции деривантов вербоидов: «Вдаться... 2. *Перен.* предаться чему-л., отдаться какому-л. чувству, состоянию и т. п. [Ольга] **не вдалась в мечтательность, не покорилась внезапному трепету листьев, ночным видениям**, И. Гончаров, Обломов // Углубиться во что-л. Вдаваться в подробности. □ Я, кажется, уж слишком **вдался в отвлеченности**, – отложу продолжение моих рассуждений до другого письма, Тургенев, Переписка. ◇ *вдаться в крайности* – зайти в чем-л. (в суждении, в деятельности и т. д.) чрезвычайно далеко, доводя до противоречий или крайних положений. **Вдаться в обман** – поддаться обману, обмануться» [11, 142]; «Удацца... 6. *Перан.*; у што. Унікнуць, паглыбіцца ў што-н., аддацца якой-н. дзейнасці; захапіцца чым-н. Удацца ў сутнасць справы. Вера ўдалася ў пісанне, [Марыя Паўлаўна] з прагавітай увагай разглядала яе схілены над паперай твар. Зарэцкі // Аддацца якому-н. пачуццю, увайсці ў які-н. стан. Удацца ў тугу. Удацца ў фантазію» [12, 618]. Однако и в этих случаях имеют место элементы фразеологизации, проявляющиеся через весьма заметные коннотативные качества этих сочетаний слов – экспрессивность и эмоциональность, а также через то, что они не трансформируются как обычные, «стандартные» вербоиды.

Итак, в современных восточнославянских языках существует ряд общих черт в процессе реализации предикатного признака неоднословными наименованиями с десемантизированным компонентом (деривантом) вербоидами, обусловленных общим происхождением

древнерусским, т.е. эпохой Киевской Руси. Однако дальнейшее развитие появившихся на древнерусской почве белорусского, русского и украинского языков обусловило возникновение специфических, своих национальных особенностей в передаче предикатного признака.

Исследование восточнославянских вербоидов с позиции корректного применения сопоставительного (контрастивного) метода позволяет весьма эффективно обнаруживать национальное своеобразие вербоидов в каждом из языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кочерган, М. П. Основи зіставного мовознавства / М. П. Кочерган. – Київ: Видавн. центр "Академія", 2006. – 424 с.
2. Словник української мови: в 11 т. / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ: Наукова думка, 1978. – Т. 9. – 700 с.
3. Словник української мови: в 11 т. / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ: Наукова думка, 1974. – Т. 5. – 840 с.
4. Словник української мови: [в 11 т.] / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ: Наукова думка, 1975. – Т. 6. – 832 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; [пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча; рэдкалегія: А. Я. Баханькоў і інш.]. – Мінск: Выдавецтва "Беларуская савецкая энцыклапедыя", 1977–1983. – Т. 3. – 1979. – 672 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: Русский язык, 1982. – Т. 2. – 736 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: Русский язык, 1984. – Т. 3. – 750 с.
8. Словник української мови: [в 11 т.] / ред. кол.: І. К. Білодід (голова) [та інші]. – Київ: Наукова думка, 1971. – Т. 2. – 550 с.
9. Дерибас, В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка: словарь-справочник: около 5600 словосочетаний / В. М. Дерибас. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
10. Русско-белорусский словарь: [более 108000 слов: в 2 т.] / АН БССР, Институт языкознания им. Якуба Коласа; редактор К. К. Атрахович (Кондрат Крапива). – 2-е изд., дополненное и переработанное. – Минск: Белорусская советская энциклопедия, 1982. – Т. 1. – 648 с.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / [гл. ред. А. П. Евгеньева]. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 696 с.

12. Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; [пад агульнай рэдакцыяй К. К. Атраховіча; рэдкалегія: А. Я. Баханькоў і інш.]. Мінск: Выдавецтва "Беларуская савецкая энцыклапедыя", 1977-1983. Т. 5, кн. 1. 1983. 664 с.

И. Л. Судибор¹, А. В. Ширко²

¹старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина

(г. Мозырь, Республика Беларусь)

²студентка филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина

(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПЕТРА I В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «СТАНСЫ»

Тема Петра I и Петербурга – одна из центральных в творчестве А.С. Пушкина. Она нашла своё художественное выражение в стихотворениях «Стансы», «Пир Петра Великого», в поэмах «Медный всадник», «Полтава», в историческом романе «Арап Петра Великого».

Интерес А.С. Пушкина к личности и деятельности Петра I обусловлен рядом причин:

- ✓ родовыми воспоминаниями, связанными с деятельностью Ибрагима Ганнибала – сподвижника Петра I, прадеда поэта;
- ✓ решением проблемы взаимоотношения власти и народа, роли личности в истории;
- ✓ проведением в России в начале XIX века прогрессивных реформ, подобных преобразованиям Петра I [1, 67].

Образ Петра Великого с его эпохой вошёл с ранних лет жизни Пушкина в круг его семейных воспоминаний. С отцовской стороны это были рассказы о предках Пушкиных Петровского времени, из которых один (Фёдор Матвеевич) был казнён в 1697 г. за участие в стрелецком заговоре против Петра. С материнской стороны прадедом поэта был знаменитый Ибрагим (Абрам) Петрович Ганнибал. Рассказы о нём Пушкин мог слышать от людей, лично его знавших, а с его сыном Петром Абрамовичем встречался после окончания Лицея (1817) и во время ссылки в Михайловское (1824) в усадьбе Ганнибала Петровское [1, 68].

Петр I был для А.С. Пушкина своего рода «эталон» просвещенного государя, а потому и на его потомка (Николая I) поэт возлагал большие надежды. Восстание декабристов 1825 года показало

необходимость радикальных перемен в общественно-политической жизни страны, а его поражение передовое русское общество восприняло как историческую катастрофу. Для А.С. Пушкина это было крушение целого мира. «В политическом отношении изменилось его мировоззрение: он отказался от либеральных убеждений и принял государственную идеологию» [2, 207].

3 сентября 1826 года А.С. Пушкин был вызван псковским губернатором в Москву, где проходила коронация Николая I. 8 сентября поэт встретился с императором в его кабинете. Как отмечал известный пушкинист В.И. Коровин, «между Пушкиным и Николаем было заключено устное соглашение, по которому поэт обещал воздержаться от публичной критики правительства, а император давал ему возможность проживать в обеих столицах и становился единственным цензором Александра Сергеевича» [3, 39]. Н.М. Смирнов, идеализируя отношения Пушкина к царю, также отражает некоторые реальные иллюзии, которые были у поэта в первые годы правления Николая: «Когда при воцарении нынешнего государя фельдъегерь привез его из деревни в Москву и прямо в кабинет царя и царь произнес ему прощение старых грехов и обещал покровительство, Пушкин в минуту переродился, его благородная душа постигла благородство, милость сего царского поступка, и Пушкин на словах, как и в чувствах, стал вернейшим подданным и сыном царя-отца» [4, 303].

Поэт проникся утопической иллюзией строительства нового мира, в котором будут на равных править государь и лучшие умы страны. С этими мыслями Пушкин в 1826 году написал стихотворение «Стансы» («В надежде славы и добра...»), где обратился с приветственными стихами к Николаю I, видя в новом царе символ национальной силы и единства. По мнению Ю. Борева, сам «Николай хотел походить на Петра и любил, когда его сравнивали с ним, считая себя продолжателем петровского дела...» [4, 304].

Большинство современников А.С. Пушкина (П.А. Катенин, М.Н. Языков) восприняли «Стансы», в которых восстание декабристов сравнивалось со стрелецким бунтом, как отступничество, предательство. Высшее общество отзывалось о стихотворении, как написанном на заданную тему, в кабинете его Величества за пятнадцать минут. Особенно частыми были обвинения в угодничестве, восхвалении и лести царю, одобрении царского режима.

На эти негативные отзывы Пушкин ответил стихотворением «Друзьям» (1828), в котором отверг все обвинения. В.И. Коровин отмечал, что поэт «утверждал, что его хвала свободная, что он так думает и так чувствует, а не лукавит и не ждет милостей для себя»:

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу* [3, 40].

Тематическое содержание «Стансов» – портрет-характеристика личности и деятельности Петра, данная крупным планом и заполняющая художественное пространство стихотворения:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

*Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.*

<...>

*Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен [5, 97].*

Основной идеей стихотворения «Стансы», по мнению самого поэта, было призвать царя оказать милость декабристам, направить его на путь преобразований. Себя он мыслил советником царя и провозвестником его благих начинаний.

Пушкин с первых поэтических строк стихотворения идеализирует образ Петра I:

*Но правдой он привлёк сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий [5, 97].*

Поэт воздает хвалу Петру I за то, что после казни стрельцов он «правдой привлек сердца», «нравы укротил наукой». Поэтому призыв к Николаю быть таким же «незлобным памятью», как его предок, звучал двусмысленно: недавно совершилась казнь декабристов и ссылка друзей поэта в Сибирь. Пушкин призывает царя быть милосердным по отношению к сосланным декабристам, полагая, что будущее страны связано с развитием культуры и «народной свободой».

Поэт обращает особое внимание на значительный вклад Петра в развитие просвещения и науки, считает, что **идея просвещения** – единственно разумная основа новой программы правительства:

*Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.*

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник [5, 97].*

В стихотворении подчеркиваются положительные, созидательно-героические стороны деятельности Петра, и вместе с тем, человеческие, гуманные черты, проявляющиеся в его «всеобъемлющей душе». Поэт утверждал, что Пётр «не презирал страны родной», а «самодержавною рукой он смело сеял просвещение».

Для А.С. Пушкина Петр I – «вечный работник» на троне, каким Пушкин желает видеть и Николая I. Заключительная строфа стихотворения является прямым наставлением новому царю:

*Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен [5, 97].*

Пушкин, хотя и упоминает о «семейном сходстве» Николая I с Петром I, отнюдь не приравнивает Николая к Петру, а лишь призывает его следовать примеру последнего («Во всем будь пращуру подобен»).

Несмотря на то, что «Стансы» обращены к царствующему ныне монарху, сама композиция стихотворения соответствует его тематике и идейному содержанию. Первые четыре строфы посвящены образу Петра I. И только пятое четверостишие адресовано Николаю, но и оно отсылает к личности Петра Великого.

Стихотворение написано классическим для жанра стансов (лирическое стихотворение, состоящее из строф (от 4 до 12 стихов в каждой), композиционно законченных и обособленных друг от друга) размером – четырехстопным ямбом. Для него характерны, главным образом, ритмичность и сходство с разговорной прозаической речью.

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни...*

Поэт использует перекрестную рифмовку, с чередованием мужской и женской рифмы:

*Но правдой он привлёк сердца',   А (м)
Но нравы укротил нау'кой,   Б (ж)
И был от буйного стрельца'   А (м)
Пред ним отличен Долгору'кой   Б (ж)*

Течение поэтической речи спокойное, торжественное, в духе размышления.

Несмотря на то, что стихотворение называется «Стансы», по своему содержанию и тематике, его скорее следует отнести к оде. Характерные стилистические черты данного лирического жанра прослеживаются в произведении. Так, для создания образа Петра поэт использует высокую лексику, входящую в словарь «высокого штиля»: «гляжу», «славные»,

«мрачили», «буйный», «пред», «отличен», «самодержавная», «всеобъемлющей», «пращур», «незlobен».

Следует обратить внимание на словарь произведения. Имена существительные, преобладающие в стихотворении, так же, как и специфическая высокая лексика, выполняют функцию создания идеального образа русского императора. Главная роль здесь отведена существительным, характеризующим сферу деятельности: «мореплаватель», «плотник», «работник», «академик», «герой» (в значении «воин»). И если лексемы «мореплаватель», «плотник», «работник» приближают Петра к народу, то слова «академик» и «герой» указывают на исключительность личности государя, ее многогранность и масштабность. Отдельно необходимо отметить строку «На троне вечный был работник», которая представляет Петра как неутомимого труженика во благо процветания России.

Наравне с именами существительными в стихотворении используются глаголы, обозначающие результативность действия: «привлек», «укротил». Краткие формы прилагательных и причастий – «горд», «подобен», «неутомим», «тверд», «незlobен» – свидетельствуют о положительных чертах Петра.

Поэтическая образность в стихотворении создается с помощью эпитетов («славные дни», «буйный стрелец», «всеобъемлющая душа», «вечный работник»); метафор («Он всеобъемлющей душой / На троне вечный был работник», «Он смело сеял просвещение...»); метонимий («Но правдой он привлек сердца, / Но нравы укротил наукой...»); сравнений («Как он, неутомимо тверд, / И памятью, как он, незlobен»); контекстуальных антонимов («Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни...»). Эти художественные тропы и стилистические приемы направлены на создание «идеализированного, демократизированного» образа Петра I.

К стансам, как жанру, отсылает синтаксис произведения. Пять строф стихотворения представляют собой пять законченных сложных предложений. Подобное построение стихотворного текста является одной из самых примечательных особенностей жанра стансов.

Таким образом, по своей основной направленности стихотворение А.С. Пушкина «Стансы» это политическая программа нового царствования и гимн просветителю и реформатору Петру I. Поэт, идеализируя Петра и его дела, стремился повлиять на нового монарха, ставя перед его взором образ мудрого и благородного «пращура». Однако вскоре, после написания стихотворения «Стансы», А.С. Пушкин убедится в обманчивости своих надежд на приход в лице Николая I просвещенного монарха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Судибор, И.Л. «Люблю тебя, Петра творенье»: Тема Петра I в творчестве А.С. Пушкина / И.Л. Судибор // Міжнародныя Шамякінскія чытанні “Пісьменнік – Асоба – Час”: матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф., Мазыр, 27 верасня 2013 г. / УА МДПУ імя І.П. Шамякіна; рэдкал.: А.У. Сузько (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр. – 2013. – С. 67–72.
2. История русской литературы XIX века: учебное пособие для старших классов школ гуманитарного профиля / под ред. профессора А.И. Журавлевой. – Москва: Изд-во Моск. ун-та; «ЧеРо». – 2006. – 688 с.
3. Коровин, В.И. А.С. Пушкин в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. 2-е изд. / В.И. Коровин. – Москва: ТИД «Русское слово – РС». – 2001. – 88 с.
4. Борев, Ю.Б. Искусство интерпретации и оценки / Ю.Б. Борев. – Москва: Советский писатель. – 1981. – 400 с.
5. Пушкин, А.С. Стихотворения и поэмы / А. С. Пушкин. – Москва: Прогресс. – 1976. – 303 с.

Е. В. Сушицкая

преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания
иностраных языков МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭРГОНИМОВ (на материале наименований объектов торговли Республики Ирландия)

Географические названия, т.е. собственные имена морей, рек, озер, болот, гор, холмов, лесов, городов, селений, земельных угодий и других географических объектов, изучает топонимика (от греч. *topos* «место, страна» + *онута* «имя»). Это пограничная научная дисциплина, возникшая и развивающаяся на стыке нескольких наук: языкознания, истории и географии. Топонимы занимают особое место в лексической системе языка. В современной ономастике топоним рассматривается как свернутый текст, который «по-разному и всякий раз в неравном объеме актуализируется в различных речевых ситуациях и состоит из нескольких логико-информационных модулей» [1, 84]. Топоним понимается как обобщенное название любых топообъектов: от крупных географических и административно-территориальных районов до мелких внутригородских объектов, собственное имя как природных объектов на Земле, так и

объектов, созданных человеком и зафиксированных в данном регионе. Топонимы образуют на территории любого района или области свою определенную систему. Под территориальной топонимической системой мы понимаем «упорядоченное множество единиц (топонимов) с социальной функцией дифференциации и идентификации географических объектов какой-либо исторически и географически ограниченной территории. Каждая система, формируясь, вбирает в себя разноязычные предшествующие топонимы» [2, 60].

Изучение любой топонимической системы представляет интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом, поскольку исследование системы не мыслится без изучения характерных для нее топонимических структур. В связи с переходом на рыночную экономику в странах и в связи с резким увеличением объектов различных видов деятельности весьма интересным представляется изучение эргонимов, под которыми мы понимаем вслед за Н.В. Подольской «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1, 84]. Язык города включает в себя пространство номинаций, охватывающее обширный пласт различных наименований: названий микрорайонов, улиц, площадей, домов, промышленных, торговых, культурных, спортивных учреждений и др.

Объектом нашего исследования являются наименования объектов торговли продуктами питания как часть общей эргонимической системы Республики Ирландия, так как сфера торговли продуктами питания, являясь наиболее важной социальной и экономической стороной города, представлена в Республике Ирландия количеством предприятий, что позволяет выявить региональную специфику данных единиц.

Стандартная модель построения номинации в названной группе выглядит следующим образом: собственно эргоним + номенклатурная единица или наоборот (например, *The Meat Shop, Londis Supermarket, Marker Garden, Vivo Store, etc.*). В эргонимическом поле «наименования объектов торговли» было зафиксировано девять номенклатурных терминов:

– *store(s)* (a large shop selling different types of goods) ‘магазин, универсам, лавка, торговая точка’ (например, *The Bacon Store, Casey’s General Store, Clarkes Convenience Store & Filling Station, Glebe Stores, Vivo Store, Mossgrove Stores, etc.*);

– *foodstore* ‘продовольственный магазин’ (например, *Dunleavy’s Foodstore, M & W Foodstore, Greaney’s Mace Foodstore, Blake’s Quick Pick Foodstore, Quinn Foodstore, etc.*);

– *shopping centre* (an area or complex of shops) ‘торговый центр, торгово-развлекательный комплекс, местный торговый центр’ (например, *Harbour Place Shopping Centre*);

– *supermarket* (a large self-service shop selling foods and household goods) ‘большой магазин самообслуживания, универсам, супермаркет, продуктовый супермаркет’ (например, *Fitzpatricks Supermarket, Marshall’s supermarket, Spollens Centra Supermarket, O’Riordan’s Supermarket, Noonan’s Supermarket, etc.*);

– *market(s)* (an open space or covered building where vendors convene to sell their goods) ‘рынок, базар, продовольственный магазин, специализированный продовольственный магазин’ (например, *Market Garden, Brady’s Meat Market, High Street Markets, Central Fish Market, Gerry’s Mini Market, etc.*);

– *foodmarket* ‘продовольственный рынок, продовольственный магазин’ (например, *Londi’s Foodmarket, MacSweeney’s Foodmarket, etc.*);

– *shop* ‘лавка, магазин’ (a building or part of a building where goods or services are sold) (например, *The Meat Shop, Foxs Convenience Shop, etc.*);

– *ltd* (Ltd. – сокращение от «private limited company», т.е. закрытое акционерное общество или компания) (например, *Waldron Meats Ltd., Heng Hua Foods Ltd., E K Foods Ltd., McCormack P J & Sons Fruit Merchants Ltd., Fish out of Water Ltd., Oasis Fresh Produce Ltd., O’Herlihy’s (Bacon) Ltd., Gleeson Fruit & Veg Ltd., A. D. M. Ltd., etc.*);

centre (a place or group of buildings where a specified activity is concentrated) ‘центр’ (например, *Moloney’s Meat Centre*).

Функционируя в роли эргонима, лексема демонстрирует иную семную структуру, нежели тогда, когда слово выполняет свою обычную функцию, не являясь именем собственным. В структуре значения часто меняется доминантный состав сем, потенциальные семы могут стать более активными, ярко выраженными, другие, наоборот, становятся затемненными. В исследуемом эргонимическом поле языковое пространство неоднородно и образует несколько тематических групп, среди которых можно выделить тематическую группу «Территориальное расположение продуктовой точки». Так, входящий в данное лексическое поле эргоним *Tesco Ireland* состоит из названия британской транснациональной корпорации, крупнейшей розничной сети в Великобритании *Tesco* и названия государства *Ireland* ‘Ирландия’. В эргониме *Harbour Place Shopping Centre* выявляется топоним *Harbour* ‘гавань, порт, пристань, бухта’, а также лексемы *place* ‘местоположение’ и *shopping centre* ‘торговый центр’. Эргоним *Fresh Today Mullingar* мотивирован топонимом *Mullingar* ‘Маллинггар’ – административный центр графства Уэстмит, Ирландия – и лексемами *fresh* ‘свежий, только что полученный’ и *today* ‘сегодня’. Название мясного магазина *Robert Wright Village Butcher* включает в себя имя и фамилию владельца магазина *Robert Wright* ‘Роберт Райт’, топоним *village* ‘городок, деревня’, а также лексему *butcher* ‘мясной магазин, мясник’. В эргонимах *High Street Markets, Valley View Free Range Eggs, Bantry Bay Seafoods, Central Fish Market, Spollens Centra Supermarket* на территориальное расположение

продуктовой точки указывают топонимы 'главная улица', 'вид на город Вали (столица Англии, Ирландия)', 'залив в Бэнтри', 'расположенный в центре или около центра', 'центр' соответственно.

Можно говорить о том, в каких родственных отношениях находятся люди, ведущие торговлю, а также об их типах, например: *Connolly Brothers* ('братья'), *Rabbettes Family* ('семья, семейство, родные') *Butchers*, *McCormack P J & Sons* ('Пусей, Джонс и сыновья') *Fruit Merchants Ltd.*, *Hugh Maguire Family* ('семья, семейство, родные') *Butchers*, *Duncan Victuallers* ('поставщики продовольствия'), *O'Donovan Vegetable Producers* ('производитель, поставщик'), *Birr Meat Processors* ('лица, осуществляющие обработку') *Ltd.*, *F & R Distributors* ('оптовик, поставщик').

Особым и немалочисленным объединением эргонимов является группа, мотивированная только именем и фамилией человека. В качестве мотиватора эргонима может выступать имя владельца предприятия, имя ее/его жены/мужа, родственницы/родственника, случайное имя, не сообщая о человеке ничего, следовательно, не выражая ни семантической, ни прагматической направленности. Следует заметить, что тематические ряды эргонимов состоят преимущественно из мужских общеупотребительных имен. Например, эргоним *Bernard Troy* образован от имени *Bernard* (*Бернард*) и фамилии *Troy* (*Трой*); эргоним *James Maguire* образован от имени *James* и фамилии *Maguire*; эргоним *Peter Fagan* образован от имени *Peter* и фамилии *Fagan*. К таким наименованиям можно отнести и следующие эргонимы: *William Mullen*, *Noel McCormack*, *Richard Dempsey*, *James McBride*, *Patrick Smith*, *Behan Philip* и др. Таким образом, антропонимы, входящие в состав эргонима, указывают на имя владельца, тем самым идентифицируя созданные человеком объекты.

В наименованиях объектов торговли продуктами питания выявлены апеллятивы, которые указывают на особенности продукта. Эргонимы *Butchers*, *Midland Meats*, *Rabbettes Family Butchers*, *The Bacon Store*, *Horans Pork Shop*, *Tavanagh Meats*, *The Meat Shop*, *Hugh Maguire Family Butcher*, *Brady's Meat Market*, *Robert Wright Village Butchers*, *O'Herlihy's (Bacon) Ltd.*, *Moloney's Meat Centre*, *Birr Meat Processors Ltd.*, *Ummerra Smoked Products*, *O'Connor Cormac Pork and Bacon Ltd.* происходят от лексем *butcher(s)* 'мясник, торговец мясом', *meat(s)* 'мясо, мясные продукты', *bacon* 'бекон, сало, копченая свиная грудинка', *pork* 'свинина', *smoked products* 'копчености', *pork and bacon* 'свинина и бекон'.

Лексема «бакалейный продукт» зафиксирована в составе таких ономастических единиц, как *Grocer's and General*, *Moynihan Thomas Grocery*, *Sinead's Grocery*, так как *grocer's* и *grocery* обозначают 'продовольственный магазин' и 'бакалейная лавка, продуктовый магазин, продовольственный магазин' соответственно и тем самым идентифицируют созданные объекты торговли.

Апеллятив «фрукты и овощи» обнаруживает себя в эргонимах *Lennon's Fruit & Veg, McCormack P J & Sons Fruit Merchants Ltd., It's Fresh Fruit & Vegetables, Roots and Fruits, Gleeson Fruit & Veg Ltd., O'Donovan Vegetable Producers, Fruit Mine, Milne Gerard Fruit & Veg*, где *Fruit & Veg* обозначает 'фрукты и овощи', *fruit* – 'фрукты', *fruit & vegetables* – 'фрукты и овощи', *roots and fruits* – 'корнеплоды и фрукты', *vegetable* – 'овощи'. Лексема «морепродукты» зафиксирована в таких эргонимах, как *Fish out of Water Ltd., Bantry Bay Seafoods, Central Fish Market, Fastnet Mussels Ltd.* В следующих эргонимах выявлена лексема «разнообразие, множество»: *Super Valu Athy, Blake's Quick Pick Foodstore, Fruit Mine, Gerry's Mini Market.*

В данной группе выявлены эргонимы, мотивированные апеллятивами, указывающими на качество продукта. Названия продуктовой точки эксплицируют семантику разнообразных положительных качеств объекта. Богатая семантическая структура лексических единиц обозначенного тематического ряда позволяет объединиться как моносемичным, так и полисемичным лексемам. Семантика выражения оценки качества может быть многоплановой и одновременно демонстрировать разные переносные смысловые нюансы: это и ценное качество продаваемого продукта, и хорошее качество условий покупки продукта, и прекрасные чувства от обладания продуктом, и высокий статус покупателя продукта. К подобным эргонимам мы относим: *Bernard Troy, Fox's farm fresh fruit and vegetables, Fresh Today Mullingar, It's Fresh Fruit & Vegetables, Oasis Fresh Produce Ltd., Healthy Choices, Super Value, Get Fresh, Health Matters, Payne's Bettabuys, Delicious, Rudd's Fine Foods.* Данные названия указывают на высококачественность, элитность продукта и на все, что с этим связано.

Таким образом, наименования объектов торговли продуктами питания мотивированы антропонимами, другими топонимами, а также апеллятивами, указывающими на свойства и качества продукта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалева, Е.В. Эргонимы как лингвокультурологический феномен (на материале эргонимов г. Леттеркенни, Ирландия) / Е.В. Ковалева, Ю.В. Ранчинская // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 7 окт. 2011 г. / УО МГПУ им. И.П. Шамякина; редкол.: В.Н. Сергей [и др.]. – Мозырь, 2011. – С. 84–87.

2. Артемова, А.Ф. Географические названия Великобритании / А.Ф. Артемова, О.А. Леонович // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 1. – С. 60–67.

Н. Р. Тачыла

аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі МДПУ імя І. П. Шамякіна
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

АДЭТНАНІМІЧНЫЯ НАЗВЫ Ё ГАВОРКАХ МАЗЫРШЧЫНЫ

Этнаніміка – гэта сфера інтарэсаў не толькі этнографіі і лінгвістыкі, але і гісторыі, географіі, археалогіі, краязнаўства. Навуковае вывучэнне славянскіх *этнонімаў* (найменняў розных відаў этнічных супольнасцей – народ, народнасць, племя, племянны саюз, род і інш.) пачалося ў XVIII стагоддзі. Аб'ём тэрміна *этнонім* яшчэ да канца не выяўлены ў лінгвістыцы і з'яўляецца і ў наш час аб'ектам вывучэння шэрагу даследчыкаў. Да гэтага часу існуюць неадназначныя падыходы да вызначэння яго статусу, аднясення яго да імёнаў уласных ці агульных [1]. Пачыналі вывучаць і развівалі славянскую этнаніміку М.В. Ламаносаў, В.М. Тацішчаў, А.А. Патэбня, А.І. Сабалеўскі, Р.А. Ільінскі, А.А. Шахматаў. У наш час такія адзінкі разглядаліся беларускімі, рускімі, украінскімі і іншымі даследчыкамі (А. Рогалеў, Т. Аліферчык, В. Вярэніч, Г. Іванова, В. Шур, А. Супяранская, Р. Агеева, Ю. Брамлей, І. Каралёва, А. Грышчанка, Ю. Варанцова і інш.). Па гэтай праблеме абаронены доктарскія і кандыдацкія дысертацыі. Сярод беларускіх даследчыкаў, якія займаюцца вывучэннем гэтых адзінак, вылучаюцца працы А.Ф. Рогалева – доктара філалагічных навук, прафесара Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны. Сваё дысертацыйнае даследаванне вучоны прысвяціў вывучэнню этнічных і географічных назваў, што адлюстроўваюць розныя этапы этнамоўнай гісторыі краіны. Па гэтай праблеме аўтарам напісана больш за тысячу друкаваных работ. У сваіх публікацыях вучоны падкрэслівае трывалую гістарычную сувязь этнонімаў і тапонімаў. На думку А.Ф. Рогалева, даследуючы этнонімы ў складзе тапонімаў, "варта таксама ўлічваць сацыяльна-гістарычную абумоўленасць этнонімаў, змены ў палітычным, сацыяльна-эканамічным і этнамоўным асяроддзі, якое абумоўлівае ўзнікненне новых і знікненне старых імёнаў, а таксама змяненне іх значэння на канкрэтным гісторыка-культурным і сацыяльна-палітычным фоне" [2, 10]. Беларуская даследчыца І.А. Гапоненка лічыць этнонім даволі спецыфічнай адзінкай, у сілу яго нявызначанасці і яго катэгорыяльнага статусу. Яна прасочвае цесную сувязь гэтых назваў з такімі лексічнымі групамі, як антрапонімы (імёны людзей) і тапонімы (назвы географічных аб'ектаў). "Гэтая цесная сувязь паміж этнонімамі, антрапонімамі і тапонімамі дазваляе выкарыстоўваць у іх вывучэнні такія ж метады, як і з іншымі ўласнымі імёнамі". Гэты аўтар адзначае, што важным элементам у агульнай культуры чалавека з'яўляецца "этнонімічная лексіка, якая актыўна выкарыстоўваецца як у прафесійным асяроддзі, сярод лінгвістаў, гісторыкаў, этнографіі, так і пры агульным

апісанні сацыяльных, грамадзянска-палітычных рэалій" [3, 229]. А.І. Гапоненка надае вялікае значэнне таму факту, што этнанімічная адзінка на працягу пэўнага перыяду часу можа змяняць сваю сэнсавую накіраванасць. Этнонімы ў структуры беларускіх дыялектных фразеалагізмаў разглядаў Н.А. Даніловіч: былі выяўлены шэраг фразеалагізмаў, структурнымі кампанентамі якіх з'яўляюцца этнонімы. Вучоны адзначае, што этнонімы фігуруюць у розных пластах лексікі: у сучаснай беларускай мове існуе больш за 78 этнічных найменняў, ад якіх ўтворана 400 тапонімаў для абазначэння 760 населеных пунктаў рэспублікі [5, 44]. Звяртаецца да вывучэння этнонімаў і Т.М. Аліферчык, якая ўпершыню праводзіць аналіз заходнепалескіх айконімаў і мікратапонімаў у этналінгвістычным асвятленні. Аднак разнастайныя рэгіянальныя адметнасці адэтанімічных утварэнняў разгледжаны яшчэ недастаткова: мала, напрыклад, даследаваны мікратапонімы, мікрагідронімы, мянушкі, прозвішчы, якія ўзыходзяць да шматлікіх этнонімаў.

У нашым артыкуле часткова прааналізаваны некаторыя адэтанімічныя ўтварэнні, што маюць у сваім саставе лексему *кітаец*, *немец*, *германец* і засведчаны ў розных пластах лексікі. Матэрыялам для напісання сталі наступныя крыніцы: серыя кніг "Памяць" Мазырскага, Калінкавіцкага, Ельскага, Лельчыцкага, Светлагорскага, Нараўлянскага, Жыткавіцкага, Брагінскага раёнаў, анамастычныя слоўнікі, этнаграфічныя працы, а таксама абагульненні з прац вядомых даследчыкаў лексікі, уласныя запісы.

Некаторыя адэтанімічныя ўтварэнні, напрыклад, указваюць на тое, што ў былыя часы і на Мазыршчыне па розных абставінах пабывалі *кітайцы*. Вядома, што ў гады грамадзянскай вайны ў 1920 г. супраць балахоўцаў на баку чырвоных на Мазыршчыне актыўна ваявалі некалькі бальшавіцкіх кітайскіх батальёнаў. Ад этноніма *кітаец* у названых гаворках адзначаны: дрымонімы *Кітайцы* (назва лесу, в. Галоўчыцы Нар.) [7, 94], *Дзе побілі кітайцоў* (в. Будкі Нар.) [7, 62], *Кітайское* (в. Цідаў Калінк.) [8, 114]. Пра такія ж фарміраванні на Украіне пісаў і вядомы савецкі пісьменнік М. Астроўскі ў рамане "Як гартавалася сталь". У беларускай і рускай мовах вядомы антрапонімы-прозвішчы: *Кітаеў*, *Кітайн*, *Кітайцын*. Яны бяруць свой пачатак, як лічаць М. Бірыла, І. Каралёва, ад метафарызаваных уласных імёнаў ці мянушак *Кітай* (*Кітаец*) [11, 199]. У працэсе развіцця грамадства тлумачэнне гэтага этноніма дапоўнілася семантычна, што прывяло да перасэнсавання яго значэння. Так, у інтэрнэт-прасторы лексема *кітаец* зафіксавана ў наступных кантэкстах: аўтамабіль: "купіць кітайца не падзвіг, але нешта ў гэтым ёсць. // Падкажыце, калі ласка, дзе ў Мінску можна купіць запчасткі на кітайца?"; сотавае тэлефон, планшэт: "Прадам кітайца. / Неабходна замена сэнсара"; прадмет бытавой тэхнікі кітайскай вытворчасці: "Дык вось, разам з купляй машыны была набытая апошняя мадыфікацыя кітайца"; парода сабак: "свайго кітайца" я атрымала ў

падарунак на дзень нараджэння ад сяброўкі. // Я ў захапленні ад гэтай пароды сабак” і інш. [9].

У дыялектных слоўніках, этнаграфічных працах пра Беларусь адзначаны вытворныя адзінкі, што маюць семантычныя сувязі з этнонімам *кітаец*. Выяўлены групы фразеалагізмаў, структурнымі кампанентам якіх выступае этнонім *кітаец*, а іх ужыванне матывуецца пэўнымі сітуацыямі, гістарычнымі фактамі і падзеямі: “*хітры, як сто кітайцаў*” – пра занадта, празмерна хітрага чалавека [5, 46]; “*кітайская грамата*” – пра што-небудзь недаступнае разуменню, зусім незнаёмае; “*кітайская цырымонія*” – залішня праява ветлівасці, залішнія ўмоўнасці ў адносінах паміж людзьмі; “*кітайская сцяна*” – пра поўную ізаляванасць ад знешніх уплываў. Выраз “*далёка, як да Кітая*” ўжываюць у тых выпадках, калі патрэбна паказаць на неадпаведнасць чагосьці ідэалу, нейкім высокім патрабаваннем [6, 109]. У Лельчыцкім раёне “*кітайкай*” называюць разнавіднасць вельмі пладавітай яблыні, плады якой адрозніваюцца малым памерам, але асабліва смачныя (в. Стадолічы). Слова *кітаечка* ўжываецца на Піншчыне са значэннем “*маляўнічая лента з кітайскага шоўку*”. У кнізе В. Шапялёвіча “*Песни деревни Ковнятин Пинского района*” (Пинск, 2014) засведчаны наступны тэкст: *Ой на горы жыто, і ў долині жыто, / Пуд білою бэрозою козачэньку ўбыто. / Ой, прышла діўчына з чорнымі очыма, / Да й пудняла кітаечку, да й заголосыла. / Ой, прышла другая, да ўжэ нэ такая, / Да й пудняла кітаечку, да й зароготала. / Ой, прышла трэйтзя да з новай хаты, / Да й пудняла кітаечку, да й стала казаты, / Да й пудняла кітаечку, да й стала казаты: / - Було ж тобі, козачэньку, нас трох нэ кохаты, / Було тобі, козачэньку, одну чы другую, / А тэпэра, козачэньку, ійж зэмлю сырую* [9, 72]. У гаворках паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча слова *кітайка* вядома як назва стужкі [10, 467].

Вёску *Верасніца* Жыткавіцкага раёна з-за яе вялікага памеру з колькасцю насельніцтва 1263 жыхары (2004) у меншых, суседніх вёсках, іранічна называюць *Кітай*: “*Паеду ў Кітай свіней купляць*”, а яе жыхароў – “*кітайцамі*”. У Лельчыцкім раёне адпаведна самае вялікае паселішча *Глушавічы*, дзе знаходзіцца шчэбенева завод і пражывае больш за дзве тысячы насельніцтва, жыхары навакольных вёсак з гумарам *Глушавічы* гіпербалізавана называюць *Шанхаем*. У вёсцы Рубель 1800 двароў – “*Гэто ж наш Кітай*” (мясцовы жарт). Гэтыя назвы, дадзеныя жыхарамі меншых суседніх вёсак болей вялікім вёскам, з’явіліся ў выніку трансанімізацыі пераходу оніма з аднаго класа ў другі ў рамках другаснай намінацыі. Так, у названых гаворках харонім (назва тэрыторыі) *Кітай* і айконім *Шанхай* (назва горада) з’явы алузіяйнай трансанімізацыі. Гэтыя назвы ў другім ужыванні не згубілі сувязі з першасным значэннем і, як быццам бы, гавораць пра нешта вельмі вялікае. На Палессі вядома і такая прыказка: “*Як прыдзе Кітай, то й хату кідай*”, якая, відаць, магла замацавацца ў мове палешукоў з часоў татара-мангольскага нашэсця, калі захопнікі бязлітасна знішчалі карэннае насельніцтва, а найменнямі *Кітай*, *кітаец* як

прадстаўнікоў самага вялікага этнасу ў той перыяд, мабыць, маглі называць усе мангалоідныя народы.

Не толькі на Палессі, але і ў іншых рэгіёнах, напрыклад, у сістэме мянушак Гродзеншчыны этнонім *кітаец* зафіксаваны ў наступных значэннях: *Кітайка* – мянушка жанчыны, сям'я якой некалі жыла ў *Кімаі*; назва дадзена паводле знешнасці носьбітаў: *Кітайцы* – калектыўная мянушка членаў сям'і, дадзеная паводле асаблівасцей знешняга аблічча (маюць вузкія вочы) [1, 52]. А этнонімамі *татары, татарын*, напрыклад, доўгі час на прасторах Расійскай імперыі называлі шматлікія цюркамоўныя мусульманскія плямёны – сучасных жыхароў Рэспублікі Татарстан, Рэспублікі Крым, некаторыя народы Паўночнага Каўказа, Сібіры і інш. Дарэчы, як прасачыла І. Каралёва, рускі варыянт этноніма *кітайцы* мог быць утвораны ад назвы цюркскага племя *кідані*, імя *Кімай* – ад племя казанскіх татараў *катай*, а даследчык рускіх прозвішчаў Б. Унбегаўн лічыць імя *Кімай* народным варыянтам кананічнага імя *Цім* [11, 199].

У беларускай анамастыцы пакінулі свой след і *немцы* (народ, які бярэ пачатак ад старажытных германцаў, асноўнае насельніцтва Германіі). Першыя іх паселішчы на тэрыторыі Беларусі навукоўцы адсочваюць з XIV ст., калі вялікі князь Гедымін, жадаючы ўмацаваць стан і эканоміку дзяржавы, запрасіў замежнікаў, у тым ліку і немцаў, на жыхарства ў Вялікае Княства Літоўскае, абяцаючы ім свабоду ў выбары веры і пэўныя льготы. Па яго запрашэнні з-за мяжы прыбылі рыцары, купцы, рамеснікі, гандляры. Яшчэ пазней васальная залежнасць нямецкага ордэна ад Вялікага Княства Літоўскага абумовіла больш шырокі прыток немцаў-каланістаў на землі Беларусі [13, с. 92]. Даволі працяглымі былі кантакты немцаў з усходнімі славянамі і ў наступныя часы. Так, на Мазыршчыне ёсць айконімы, мікратапонімы і антрапонімы, утвораныя ад этноніма *немец*: айконімы *Вялікія Нямки* [14, с. 69]. У гэтым арэале зафіксаваны і як *мікратапонімы*: назвы пашаў, урочышчаў і сенажацяў – *Нямецкая* (в. Альшаны Стол.), *Немцы* (в. Мясешкавічы Мазыр.) [14, 134], *Немцаў Востраў* (в. В. Малешава Стол.), *Немчэ* (в. М. Малешава Жытк.), *Немки* (в. Іванава Слабада Тураў), *Немцы* (в. Колкі Стол.) [15, V, 379]; *гідронімы*: назвы азёраў і вадаёмаў – *Нямецкае* (в. Вуглы Нар.) [14, 134], *Нямецкая Яма* (в. Семурадцы Жытк.), *Немецке* (в. Хорск Стол.) [15, V, 390]. Ёсць таксама і невялікая колькасць прозвішчаў, якія маюць у сваім складзе апелятыў-этнонім *немец*: *Нямчэня* (30 Жытк., 36 Петр.); *Нямцоў* 8 Светл. У беларускіх гаворках этнонім *немец* мае высокую фразеўтваральную актыўнасць, у большай ступені нясе негатыўнае адценне, у сувязі з ваеннымі падзеямі: *як сем немцаў* пра дурнога, дурня; *гітля нямецкая* пра вельмі злую, лютую жанчыну. У аснове фразеалагізма прадстаўленне пра кіраўніка нямецкай дзяржавы Гітлера. М. Данілавіч у артыкуле "*Этнонімы ў структуры беларускіх дыялектных фразеалагізмаў*" адзначае, што ў сучаснай беларускай тапаніміі

адлюстравана больш за 78 этнічных назваў, ад якіх ўтворана 400 тапонімаў для абазначэння 760 населеных пунктаў Беларусі. Гэта і сучасныя, і тыя этнонімы, што засталіся ў гісторыі: *Ляхаўцы, Русакі, Прусы, Татары, Дулебы, Чэхі, Булгары, Валынцы, Крывічы* і інш. [5, 44].

У працэсе развіцця грамадства тлумачэнне этноніма *немец* дапоўнілася семантычна, што прывяло да пераасэнсавання яго значэння. Так, у інтэрнэт-прасторы гэта лексема зафіксавана ў наступных кантэкстах: *немец* – "аўтамабіль, танк, прадметы бытавой тэхнікі нямецкай вытворчасці" [20, 295]. У беларускай і рускай мовах сінонімамі да этноніма *немец* у розныя часы выступалі наступныя: *немец, тэўтон, тэўтонец, прусак, крыжак, бош, бундэс, дойч* і інш., а ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны – апелятызаваныя ўласныя імёны *фрыц, ганс, гітлер, фашыст, вораг*. На аснове гэтых онімаў утварыліся перыферычныя адэтнанімічныя адзінкі канатацыйнага характару: *фрыцы, гансы* – нямецкія (фашысцкія) захопнікі, салдаты і, адпаведна, хто складаў апазіцыю – *Іваны* – рускія (беларусы, украінцы, і нават прадстаўнікі іншых народаў былога СССР удзельнікі Вялікай Айчыннай вайны) [21, с. 175]. Аб цесных кантактах *германцаў, немцаў* з усходнімі славянамі сведчаць наступныя лінгвістычныя і этнаграфічныя факты. У кандыдацкай дысертацыі С. Масленікавай "Германізмы ў дыялектнай мове Гродзеншчыны: структура, семантыка, адаптацыя" прааналізавана каля 588 адзінак, якія зафіксаваны ў гаворках Гродзеншчыны ў самых розных тэматычных групах. Этымалогія некаторых антрапонімаў, што маюць аснову *немец* і вядомы ў беларускай антрапаніміі, як сцвярджае І. Гапоненка, можа мець і рознае тлумачэнне: гэты антрапонім можа таксама ўзыходзіць і да апелятыва *нямы* [3, 27]. Так, у вёсках Веткаўскага і Добрушкага раёнаў на Гомельшчыне "*немка*" – нямая жанчына, дзяўчына, дзяўчынка, пазбаўленая здольнасці размаўляць: "*У немкі я буркі купіла*"; "*Немаваць*" – размаўляць неразборліва, незразумела [19, 131]. У слоўніку Н. Шанскага, *немец* – "*невывразна, незразумела гаворачы чалавек на чужой, незразумелай мове*" [18, 289]. Адэтнанімічныя антрапонімы такога ж тыпу адзначаны і ў іншых славянскіх мовах: з лексмай *немец* у этымалагічным слоўніку Ю. Федасюка "*Русские фамилии*" зафіксаваны прозвішчы *Немцаў, Нямчынаў* [16, 141]. І. Ганжына ўключыла ў "Словарь современных русских фамилий" наступныя антрапонімы: *Нямцоў, Немчанка, Немчына, Нямчынаў, Нямчынскі, Нямкоў, Нямкоўскі, Нямцоў, Нямтыраў* [17, 335], антрапонімы такога ж тыпу засведчаны і на Смаленшчыне: *Нямцінаў, Нямцоў, Нямцэвіч, Нёмцаў, Нямцовіч, Нёмчанка, Немчанкоў, Нямчук, Нёмчукоў*, якія, на думку І. Каралёвай, узыходзяць да этноніма *немец* [11, 201].

Этнонім *германец* выкарыстоўваецца для абазначэння народаў, якія гаварылі пераважна на германскіх мовах, у перыяд ад бронзавага веку да канца эпохі Вялікага перасялення народаў. У выніку міграцый старажытныя германцы змяшаліся з іншымі народамі і прынялі ўдзел у

фарміраванні многіх еўрапейскіх нацый [22]. Ад гэтага этноніма на тэрыторыі Мазыршчыны ўтвораны наступныя мікратапонімы: назвы участкаў лесу – *Германскі Лес, Германскіе Баракі* (в. Вуглы Нар.) [14, 51]; назва часткі дарогі – *Германскі Масток* (в. Вуглы Нар.) [14, 51]. Ад этноніма *германец*, магчыма, утвораны наступныя антрапонімы – *Герман* (29 – Лельч., 5 – Жытк., 3 – Светл., 1 – Мазыр., 2 – Калінк.); *Германаў* – 1 Мазыр.; *Германчук* (1 – Ельск., 4 – Светл.), якія засведчаны ў кнігах "Памяць" – іх усяго 46 адзінак. Этымалагічна гэтыя антрапонімы могуць тлумачыцца па-рознаму. Так, у "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера *немец* – 1. "ад Germania, Germani; *Герман* – 2. імя ўласнае і святы праваслаўнай царквы; 3. позняя перадача нямецкага імя Germann" [23, 403].

Такім чынам, этнонімы *кітаец, немец, германец* і ўтвораныя ад іх адзінкі асвоены семантычна беларускай мовай, маюць даволі значны намінацыйны патэнцыял і актыўна фарміруюць моўную і культурную карціну карэнных жыхароў Мазыршчыны. Ад гэтых адзінак у гаворках Мазыршчыны вядомы адэтнанімічныя прозвішчы (105 адзінак), мікратапонімы (14 адзінак), фразеалагізмы (7 адзінак), прыказкі (3), выяўленыя праз самыя розныя спосабы метафарызацыі і трансанімізацыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Электронны каталог дысертацый [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://cheloveknauka.com/etnonim-v-leksiko-semanticheskom-prostranstve-angliyskogo-yazyka>. – Дата доступу: 24.03.2016.
2. Рогалев, А.Ф. Этнические и географические названия как источник для изучения этноязыковой истории (на материале Беларуси): автореф. дис. – д-ра филол. наук: 20.11.1996; Беларус. гос. ун-т [Текст] / А.Ф. Рогалев. – Минск, 1996.
3. Гапоненка, І.А. Лексіка беларуская літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І.А. Гапоненка. – Мінск: БДУ, 20012. – 307 с.
4. Коваль, В.И. Текст и язык: поиски истоков: монография [Текст] / В.И. Коваль. – Минск: РИВШ, 2012. – 270 с.
5. Даніловіч, М.А. Слова і фразеалагізм у беларускай мове: зборнік навуковых артыкулаў / М.А. Даніловіч. – Гродна: ЮрСаПрынт, 2015. – 300 с.
6. Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь русского / А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. 3-е ихд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 334, [2] с.
7. Иванова, А.А. Микротопонимия Мозырского Полесья / А.А. Иванова. Мозырь: УО «МГПУ», 2003. 219 с.
8. Лякин, В.А. Фамилии Калинового края / В.А. Лякин. Мозырь, 2008 171с.

9. Шепелевич, В.В. Песни деревни Ковнятин Пинского района / В.В. Шепелевич. Пинск.: ОДО “ИРА”, “Паляшук”, 2014. 160 с.:ил.
10. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. Т. 2 Д–Л (Уклад. Ю.Ф. Мацкевіч і інш. – Мн.: Навука і тэхніка, 1980 – 728 с.
11. Королева, И.А. Словарь фамилий Смоленского края / И.А. Королева. – Смоленск: СПГУ, 2006. – 368 с.
12. Міхневіч, А.Я. Вазьмі маё слова... Нататкі аб лексічным узаемаўплыве беларускай і рускай моў / А. Міхневіч, А. Гіруцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 88 с.
13. Бубновіч, І.І. / Рэпрэзентацыя апазіцыі “свой – чужы” ў сістэме мянушак Гродзеншчыны / І.І. Бубновіч, Ж.С. Сіплівеня // “Святло душы і таленту святло...”: зборнік навуковых артыкулаў, [прысвеч. 70-годдзю з дня нараджэння праф. А.А. Станкевіч] / рэдкал. А.М. Ермакова (гал. рэд.) [і. інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – С. 50–55.
14. Иванова, А.А. Названия-этнонимы в микропонимии Мозырского Полесья / А.А. Иванова // Духовные, культурные и исторические корни содружества славянских народов: Материалы научной конференции. Мозырь, 1997. С. 83–85.
15. Тураўскі слоўнік: у 5-ці т. Т. 1 5. / [Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін]. Мінск.: Навука і тэхніка, 1982. 1985.
16. Федосюк, Ю. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь / Ю. Федосюк. М.: Дет. лит.; 1980. 239 с.
17. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. – М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Фирма Издательство АСТ”, 2001. – 672 с.
18. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – Пособие для учителя. изд. 2-е. М., “Просвещение”, 1971. – 542 с.
19. Манаенкова, А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветк. говоры / А.Ф. Манаенкова. – Минск: Университетское, 1989. – 231 с.
20. Кураш, С.Б. Этнонимы вне прямой референции в современных речевых практиках: семантика, неоконтексты (по данным интернет-источников на русском, немецком и французском языках) / С. Б. Кураш, В. Н. Сергей // Наукові записки [Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя]. Серія: Філологічні науки. – 2013. – Кн. 4. – С. 293–296.
21. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце: манаграфія / В.В. Шур. –Мінск: Бел. кнігазбор, 2006. – 216 с.
22. [Электронный ресурс]. Рэжым доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Древние_германцы. Дата доступа: 19.01.2017.
23. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Астрель: Аст, 2004. Т. 4.

¹ доктар філалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі МДПУ імя І. П. Шамякіна
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

² кандыдат філалагічных навук, загадчык кафедры англійскай мовы і методыкі выкладання замежных моў МДПУ імя І. П. Шамякіна
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

ЗМЭНЫ Ў СІСТЭМЕ АЙКОНІМАЎ МАЗЫРСКАГА ПАЛЕССЯ

Вядома, што ў апошнія стагоддзе ў айканіміі Беларусі, у тым ліку і Мазыршчыны, адбыліся істотныя змены: масавымі былі перайменаванні геаграфічных аб'ектаў, найперш назваў самых розных паселішчаў – гарадоў, вёсак, хутароў, засценкаў, што на той час было абумоўлена пераважна зменаў дзяржаўнай прыналежнасці тэрыторыі, сацыяльнымі рэвалюцыямі, дэкаланізацыяй, хутарызацыяй і калектывізацыяй, войнамі, утварэннем новых адміністрацыйных адзінак, новых суверэнных дзяржаў, былі створаны новыя мадэлі і новыя тапаасновы айконімаў, з'явіліся шматлікія айконімы-неалагізмы, штогод павялічвалася колькасць архаізаваных айконімаў, іх разнавіднасцей. Аналіз такіх адзінак патрабуе глыбокіх ведаў з самых розных навук – лінгвістыкі, этнаграфіі, гісторыі, геаграфіі, сацыялогіі. Сярод даследчыкаў існуе нават думка, што тапаніміка гэта сінтэз лінгвістыкі, геаграфіі, гісторыі, бо, напрыклад, для высвятлення этымалогіі слоў-тапонімаў вельмі часта неабходна выкарыстоўваць звесткі з сумежных навук: археалогіі, гісторыі, геаграфіі, а самі тапонімы ў сваю чаргу ўяўляюць невычэрпную крыніцу самых разнастайных дадатковых звестак не толькі для лексікалагаў, а і для гісторыкаў, географаў, археолагаў, геолагаў і іншых даследчыкаў. Пра гэта можна падрабязна даведацца, прачытаўшы манаграфіі і артыкулы М. Бірылы, В. Жучкевіча, В. Лемцюговай, А. Рогалева, М. Даніловіча, І. Капылова, А. Каўруса, Г. Цыхуна і інш.

У савецкі перыяд у сістэме айконімаў адбыліся значныя змены. Архаізаваліся, былі выведзены з тагачаснага традыцыйнага анамастыкону наступныя адзінкі:

1) назвы, якія нагадвалі пра асоб царскага, імператарскага, панскага паходжання, белагвардзейцаў, апартуністаў і іншых рэальных і мяркуемых ворагаў савецкай улады: *Раманава, Гасподы, Троцкае, Панічы, Панскае, Карнілавічы, Юдзенічы* і інш.;

2) назвы, якія былі звязаны з рэлігіяй, служыцелямі культуры: *Багі, Божы Двор, Манастыр, Ігумен, Святоцк, Святы Дух, Царковішча, Папова Лука, Гапаны* і інш.;

3) назвы, якія ўяўлялі сабой немілагучныя, абразлівыя словы (як правіла, мянушкі): *Брухачы, Дурневічы, Неўмывакі, Сінябрухі, Халуі*. Гэта і тапонімы, якія ўяўлялі трапныя сацыяльна-гістарычныя характарыстыкі: *Старцы, Махаеды, Сярмяжка, Сыроваткі, Торбінка, Бяслібічы* і інш. Да немілагучных (ці абразлівых) была аднесена вялікая колькасць тапонімаў, аманімічных з назвамі жывёл, так званыя “аджывёльныя” назвы: *Авечкі, Бараны, Быкі, Кабылічы, Кабыльчыцы, Конскі Бор, Кабаны, Парасятнікі, Свіналуцы, Каты, Цуцкі, Казадоі*;

4) асобныя найменні былі заменены дзеля таго, каб увесці ў сістэму традыцыйных тапонімаў новыя ў той час сацыяльна-палітычныя найменні:

Белае → Азіна, Задобрасць → Калініна, Іван Бор → Красны Акіябр, Койданава → Дзяржынск, Карпілаўка → Акіябрскі, Дзісна → Луначарскае і інш.;

5) назвы-этнанімы, а таксама назвы, якія сведчылі пра моўны ўплыў суседніх народаў: *Ляхі, Мазураўка, Палякі, Жандова Вулька, Жыдавічы, Жыдава Буда, Падрасалай, Эрытэрмай* і інш.;

б) старажытныя назвы, якія ў выніку аманіміі (сугучнасці) з сучаснымі словамі выклікалі “нявыгадныя” асацыяцыі: *Засценкі* (засценак – пашыраны на Беларусі тып пасялення, а не *астрог*), *Смярдзяча* (г. зн. вёска, дзе жылі халопы, смерды) і інш.

Так, у Лельчыцкім раёне, улічваючы названыя вышэй патрабаванні, былі заменены без узгаднення з карэннымі жыхарамі наступныя традыцыйныя айконімы: *Асмаленік → Ударнае, Злодзін → Чырвонабярэжжа, Засунне → Першамайск, Каросцін → Новае Палессе, Стары Фальварак → Пабеднае, Берасцяны Завод → Чапаеўск, Радзілавічы (Радзівілавічы) → Дзяржынск, Магільнае → Мірнае, Гарнавішча → Маркоўскае*.

З кніг А. Бабра, М. Капача, А. Рогалева, У. Лякіна, В. Шура, з анамастычных слоўнікаў Г. Івановай, А. Кавалёвай, з серыі кніг “Памяць”, “Хронікі Убарцакага Палесся”, анамастычных слоўнікаў, кніг намі выбраны архаізаваныя айконімы Мазырскага Палесся, якія зніклі з карты рэгіёна. Мы ставім на мэце класіфікацыю такіх адзінак параважна з улікам семантыкі іх апелятываў. Дарэчы, вакол Мазыра яшчэ ў 20-х гадах ХХ стагоддзя было многа хутароў, частка з якіх мелі назвы, утвораныя ад разнастайных прозвішчаў іх заснавальнікаў: *Сузькі* – ад прозвішча *Сузько*, *Кунгеры* – ад прозвішча *Кунгер*, *Бабры*, *Бабраняты* – ад частай на Мазыршчыне мянушкі або прозвішча *Бобр* і інш. [7, 245]. Так, у кнізе А. Бабра “Мой Мозырь” падаюцца назвы больш ста рачулак і каля 30 азёр, сажалак і іншых водных аб’ектаў. Аўтар, прыводзячы наступныя гідронімы Мазыршчыны, задае рытарычнае пытанне: “Дзе мы іх (водныя аб’екты, іх назвы) згубілі, страцілі ?” *Гусінае, Глушыца, Гарчынь, Каструб’я, Мутнае, Арэхава, Плёса, Пунаў, Скалодзін, Струк, Торкла, Трызна, Засоліна* і інш (с. 91). Большасць іх не фіксуюць сучасныя анамастычныя даведнікі. Прычын

многа: змены ў грамадскім жыцці, у ландшафце мясцовасці, меліярацыя. А ў “Хроніцы Убарцкага Палесся” ў алфавітным парадку пададзена звыш 700 мікратапонімаў і 165 гідронімаў, сабраных з розных крыніц (архіўныя дакументы, звесткі старажылаў, карты і інш.). М.Капач у сваёй працы адзначаў, што толькі ў ваколіцах сучаснага Мазыра было больш за 45 засценкаў і хутароў, многія з іх зніклі, але не бясследна, у радзе выпадкаў аб існаванні некаторых паселішчаў сведчаць аднайменныя мікратапонімы, якімі цяпер называюць поле, лес, палянку, вуліцу, на месцы былых хутароў, засценкаў, напрыклад, *Калачоўка, Сядзельнікі, Ясеньшчына, Міхалкі, Салаўёўка, Целяпуны, Кімбараўка, Бабры, Лапці* і інш. М. Капач у кнізе “Деревни и люди Мозырщины” паведамляе, што ў 30-х гадах ХХ ст. у вялікую вёску Слабада (тады раённы цэнтр) на агульную сядзібу калгаса былі сселены навакольныя хутары *Буда, Адзічац, Белькаў, Заложжа, Замосце, Ліпнікі, Падрэчча* і інш. Цяпер гэтыя мікратапонімы ў ваколіцах Слабады. У Лельчыцкім раёне каля вёсак Стадолічы, Буйнавічы назвы былых хутароў *Міхееў, Мар’янка, Сярэдняе, Гваздзец, Петралаеў хутар, Карнава селішча* і інш. сталі мікратапонімамі – назвамі палёў, узлескаў, палянак [6, 167]. Але выявіць дакладна ўсе страчаныя найменні без грунтоўных гістарычных звестак немагчыма.

На матэрыяле трох раёнаў Мазыршчыны – Лельчыцкага, Калінкавіцкага, Мазырскага – прасочым некаторыя вынікі змен у сістэме айконімаў, што прывялі да архаізацыі гэтых адзінак. Агульная колькасць паселішчаў, іх назваў, якія засведчаны ў пісьмовых крыніцах у розныя часы ў межах сучаснага Лельчыцкага раёна, больш за 300, самыя даўнія і старажытныя з іх узніклі 400 500 гадоў таму назад (першыя фіксацыі ў пісьмовых помніках з 1412 г.). Вялікі князь Літоўскі падараваў свой удзел *Убарць* з усімі сёламі і ўладаннямі (без пераліку іх) віленскаму біскупу *Мікалаю* і яго пераемнікам. Наступны дакумент “*Рэстр падымнага з Убарці ў Кіеўскім павеце за 1581 г.*” акрэслівае ў гэтай воласці толькі 10 сёл, сярод іх *Стадолічы, Буйнавічы, Лельчыцы* і інш. [3, 56]. У наш час у Лельчыцкім раёне 75 паселішчаў, у Мазырскім – менш чым 100, колькасць якіх штогод змяншаецца, на што ёсць некалькі прычын. Асноўныя прычыны змяншэння ў гэтым рэгіёне – войны, асабліва апошняя, а таксама калектывізацыя ў 30-я гады ХХ стагоддзя, калі ў выніку стварэння калектывных гаспадарак у адну аб’ядноўвалі і ссялялі некалькі хутароў, утвараючы новыя паселішчы на базе нейкага, як лічылася, перспектыўнага хутара, вёскі. Так, у перыяды калектывізацыі, у ваенны час (1941–1945), пасля Чарнобыльскай катастрофы, працэсаў урбанізацыі і інш. у Лельчыцкім раёне знікла каля 200 хутароў і іншых паселішчаў, пераважна хутары, засценкі, вёскі [5, 347 434]. У Калінкавіцкім раёне У. Лякіным засведчана 103 назвы хутароў, страчаных на яго тэрыторыі: адна назва

слабады, 11 назваў фальваркаў, 20 назваў засценкаў, 39 назваў страчаных вёсак [3, 67-84].

Гэтыя айконімы з улікам семантыкі іх утваральных асноў класіфікуюцца ў наступныя групы: назвы, у якіх адлюстроўваюцца асаблівасці мясцовага ландшафту, іх апелятывы звязаны з навакольнай флорай (*Азярцы, Асінаўка, Асіннік, Астравы, Бель, Бор, Верхні Рог, Востракарма, Востраў, Выбалацце, Высокі Рог, Вялікае Балота, Вялікі Лес, Глей, Гліннае, Глінішча, Глухая Пораля, Глыбокая Лужа, Горка, Дуброва, Дудзін Брод, Заазер'е, Зеляніца, Кругліца, Крывуша, Курган, Курганы, Лаза, Луцішча, Лясное Луток, Мохаўка, Муцвіца, Ніўкі, Стаў, Сямёнава Палянка, Чарнавостраў, Шырокае і інш.*);

– найменні, якія звязаны з вытворчасцю і промысламі жыхароў (*Баранавы Мост, Буда, Буйнавіцкая Рудня, Гарнавішча, Глушкавіцкі Млынок, Данілавіцкая Буда, Дворышча, Лютыя Масты, Масты, Мачулішча, Мілашэвіцкая Рудня, Млінкі, Млыншча, Мосцішча, Мясэлішча, Нямецкі Млынок, Перадзельнае, Перакон, Пільня, Прыбудак, Прыстань, Рубеж, Селішча, Церабня, Церамошнае, Чамярык, Чысцец і інш.*);

– адзінкі, утвораныя ад назваў тыпаў паселішчаў (*Бярозаўская Слабада, Новы Фальварак, Петралаеў Хутар, Рудня Якімаўская, Хутары Гарочыцкія, Хутары Заднікі, Хутары Казанскія, Хутары Казловічы, Хутары Кошчычы, Хутары Міхнавічы, Хутары Падасецкія, Хутары Сухавічы, Хутары Сярэднія, Хутары Ушаковы і інш.*);

назвы антрапанімічнага паходжання (*Аляксандраўка, Анелін, Астаны, Барысаў, Вандакоў, Воранаў, Воранаўка, Герашчыха, Гілеўка, Глебаўка, Дзямідаў, Жарабцы, Жураўліха, Жыткоў, Золачаў, Камарова, Капылоў, Каўбасічы, Качанаўка, Ключаў, Коўшыцы, Лабачоўка, Малечкаў, Міхеева, Несцераўка, Нікалаеў, Пад'ягорыха, Сівакі, Собаў, Старозава, Сычы, Тушкова, Уладзіміраўка, Фляроў, Франчыха, Халадовічы, Хогель, Шумарава, Шушэраў, Шчэцін, Шылкі і інш.*).

Перайменаванні, наяўнасць некалькіх варыянтаў назваў аднаго паселішча гэта тыя асноўныя падставы, што прыводзілі да архаізацыі некаторых традыцыйных айконімаў. Як пісаў пра такія змены А. Рогалеў, у савецкі перыяд перайменаванні паселішчаў і іншых аб'ектаў нярэдка ажыццяўляліся па прынцеце антытэзы, напрыклад, вёска *Раманаўка* → у *Леніна, Князь Возера* → *Чырвонае Возера, Папоўшчына* → *Акіябр* [4, 235]. Прыводзім наступныя прыклады замен, перайменаванняў, варыянтаў паселішчаў сучаснага Мазырскага раёна, якія засведчаны намі ў розных крыніцах: *Бокаўшчына* → *Бокаў, Каменшчына* → *Каменка, Лаці* → *Майская, Малы Бакавец* → *Малы Бокаў, Раманаўка* → *Ленінаўка* → *Раманаўка, Бабічы (Бабіч)* → *Барбароў, Раенка* → *Раеўскія, Васількава* → *Васькаўка, Лясная* → *Лешня, Капліца* → *Петрапаўлаўская Слабада* → *Горная,*

Парэчніца → Прагрэс, Вараб'ёўка → Красная Горка, Кеневічаў Груд → Гіневічаў Груд, Торбінка → Турбінка, Скрыгалаўская Слабада → Слабада.

Варыянтнасць айконімаў, архаізацыя некаторых з іх, з'яўляецца тыповай асаблівасцю любога рэгіёна. Як прасачыў гэтыя з'явы ў айканіміі Віцебшчыны У. Генкін, наяўнасць акцэнталагічных, фанетычных, граматычных і іншых варыянтаў у першую чаргу характэрна назвам невялікіх паселішчаў. У наш час колькасць тапонімаў, што маюць варыянты, няўхільна скарачаецца. Гэта, найперш, звязана са змяншэннем колькасці паселішчаў, а таксама з пэўнай тэндэнцыяй да стандартызацыі назваў. Асноўныя фактары, якія абумоўліваюць апошнюю з'яву ў рэгіянальнай тапаніміі – актыўны ўплыў пісьмовых стыляў на мову карэнных жыхароў рэгіёна, праблемы актыўнага ўзаемадзеяння рускай і беларускай моў, гаворак і літаратурных моў, іх адлюстраванне ў айканіміі [1, с. 274–275]. Гэтыя фактары пераканальна пацвярджаюцца прыведзенымі вышэй фактамі з сістэмы айконімаў Мазыршчыны.

Даследчыкамі айканіміі, урбананіміі (Г. Мезенка, В. Лемцюгова, І. Капылоў, М. Гарбанеўскі і інш.) выпрацаваны крытэрыі, якімі павінны кіравацца пры называнні новых унутрыгарадскіх і сельскіх аб'ектаў, пры замене некаторых няўдалых урбананімаў. Любы тапонім найперш выконвае адрасную і гісторыка-культурную функцыі, служыць надзейным арыенцірам у горадзе, вёсцы; назва павінна быць матываванай, па магчымасці зразумелай тым, хто жыве або наведвае паселішча, яна таксама ўтрымлівае, нясе ў сабе пэўны аб'ём патрэбнай інфармацыі; новая назва павінна натуральна ўваходзіць у мясцовую традыцыйную для гэтага рэгіёна ўрбананімію, айканімію; такія назвы не павінны быць грувацкімі, складанымі, мнагаслоўнымі, іх асноўная вартасць – прастата і сцісласць, зручнасць у вымаўленні, урбананім, айконім павінен адпавядаць гістарычным і культурным традыцыям рэгіёна, горада, канкрэтнага паселішча, арганічна ўпісвацца ў сучасны тапанімічны кантэкст [7, 256].

Такім чынам, айканімія Мазыршчыны за перыяд свайго станаўлення і развіцця перажыла істотныя змены. У яе структуры ў былыя часы выяўляліся спецыфічныя тыпы пасяленняў – вёскі, сёлы, хутары, фальваркі, мястэчкі. Самы тыповы і масавы тып пасяленняў у мінулыя часы – *хутар*. Як тыпы пасяленняў, страціліся *засценкі, выселкі, фальваркі, мястэчкі*. Некаторыя з хутароў зліліся, аб'ядналіся ў асобныя буйнейшыя паселішчы, атрымаўшы агульную назву нейкага перспектыўнага паселішча. У савецкі перыяд у вялікай колькасці архаізаваліся шматлікія назвы, якія суадносіліся з імёнамі асоб царскага, імператарскага, панскага паходжання, назвы, якія былі звязаны з рэлігіяй, служыцелямі культу, сведчылі пра асаблівасці былога землеўладання, тагачасных промыслаў, іншых архаізаваных заняткаў людзей. Такія адзінкі ўяўляюцца як каштоўныя захавальнікі былога слоўнікавага багацця рэгіёна, сведчаць аб флоры Мазыршчыны, мінулым жыцці насельніцтва, моўнай спадчыне.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Генкин, В.М. Вариативность в ойконимии белорусского Поозерья / В.М. Генкин // Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках): материалы Междунар. науч. конф., Брест, 19–20 апреля 2007 г.: в 2 ч. / под. ред. В.И. Сенкевича. – Брест: Изд-во БрГУ, 2007. Ч. 1. 232 с.
2. Лякин, В.А. Калиновый край в именах и названиях: историко-топонимический очерк / В.А. Лякин. Минск : Колоград, 2016. 136 с.
3. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Лельчыцкага раёна. – Мінск : Паліграфармленне, 2002. – 606 с.
4. Рогалев, А.Ф. Географические названия в калейдоскопе времен / А.Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2008. – 256 с.
5. Хроніка Убарцкага Палесся / аўтар-уклад. А.І. Атнагулаў; навук. рэд. В.Л. Насевіч. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 496 с.
6. Шур, В.В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2010. – 203 с.
7. Шур, В.В. Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2015. – 299 с.

РАЗДЕЛ II

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА

В. Я. Барысенка

кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускай і рускай філілогіі МДПУ імя І. П. Шамякіна
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

КАМУНІКАТЫЎНЫ АКТ У ПАЭТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ

Нацыянальнай мове як асноўнай лінгвакультуралагічнай адзінцы ў працэсе камунікацыі належыць важная роля, якая, з аднаго боку, адлюстроўвае агульныя заканамернасці краіны вывучаемай мовы, з другога – паведамляе звесткі пра яе культуру, гісторыю, геаграфію, духоўнае багацце і г. д. Менавіта ў мове зафіксавана інфармацыя пра звычкі, традыцыі, якія належаць пэўнаму народу.

Цікавасць сучасных даследчыкаў да слова як да моўнай адзінкі абумоўлена не столькі значнасцю слова, колькі выхадам яго зместу за межы лінгвістычных навук – у галіну мастацка-эстэтычную, аксіялагічную, сацыялагічную, псіхалага-педагагічную і інш. Тэндэнцыя да актуалізацыі ў навуковай сферы паняцця слова як моўнага феномена і пашырэнне навуковых кірункаў вучоныя звязваюць з “карэннымі зменамі ў структуры і дынаміцы сучасных навуковых ведаў у цэлым” [1], а таксама з праблемамі, якія ўзнікаюць у сферы камунікатыўных навук.

У дадзеным кантэксце на першы план вылучаецца паняцце катэгорыі слова як часткі мастацкага тэксту ў вузкім сэнсе і як часткі паэтычнага дыскурсу – у больш шырокім.

Шырокае разуменне катэгорыі слова, з аднаго боку, вылучаецца і вырашаецца лінгвістыкай, з другога – паэтыкай і камунікалогіяй і выяўляе новае проблемнае поле, у якім першачарговыя праблемы – тэарэтычныя, метадалагічныя і метадычныя аспекты мастацкага тэксту. У сувязі з гэтым паступова з’яўляецца новы ракурс даследаванняў, межы якога вызначаюцца над- і міждысцыплінарнымі суадносінамі. Прадметам асобай увагі ў рашэнні абазначаных праблем з’яўляюцца працэсы ўспрыняцця, разумення і творчай інтэрпрэтацыі мастацкага тэксту на аснове існуючай моўнай катэгарызацыі і адлюстравання ў гэтых працэсах усяго спектра разглядаемай праблемы.

Аналіз паэтычнага дыскурсу пападае ў поле зроку лінгвістаў у 60-ыя гады XX ст. Так, Ю. М. Лотман першым звярнуў увагу на тое, што ўсе элементы верша складваюцца ў пэўную структуру, але гэта ўзаемасувязь ніколі не бывае поўнай і адназначнай: вызначыць метафарычны стыль

верша з яго ідэйнага зместу немагчыма, бо захоўваюцца ўсе папярэднія асацыяцыі, якія могуць не супадаць у новым дыскурсе, а іншыя увогуле супярэчыць. Адзначыў поліфункцыянальнасць дыскурсу: сувязі мастацкай функцыі з філасофскай, палітычнай, юрыдычнай, маральнай, магічнай, што складае неад'емную рысу сацыяльнага функцыянавання таго ці іншага мастацкага тэксту. Пры гэтым “связь двухбаковая: каб выканаць пэўную мастацкую задачу, тэкст адначасова павінен несці маральную, палітычную, філасофскую, публіцыстычную функцыі. І наадварот: каб выканаць пэўную, напрыклад палітычную, ролю, тэкст павінен рэалізаваць і эстэтычную функцыю” [2, 22]. Звярнуў увагу на тое, што “паэтычны тэкст падпарадкоўваецца ўсім правілам мовы. Але на яго напластоўваюцца новыя, дадатковыя ў адносінах да мовы, абмежаванні: патрабаванне захоўваць метра-рытмічныя нормы, арганізаванасць на фаналагічным, лексічным і ідэйна-кампазіцыйным узроўнях. Усё гэта робіць паэтычны тэкст значна “несвабодным”, чым звычайная мова [2, 45–46].

Мастацкі тэкст як складаны (не толькі моўны, але і агульнакультурны) феномен адлюстроўвае ўсе аспекты вышэйпералічаных пытанняў. Паўната ўспрыняцця і разумення мастацкага тэксту залежыць ад узроўню культуры асобы, яе фонавых ведаў і ўяўленняў. З другога боку, спецыфіку ўспрыняцця тэксту вызначае і індывідуальная своеасаблівасць творчасці пісьменніка, якая выяўляецца ў сістэме выкарыстаных моўных катэгорый, што ўтвараюць у сваёй узаемасувязі “адзінае цэлае са зместам і з'яўляюцца носьбітамі культурнай асаблівасці” [3].

Напрыклад, Рыгор Барадулін выкарыстоўвае лексіку ўсіх стыляў, але ўжыты разам матэрыял ператвараецца ў новую інфармацыю: *Хоць школы амаль не відно / За працай, за тлумам, за даллю, / На лета – ды не адно! – / Даўно атрымаў заданне, / Палёжку даю плячу, / Ляноце сваёй патураю, / Са страхам гады лічу, / А фізіку паўтараю. / Чулейшы да непагод / Раблюся, / Як дзень асенні, / Мацней адчуваю штогод / Зямны закон прыцягнення. / Гадоў маіх лёгкі клін / Удалеч ляцець прасіла / Цікаўнасць да іншых мясцін – / Ацэнтрабежная сіла. / Што круціцца ўсё шпарчэй / Зямля ў несупынным руху, / Адчуў я адчаем вачэй, / За дзверы выгнаўшы скруху. / Да лесу, / Дзе плача жаўна, / Да рэчкі, да мілага схілу / Шчылней прытуляе здаўна / Дацэнтрабежная сіла. / Завецца скразной баразной, / Дзе радасць твая ўскаласіла, / Тугой / Па радзіме адной – / Дацэнтрабежная сіла! [4, 282–283]; Пружыны павыперлі / З мяккага трону – / Жалезныя нервы не вытрымалі, / Хоць прысягалі / На вернасць да скону / Дзяржаўнаму заду / Дагодніцы хітрыя / Разбіцца марыў / Абражаны мрамур: / Галовы міністраў / Шарамі більярднымі / Ляжаць – / У нятленнасць пяліся марна! – / Гісторыі кій ударыў з пагардаю. / Арла кіпцюрастага / Крылы даволі / Распасцёрціся тужыліся / Над востравам. / Валяюцца наабламаныя доле. / Арлы пазляталі, / Як пеўні бяхвостыя! / Страх выпусціў трубку, / Што гневам палала / (Дагэтуль далонь рычага хвалюецца). / – Хто? – / Запыталася ўлада*

былая.– / Адказ быў кароткі, як стрэл: / – Рэвалюцыя! [4, с. 308]; *Бы ўнукаў-робатаў у свет / Праводзіў, / І цяпер адзін / Застаўся пры дарозе дзед – / Дазорца колішніх хацін. / Стаіць пан Шах, / Пан Гнеў, / Пан Смех — / У трох абліччах важны пан. / Каструля прыкрывае плех, / З масніц расклучаны жупан. / Аслупянела галава, / Адзервянелі рукі, / Дзед / Глядзіць, як злагада-ўдава / Прэч падалася – / Стыне след... / Ці ад турыстаў-вераб'ёў / Загон вартуе смешны дзед. / Ды час яго давер абвёў / Гудрон за горла ўзяў кювет. / Аблокам перыстым прастор. / Вясна, блакіт не эканом! / І цягне нерастам з азёр / І ўвечарэлым туманом. / Згадаўся ў ліпах сельсавет... / З вайны ледзь выжыла зямля... / Там у трафейнай касцы дзед Стаяў, / Ячменны дзед з куля. / Я з танцаў з Ліпаўца да Ушач / З дасвеця / Помніць цішыня! / Два кіламетры, як той драч, / Ішоў з дзяўчынаю да дня. / Пра клопат маладых часін / Згадаў экстравагантны дзед – / Дзед Спех, / Дзед Сум, / Дзед Успамін – / Вясёлы ў трох абліччах дзед... [4, 255–256] і інш.*

Так, у першым прыкладзе аўтар выкарыстоўвае словы з навуковага стылю (*фізіка, закон прыцягнення, цэнтрабежная сіла*), якія метафарызуюцца ў паэтычным дыскурсе і ўтвараюць карціну пошуку і разумення лірычным героем свайго зямнога існавання. Паэт стварае індывідуальна-аўтарскія словы-метафары пры дапамозе прыствак *ад-* і *да-* *адцэнтрабежная сіла* – тое, што ўцякае, бяжыць і *дацэнтрабежная сіла* – што павінна вярнуцца назад. У другім сустракаюцца словы афіцыйна-дзелавога стылю – аўтар для паказу гістарычнай сітуацыі стварае метафары (*дзяржаўны зад; дагодніцы хітрыя; галовы міністраў шарамі більярднымі ляжаць; гісторыі кій*). У апошнім Р. Барадулін перамяжоўвае лексіку ўсіх стыляў (*робат, гудрон* – словы навуковага; *каструля, жупан* – бытавога; *кювет, сельсавет* – публіцыстычнага; *колішнія хаціны, перысты прастор, увечарэлы туман* – мастацкі) і праз сімвал (*ячменны дзед з куля*) стварае метафарычны тэкст, у якім лірычны герой успамінае лепшыя імгненні свайго жыцця (*Я з танцаў з Ліпаўца да Ушач / З дасвеця / Помніць цішыня! / Два кіламетры, як той драч, / Ішоў з дзяўчынаю да дня. / Пра клопат маладых часін / Згадаў экстравагантны дзед*). Праз вобразы Дзеда ў розных абліччах паказаны адрэзкі часу і чалавечы ўзрост: *Стаіць пан Шах, / Пан Гнеў, / Пан Смех / У трох абліччах важны пан старасць; Дзед Спех, / Дзед Сум, / Дзед Успамін – / Вясёлы ў трох абліччах дзед... маладосць*.

Шматузроўненасць і мнагапланавасць арганізацыі структуры і зместу мастацкага тэксту, а таксама неабходнасць улічваць некаторую колькасць лінгвістычных фактараў дазваляюць і розныя трактоўкі слова як цэнтральнай адзінкі тэксту. І калі тэкст – моўны твор, то слова як адзінка мовы ў маўленчай кампазіцыі выступае як асноўная форма рэпрэзентацыі абагуленага вобраза рэальнага свету, які адлюстроўвае аўтарскую канцэпцыю. У сваю чаргу, моўная сістэма, з якой аўтар выбірае і потым

дыферэнцыруе моўныя сродкі, дазваляе яму стварыць новую мастацкую сістэму вобразаў і сэнсаў.

Своеасаблівасць мастацкага тэксту з пункту погляду моўнай канструкцыі заключаецца ў спецыфіцы функцыянавання: “мастацкі твор нясе ў сабе адбітак паэтычнай мовы, стыль свайго творцы” [5]. Менавіта слова, што з’яўляецца ўвасабленнем асаблівасцей стылю творцы (калі шырэй – нацыі, гістарычнай эпохі і інш.), праяўляецца ў кожным канкрэтным мастацкім тэксце спецыфічна ў сістэме ўяўленняў і асацыяцый (якія таксама выражаюцца праз слова), абумоўлівае важны момант уступлення рэцыпіента ў паэтычны дыскурс.

Асаблівасцю паэтычнага дыскурсу як часткі і адначасова формы мастацкага дыскурсу заключаецца ў тым, што дзейнасць рэцыпіента ў працэсе ўспрыняцця мастацкага тэксту ўяўляе сабой шматкампанентную мастацкую кампазіцыю, у якой слова як моўная адзінка займала і займае вядучую пазіцыю. Напрыклад, калі мастацкі тэкст зафіксаваць як вертыкальную структуру, праявіцца ўся знакава-сэнсавая сімволіка слова – у фразе (у сказе). У значнай частцы фраз (сказаў) словы так моцна знітаваны і так узаемна вызначаюцца, што ёсць магчымасць “выняць з фразы асобныя словы без таго, каб фраза згубіла сэнс. У такім выпадку можна замест вынятага слова уставіць любое, і сэнс гэтага новага слова вызначыцца з кантэксту” [6, 51].

Той факт, што значэнне слова часта вызначаецца менавіта кантэкстам, а не самім словам, даказваецца наяўнасцю ў гутарковым маўленні слоў без значэння. Шырыня кантэксту, у сваю чаргу, дазваляе адчуць, успрыняць, прачытаць у працэсе паэтычнага дыскурсу агульны сэнс (шырэй – сімволіку) мастацкага тэксту, зразумець яго асноўную эмацыянальную танальнасць. “Паэтычнае слова – не прыём, а частка паэтычнага вобраза сусвету. Такім чынам, праблема вывучэння мовы непасрэдна звязана з праблемай кантэксту вобразаў і ідэй, слова як частка ідэйнай і стылявой асновы раскрывае самыя тонкія сувязі паміж сэнсам і вобразам. Лексіка-сіntaxічныя сегменты захоўваюць толькі адносна цэласную замкнутасць” [7, 190 191].

Неабходна адзначыць, што важным фактарам своеасаблівасці мастацкага тэксту з’яўляецца яго ўключэнне ў тэкст культуры. Любы мастацкі твор з’яўляецца ўвасабленнем з дапамогай сродкаў выразнасці асобнага гістарычнага перыяду, эпохі, культуры, менталітэту. У сувязі з гэтым слова з’яўляецца не толькі адзінкай тэксту, але і выражэннем пэўнага хранатопу – эпохі мастацкага твора, эпохі яго творцы. Слова ў такім разуменні – адзіны механізм, які рэгулюе ўсе падзеі ў духоўным, сацыяльна-псіхалагічным і іншых планах.

Гэта неаднаразова падкрэсліваў у сваіх працах рускі лінгвіст Б. А. Ларын, разглядаючы выкарыстанне слова як моўнай адзінкі ў працэсе перадачы і адлюстравання сацыяльных груповак грамадства. З пункту погляду аўтара, “любы персанаж павінен адрознівацца сваёй мовай, мець

моўныя паказчыкі сваёй сацыяльнай прыналежнасці” [8, 131]. Менавіта Б. А. Ларын прапанаваў важнае для тэорыі мастацкага стылю паняцце нормы, “якая ствараецца па меры таго, як разгортваецца выказванне аўтара ці яго персанажаў, і якая адрознівае яго ад іншых твораў ці напамінае чым-небудзь аб іх”. Носьбітамі гэтай асаблівасці, паводле канцэпцыі Б. А. Ларына, з’яўляюцца “камбінаторныя прырашчэнні сэнсу”, якія “ўтвараюцца ва ўзаемадзейні слоў” [8, 132].

Чалавек, прысвойваючы культурны вопыт у працэсе ўспрыняцця мастацкага тэксту праз слова як моўную адзінку, убіраючы ў сваю свядомасць каштоўнасна-сэнсавыя нормы і правілы, фарміруе асабісты менталітэт, менталітэт сям’і, нацыі і становіцца асноўным носьбітам гэтага менталітэту. “Мова і чалавек гэта вечна новая і вечна старая тэма самой навукі аб мове. Гэта тэма старая, бо людзі ўжо даўно разумеюць непарыўную сувязь мовы і чалавека, але ў той жа час гэтая тэма маладая, бо кожная эпоха прадугледжвае мноства сваіх сэнсаў ва ўзаемаадносінах паміж мовай і чалавекам [9, 3].

Слова рэагуе на самыя нязначныя сацыякультурныя змены, з’яўляючыся часткай эмацыянальна-пачуццёвай сферы асобы рэцыпіента, бытавой, інтэлектуальнай і філасофска-моўнай галіны жыццядзейнасці чалавека, забяспечвае ўстойлівае развіццё культуры і захаванне цывілізацыі. Нягледзячы на разыходжанні ў культурных і ментальных традыцыях, спосабах мыслення і асаблівасцях ўспрыняцця навакольнага асяроддзя людзьмі, слова як аснова мастацкага тэксту і паэтычнага дыскурсу не губляе сваёй вядучай пазіцыі.

Падзяляючы пункт гледжання Л. А. Новікова, які прапанаваў трохузроўневую структуру арганізацыі мастацкага тэксту (мастацка-эстэтычны, жанрава-кампазіцыйны, моўны узроўні), мы выдзяляем моўны ўзровень у якасці асноватворчага. У паэтычным дыскурсе здольнасць слова як моўнай адзінкі стаць унутранай формай мастацкага тэксту ёсць “рыса паэтычнай мовы як сістэмы, а ў якой меры яна рэалізуецца ў кожным асобным тэксце гэта пытанне ўжо належыць асобным вучэнням як нешта выпадковае, якое фарміруе розныя адценні і разнавіднасці, розныя стылі паэтычнай мовы” [10, 57].

Даследчык рускай мовы А. І. Яфімаў прапануе іншую, чатырохузроўневую, сістэму мастацкага тэксту:

тэматычны ўзровень, які ўтрымлівае характарыстыкі чалавека, грамадства, сферы быту, работы, прыроды і інш.;

семантыка-стылістычны ўзровень, які выяўляецца ў асноўных рысах творчага метаду: апісанне слова ў прамым і пераносным значэннях, паказ улюбёных прыёмаў метафарызацыі і метадаў выкарыстання полісемантыкі;

– **граматычны ўзровень**, які прапануе апісанне слоў асноўнага слоўнікавага фонду і стылістычныя каментарыі да выкарыстання пісьменнікам граматычных формаў;

– *гісторыка-генетычны ўзровень*, які дапамагае выявіць разрады слоў паводле ўтварэння і даць характарыстыку іх гістарычнага пранікнення ў асноўны слоўнікавы фонд [11, с. 28 – 29].

У класіфікацыі А. І. Яфімова ўвага таксама скіравана на моўны ўзровень, які ўключае ў сваю структуру тры падструктуры – граматычную, семантыка-стылістычную і гісторыка-генетычную. Усе пералічаныя падструктуры падсумоўваюць моўныя сродкі ўвасаблення мастацкага вобраза ў творы і, такім чынам, яго якасна-сэнсавы змест.

Б. А. Ларын раскрывае структуру мастацкага тэксту праз збліжэнне паэтычнай мовы і прозы. Так, даследуючы мову паэтычных твораў М. А. Някрасава, аўтар адзначыў, што “калі кожнае слова паэта у любых стылях разумець... у адной семантычнай плоскасці (ці, кажучы мовай абывацеля, “літаральна”), то будзе разбурана паэтычная думка, знята паэтычная якасць любога шэдэўра, бо ён абумоўлены сэнсавым і эмацыянальным зместам паэтычнай формы. Па гэтаму паэтычны тэкст можа не гучаць, а ўспрымацца як проза. Чым далей ад паэта па настроі і адносінах да сапраўднасці чытач, тым менш ён можа ўспрымаць яго паэзію. І наадварот: у блізкага чытача можа быць часовы разлад з паэтам” [12, 125]. Напрыклад, наступны паэтычны дыскурс: *Згодна грэчаскай міфалогіі, дачка фінікійскага цара Агенора – Еўропа была / выкрадзена Зеўсам, які прыняў вобраз белага быка. / Ноччу – чарней алівы, / Калі Фінікія спала, / З пеністых хваляў заліва / Белая з’ява паўстала – / Бык замест мудрага Зеўса! / Плач, Агенор! Нудзіся! / Цар, уладар і бацька. / Лёсу свайму скарыся / І захлыніся зняцаўку / Роспаччу, жалем і болем / На самым ружовым світанні. / Плач, Агенор! Ты болей / Не ўбачыш свайёй Еўропы – / На ўсю Фінікію адзінай. / Стане імгненне гадзінай, / А развітанне – ранай, / Бо рана, занадта рана... / Выкралі / Дачку Агенора – Еўропу! / Выкрала / Сэрца маё – работа! / Дазвольце данесці, людзі, / Да вас у хадзе таропкай / Той верш, што пачуці будзіць / Словамі, клічнікам, кропкай! / Той верш, што нанізвае росы / На стромкія, гнуткія дрэвы / І шле ў далёкую просінь / Вясновае раныцы сневы! / Выкрала / Сэрца маё каханне! / Выткала / Роспач у ім расстанне! / У самай блакітнай краіне / Нат смешна ад гэткай падзеі, / Кладзецца бялюткі іней / На песню маёй надзеі. / Выкраду / Сонца у яснага неба! / Выкую / З промняў гарачых сэрца, / Каб грэла маю работу, / Поўнілася пяшчотай... / А больш мне нічога, / Нічога, / Нічога / Не трэба!* [4, 4 5]. Гэты дыскурс будзе зразумелы чытачу, калі ён добра ведае міфы Грэцыі.

Агульным ва ўсіх прапанаваных класіфікацыях з’яўляецца палажэнне аб тым, што ўсе аўтары ў паэтычным дыскурсе дыферэнцыруюць два асноўныя планы – план непасрэдных зносін і план сюжэту (сюжэтна-тэматычны, сюжэтна-вобразны). Абодва гэтыя планы, з пункту гледжання спецыялістаў, належаць розным сістэмам. “План непасрэдных зносін – гэта сістэма натуральнай мовы. План сюжэту выходзіць за межы натуральнай мовы і належыць другаснай мадэлюючай

сістэме, якой з'яўляецца мастацтва” [13, 45]. Структура дыскурсу і “вылучанасць” у ім паведамлення фарміруе, такім чынам, яго семантычную структуру, а камунікатыўны цэнтр у дадзеным выпадку становіцца цэнтрам семантычным. І паколькі наша мысленне і зносіны базіруюцца на абстрактных катэгорыях, то семантычнае ядро азначае ўласцівасць ці дзеянне. З асобай яснасцю гэта выяўляецца пры параўнанні розных мастацкіх тэкстаў і моўных канструкцый у межах мастацкай камунікацыі [14].

Карціна свету ў мастацкім тэксце ствараецца моўнымі сродкамі. Пры гэтым мастацкая карціна свету адлюстроўвае не толькі індывідуальна-аўтарскае светаўспрыманне, але і агульныя сацыякультурныя і нацыянальныя ўстаноўкі. Аднак менавіта аўтар твора адбірае асноўныя элементы зместу і структуры мастацкага тэксту і ў іх ліку моўныя сродкі выразнасці, сярод якіх слова з'яўляецца асноўнай адзінкай выразнасці. Цікавасць да гэтага аспекту ў сістэме лінгвакультуралагічных дысцыплін у цяперашні час абумоўлена “імкненнем патлумачыць мову як глабальную з'яву, як цэльны сродак кампазіцыі, які дапаможа вывучыць сувязі з рознымі сферамі дзейнасці чалавека, што рэалізуюцца праз тэкст” [13, 34].

Разам з тым, для таго, каб вызначыць поўны спектр усіх характарыстык слова ў структуры мастацкага тэксту, неабходна падняць

Такім чынам, магчымасць раскладзіраваць сэнсавае значэнне як моўнай адзінкі, так і мастацкага тэксту ў цэлым, важная складальная цэласнага камунікатыўнага акта.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Скляревская, Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Г.Н. Скляревская ; Л. : ЛО Института языкознания АН СССР. – Л., 1989. – 37 с.
2. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. Л. : Просвещение, 1972. 271 с.
3. Карасева, Ю.А. Художественный текст как источник культурно-национальной информации и выразитель национальной ментальности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ю.А. Карасева ; Российский университет дружбы народов. М., 2012. – 25 с.
4. Барадулін, Р. Вечалле: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. Мінск: маст. літ., 1980 – 336 с.
5. Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – М. : Русский язык, 1988. – С. 12.
6. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б.В. Томашевский // Вступ. статья Н.Д. Тamarченко; комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тamarченко. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 333 с.

7. Поляков, М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики / М.Я. Поляков. – 2-е изд., доп. – М.: Сов.писатель, 1986. – 478 с.
8. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя / Б.А. Ларин. – Л. : Художественная литература, 1974. – 285 с.
9. Будагов, Р.А. Человек и его язык. 2-е, расш. изд. / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.– 469 с.
10. Винокур, Г.О. Филологические исследования / Отв. ред. Г.В. Степанов, В.П. Нерознак. – М. : Наука, 1990.– 451 с.
11. Ефимов, А.И. Стилистика художественного языка / А.И. Ефимов. – М. : Изд-во МГУ, 1961. – 520 с.
12. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя / Б.А. Ларин. – Л. : Художественная литература, 1974. – 285 с.
13. Тураева, З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное / З.Я. Тураева. – М. : Изд-во «Высшая школа», 1979. – 219 с.
14. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н.Д. Арутюнова. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.

¹ В. И. Горбачук, ² Т. И. Татарина

¹ магистрант филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

² кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской
и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

НЕВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА

(на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»)

Наряду со звуковой речью, важнейшим средством успешной коммуникации являются невербальные проявления общения. В процессе общения большое значение имеют специфические свойства и субъективные особенности коммуникантов, проявляющиеся через жесты, мимику, позы, другие душевные переживания.

Невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию, изучаются в специальном разделе языкознания – паралингвистике. Согласно словарю социологических терминов, в узком

понимании паралингвистика – совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [1, 156].

Итак, мы попробуем доказать актуальность использования автором невербальных средств языка на примере раскрытия характера героя романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» Григория Мелехова.

Писатель сразу выделяет из казаков Григория с его редкой, диковатой красотой, удалью, неукротимостью. Трудно забыть его *«вислый коршунячий нос»*, *«миндалины горячих глаз»*, *«острые плиты скул»*, *«звероватую улыбку»*, грацию его сильного тела. Проследив тропу жизненных исканий Григория Мелехова, можно понять, как самому автору удалось решить проблему нравственных исканий своего главного героя.

Зачастую речь человека и ее характеристики несут в себе палитру характера, раскрывая основные черты характера своего обладателя. У Григория нет особенностей речевого поведения, но в отличие от других героев, его речь никогда не бывает идентична. Автор практически не использует фразы: *«Григорий сказал»* или *«Григорий ответил»*, автор заостряет внимание читателя на таких приемах, как *«Григорий вздохнул, буркнул, зубоскалил, скалился, урчал и т.д.»*. Все это говорит о сильной эмоциональности героя. Очень разнообразно речевое оформление его высказываний:

– *Чутно, мелочь насадку обсекает, – вздохнул Григорий* [2, 25];
– *Наговоры, – глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу* [2, 27]; – *Себе на завод оставь, а то Шамили переведутся, – зубоскалил Григорий* [2, с. 29]; – *Драться не дам! – глухо сапнул Григорий и, стиснув челюсти, рванул костыль. На колено его и – хряп!..* [2, 654]; – *Ну и пуцай, – урчал Григорий, прикусывая волосок усыны* [2, 93]; – *И ты к нам? – скалился Григорий, узнав Мишку Кошевого по золотой глыбе чуба* [2, 316]; *Григорий, озлобленный, ввел во двор коня, без причины ударил его сапогом в пах и, бешено округляя глаза, гаркнул: – Ты, черт! Ходи прямо!* [4, 93]; *Григорий поднял брови, смущенно крикнул: – Загнула, нечего сказать! Вон ты какая необузданная* [5, 360].

Следующие примеры – иллюстрация состояния крайнего волнения под влиянием эмоционального воздействия. Голос в разговоре становится громче обычного, доходит до крика:

Тебе-то приходилось... убивать? Приходилось!.. почти крикнул Григорий и скомкал и кинул под ноги рубаху. Потом долго мял пальцами горло, словно пропихивал застрявшее слово, смотрел в сторону [2, 318].

Итак, голос – это внутренний осколок человеческой души, это одна из самых загадочных и чарующих её характеристик. Голос Григория многогранен, как и речевое оформление его высказываний, что, в свою очередь, говорит о множественности его души во всех проявлениях жизни.

Изображая характер Григория Мелехова, автор использует средства окулесики. В описании Григория автор очень часто уделяет внимание взгляду героя и его глазам. При разговорах, которые ведет герой с другими

людьми, происходят речевые акты не только вербальные, но и через язык глаз. Григорий – эмоциональный человек, основная коммуникативная функция выражения его глаз – **ЭМОТИВНАЯ**.

Стоит обратить внимание на то, что во время встреч с Аксиньей его глаза всегда устремлены в ее глаза, то есть происходит визуальный контакт, кроме того, прямой взгляд говорит о его чувствах, намерениях и доверии:

Григорий в упор поглядел Аксинье в глаза, увидел, как вспыхнули они балованным отчаянным огоньком [2, 170].

Сумма взглядов – это ключевой момент в установлении степени близости или симпатии людей.

Автор делает акцент на его нерусских глазах, чтобы помочь читателю увидеть его турецкий темперамент и эмоциональность. Следующий пример выполняет **ЭМОТИВНО-КОММУНИКАТИВНУЮ ФУНКЦИЮ**:

Григорий углом переламывает левую бровь, думает и неожиданно открывает горячие свои, нерусские глаза. Они смеются. Слепят насмешкой [2, 71].

Иногда глаза говорят больше, чем слова. Подтверждением тому следующий пример, в котором автор в пределах одного абзаца *трижды упоминает* глаза героя, в которых отражена вся его любовь к Аксинье:

Григорьевы глаза в минуту обежали всю ее – с головы до высоких красивых ног. Осмотрел, как барышник оглядывает матку-кобылицу перед покупкой, подумал: «Хороша» – и встретился с ее глазами, направленными на него в упор. Бесхитростный, чуть смущенный, правдивый взгляд словно говорил: «Вот я вся, какая есть. Как хочешь, так и суди меня». «Славная», – ответил Григорий глазами и улыбкой [2, 85].

О горячей крови, пылающей в жилах Григория, говорят и восточные «чуть косые прорезы глаз», полученных в наследство от бабки «турчанки». От нее, возможно, и некоторая мечтательность Григория, неплохой голос и дар пылкой, самозабвенной любви. В тексте есть характерные только для Григория приемы окулесики. Это его *прищуренный взгляд*.

Русская кинема сощурить глаза – это мимический жест, который описывается как «слегка сжимая веки прикрывать глаза. Он передает смысл «зафиксировать свое внимание на ком-то или чем-то»; таким образом, фиксация глаз здесь отражает внимание жестикулирующего на объекте наблюдения:

Примолвила, что ль, его? Григорий зло шурился [2, 170].

Присуще Григорию и «бешеное округление глаз», которое характерно ему только в моменты несения службы для выражения недовольства. В семнадцатом году мы видим Григория в беспорядочных и мучительных попытках хоть каким-то образом определиться в это «смутное время». Он ищет политическую истину в мире стремительно меняющихся ценностей, руководствуясь чаще внешними признаками событий, чем их сутью:

Григорий вышел, дрожа улыбкой, со взбешенными глазами. <...> – А насчет того, что все у них на старинку сбивается. Я вот имею офицерский чин с германской войны. Кровью его заслужил! А как попаду в офицерское общество — так вроде как из хаты на мороз выйду в одних подштанниках. Таким от них холодом на меня поперет, что аж всей спиной его чую! – Григорий бешено сверкнул глазами и незаметно для себя повысил голос [90]. Григорий был вынужден постоянно искать выход из создавшихся трудных положений. Говоря о нравственном выборе Григория в жизни, нельзя однозначно сказать, всегда ли его выбор был действительно единственно верным и правильным. Но он почти всегда руководствуется своими собственными принципами и убеждениями, пытается найти лучшую долю в жизни, и это его стремление не было простым желанием жить лучше всех. В моменты объяснений с женой и отцом Григорию очень тяжело, и глаза реагируют мгновенно:

Глаза Григория застилала туманная дымка слез, под усами дрожали губы... Раза три он не ответил на вопросы отца и только тогда подошел к столу, когда Наталья тронула его за рукав гимнастерки. Она перед этим ходила к твоей, к этой... Аксинья ей и рассказала про все... – Ага... так? – Григорий густо побагровел, опустил глаза [5, 69].

Когда человек не хочет идти на контакт и объясняться с оппонентом, он пытается избегать взгляда. Эта черта присуща всем людям, и Григорий не исключение:

Григорий ворочал синими выпуклыми белками, отводил глаза в сторону.

– Короткий у нас суд?

– Короткий, – избегая встретиться глазами, ответил Григорий [2, 91].

Автор применяет прием замещения высказывания выражением глаз:

Поменялись. «Скоро кончится?» – спросил Григорий глазами, поймав сбоку Петров взгляд [2, 115].

Состояние жажды передано с помощью глагола «всматривался» и наречия «жадно»:

Григорий жадно всматривался во взмученную воду; близкая и недоступная, она тянула к себе непреодолимо [2, 283].

Неконтролируемая злость уместилась в хорошо подобранном эпитете:

Покусывая губы, шел Григорий позади отца. «Выкуси, батя, хоть стреноженный, уйду ноне на игрище», думал, злобно обгрызая глазами крутой отцовский затылок [2, 28].

Итак, глаза отражают сущность природы Григория и указывают на его сильное мужское начало.

Одним из ярких средств кинесики в описании Григория Мелехова является улыбка. Проанализировав текст, можно с уверенностью сказать, что круг людей, к которым Григорий относится с особой теплотой, узок.

Улыбка скользит на его лице только в моменты разговоров и встреч с Аксиньей, матерью, братом и Михаилом Кошевым:

Григорий улыбается, хочет еще что-то сказать, но чувствует: рука Аксиньи под его головой как-то вдруг дрябло мякнет, вдавливаясь в подушку и, дрогнув, через секунду снова твердеет, принимает первоначальное положение [2, 70]; «Хрипатый, должно, и злой», – подумал Григорий, улыбаясь брату и оглядывая мельком крепко подогнанную фигуру есаула, горбоносого коня под ним, калмыцкой, видно, породы [2, 316]; Григорий улыбался, щекочущее волнение хватало его за сердце, когда он прижимался к материнскому плечу [2, 265].

Совершенно другое чувство у него к отцу, что проявляется через использование средств кинесики. Он любит своего отца, но в то же время испытывает злость, и на то есть причина:

Григорий побледнел: тронул отец незарубцованную болячку. Все время после рождения ребенка Григорий мучительно вынашивал в себе, таясь перед Аксиньей, перед самим собой, подозрение [2, 238];

Жестом «поднял брови», «подрожал бровью» автор дублирует удивление:

Григорий всмотрелся и изумленно поднял брови.

– Батя, никак.

– Как знает? — Григорий удивленно подрожал бровью [2, 97].

Делая акцент на белизну зубов героя, автор усиливает восприятие читателем его красоты и здоровья:

Принимая подарок, Григорий ослепил ее белизною своих волчьих зубов [2, 107]; – Ха! Совесть! – Григорий обнажил в улыбке кипенные зубы, засмеялся [4, 301];

Необузданный нрав Григория иногда провоцировал его на необдуманные поступки, в такие моменты его желваки перекачивались:

Григорий поиграл зарозовевшими желваками скул, но ответил весело, с подмигом: На кудыкино поле. Понял? [4, 104].

Изменение цвета лица на багровый и красный символизирует у героя стыд, негодование и раздраженность:

«Лежачего вдарил...» – Григорий побагровел [2, 90]; – Я не один... – Григорий густо покраснел. Со мной баба. Может, и ей место какое выйдем? [2, 185]; – Я не боюсь, ты брось это! – румянея в скулах, повысил Григорий голос [2, 223].

Особенно сложные жизненные периоды у Григория автор описывает посредством целого ряда жестов, мимики, произвольных действий и поз, причем, чем тяжелее для него было испытание, тем больше их проявление:

Тебе-то приходилось... убивать?

– Приходилось!.. – почти крикнул Григорий и скомкал и кинул под ноги рубаху. Потом долго мял пальцами горло, словно пропихивал застрявшее слово, смотрел в сторону [2, 318]. (3)

Григорий два раза затянулся и затушил в пальцах сигарку. Вышел молча. У окна людской остановился, глубоко и часто дышал, несколько раз подымал руку постучать, но рука падала, как перебитая. Первый раз стукнул сдержанно, согнутым пальцем, потом, не владея собой, привалился к стене и бил кулаками в раму яростно, долго. Рама вопила дребезжащим звоном стекла, шаталась, в ней рябился синий ночной свет [2, 408] (7).

Манипуляции с папиросами говорят о нервозности и раздраженности Григория:

– Как это? – Григорий даже папиросу выронил из рук [4, 95]; Григорий поморщился, с досадой бросил папиросу [5, 389].

Следующий жест повторяется не один раз и говорит о постоянной привычке:

Барабаня пальцами по спинке кровати, Григорий спросил: – Скоро? [2, 225]; – Как же ты позволил распустить сотню? Какой же ты командир? – хмурясь и барабаня пальцами по столу, спросил Григорий [5, 83]; – Может, на ней как-нибудь доберусь? – спросил Григорий, постукивая пальцами по столу, испытующе глядя в веселые глаза разбитного председателя [5, 354].

Жестово-мимические проявления по отношению к одному и тому же лицу могут меняться, в зависимости от изменения отношения к этому человеку. И указывают на это отношение. Так произошло у Григория с Михаилом. В самом начале произведения жесты дружеские, в конце носят негативный характер. Следующие примеры отчетливо это иллюстрируют.

Улыбку Григорий дарит только самым близким людям, что было отмечено выше, в их число входил и Михаил:

– Где пропал? Под каким знаменем службу ломал? – Григорий улыбнулся, сжимая руку Мишки, засматривая в голубые его глаза [4, 145].

Позже отношения переменились:

Теперь все понятно... Григорий с ненавистью посмотрел в спину уходившему Михаилу, не раздеваясь лег на кровать [5, 374].

Мимическое проявление «досадливо поморщился», употребленное дважды, говорит о стойком негативе, который сформировался у него относительно Михаила.

Григорий досадливо поморщился, промолчал. Новостью он был явно встревожен [5, 380]; Григорий поморщился, с досадой бросил папиросу. Михаил ей в уши надул. Это он все придумывает, беду на мою голову кличет [5, 389].

Автор обращает внимание читателя на некоторую «звероватость» Григория, впрочем, в положительном смысле это «звероватость» степного существа, живущего в гармонии с окружающим его миром, с природой:

Перчаткой гладил Григорий черный ус, шевелил коршунячьим носом, из-под крылатых бровей угрюмым, осадистым взглядом провожал каждую сотню [4, 225].

Чувства Григория были искренними, затрагивали интересы не только его самого, но и многих близких ему людей, в частности, любимой женщины. Несмотря на бесплодные устремления в жизни, Григорий был счастлив, хотя и очень недолго. Но и этих недолгих минут так необходимого счастья было достаточно. Следующий пример является тому подтверждением. Трясущиеся от безысходности руки говорят сами за себя:

*Она с трудом раскрыла глаза, посмотрела затуманенным взором и снова впала в полузабытье. Григорий **трясущимися руками снял с нее платок**. Щеки Аксиньи были холодны как лед, а лоб пылал, и на висках, где проступала испарина, намерзли сосульки, К вечеру Аксинья потеряла сознание. Перед этим она попросила пить, шепнула:*

– Только холодной воды, снеговой. — Помолчала и внятно произнесла: – Кличьте Гришу [5, 264].

В раскрытии характера героя автор использует средства гаптики в небольшом количестве. Характер его прикосновений зависит от степени близости с человеком и отношения к нему. Григорий страстно и нежно любит Аксинью, и его прикосновения к ней очень интимны:

*Григорий **лежит на голой прохладной Аксиньиной руке и смотрит в потолок на цепку катушек**. Аксинья другой рукой – огрубелыми от работы пальцами – перебирает на запрокинутой голове Григория жесткие, как конский волос, завитки. Аксиньины пальцы пахнут парным коровьим молоком; когда поворачивает Григорий голову, **носом втыкаясь Аксинье в подмышку**, – хмелем невыбродившим бьет в ноздри острый сладковатый бабий пот [1, 69].*

Григорий по отцовскому велению женился на Наталье, но любви к ней не испытывал, обратим внимание на примеры из текста:

*Хмурясь, Григорий **целовал пресные губы жены**, водил по сторонам затравленным взглядом [2, 117]; Григорий три раза **целовал влажные безвкусные губы жены**, в церкви угарно завоняло чадом потушенных свечей, к выходу загоцали вытиравшие в притвор люди [2, 115].*

Никакого намека на любовь нет в его поцелуях, автор подчеркивает это прилагательными «пресные» и «безвкусные».

В моменты наивысшей злобы его прикосновения носят непредсказуемый характер, в них выражено все его негодование:

*Григорий коротко взмахнул кнутом, со страшной силой ударил сотника по лицу. Перехватив кнут, он **бил кнутовищем по лицу, по рукам, не давая сотнику опомниться**. Осколок разбитого пенсне врезался тому выше брови. На глаза падали кровавые струйки. Сотник вначале закрывал лицо руками, но удары учащались. Он вскочил с лицом,*

обезобразенным подтеками и яростью, пробовал защищаться, но Григорий, отступая, ударом в кисть парализовал ему правую руку.

– За Аксинью! За меня! За Аксинью! Ишо тебе за Аксинью! За меня! [2, 411–412].

Следующий пример указывает на огромную любовь к матери:

Григорий улыбался, щекочущее волнение хватало его за сердце, когда он прижимался к материнскому плечу [3, с. 265].

Несмотря на свой южный темперамент, Григорий никогда не любил женщин, изменяющих своим мужьям, у него возникало к ним чувство гадливости, переходящее в бешенство:

Никогда еще Григорий не испытывал такого бешеного желания рубануть. Несколько секунд он стоял над Дарьей, стоная и раскачиваясь, крепко сцепив зубы, с чувством непреодолимого отвращения и гадливости рассматривая это лежащее тело. Потом шагнул, наступил кованым каблуком сапога на лицо Дарьи, черневшее полудужьями высоких бровей, прохрипел:

Ггга-дю-ка! [4, 363].

В заключении автор показывает нам, что жизнь впереди и есть ради кого жить:

Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... [5, 495].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко, 2006. – 312 с.
2. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах. / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 1. – 416 с.
3. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах. / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 2. – 384 с.
4. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах. / М. А. Шолохов. М.: Правда, 1980. Т. 3. 432 с.
5. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 томах / М. А. Шолохов. М.: Правда, 1980. Т. 4. 496 с.

А. В. Дуброва

старший преподаватель кафедры иностранных языков МГПУ
им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПЕРЕВОД
(на материале английского и испанского языков)**

Язык как инструмент коммуникации позволяет разрушить преграды на пути познания и знакомиться с последними событиями в мире науки. Ответственность, которую берут на себя ученые, выдвигая, обосновывая их или критикуя научные гипотезы и теории, способные создать новое знание или выявить истинность уже существующих, требует того, чтобы язык, используемый ими для передачи этих знаний, мог беспрепятственно распространяться в научном сообществе и во всем мире в целом для его простого и адекватного применения. Всё это возможно лишь в том случае, когда источник и получатель информации используют один и тот же лингвистический код. Однако новации и открытия в научно-технической сфере описываются и распространяются главным образом на английском языке. Широкое распространение английского языка в научно-технической области и его ведущая роль во всех сферах человеческого общения, культурных, торговых и политических связях до некоторой степени определяют способность мирового сообщества к интеграции. Следовательно, необходимо обучать тех, кто имеет отношение к науке и технике, основным стратегиям работы с этим типом дискурса на английском языке и таким образом объективно способствовать научному прогрессу

С. Саруккай утверждает, что и дискурс, и научная практика тесно связаны с понятием «перевод». По мнению автора, семиотическая природа научных текстов обнаруживает явную очевидность связи перевода и науки, даже на глубочайшем уровне. «Наука возможна только потому, что она рассматривает мир как данность; ответ науки на эту данность обладает теми же характерными особенностями, которые волнуют и процесс перевода» [1, 646]. Этот довод С. Саруккай использует для того, чтобы установить три типа важных, знаковых отношений, которые являются серьезными теоретическими основаниями для включения перевода в учебный процесс как метода обучения научно-техническим специальностям, а именно: чтение – перевод, литература – перевод – наука, философия – перевод – наука.

Тем не менее, сложности и трудности, которые представляет каждая из ветвей научного дискурса, в особенности из области инженерии, нефтяной, химической, электрической, промышленной, гражданской сфер, ограничивают функции отраслевых словарей и глоссариев специальных

терминов. Альварес утверждает, что технический вокабуляр самым непосредственным образом связан с достижениями науки и техники, но ни инженеры, ни лингвисты, ни переводчики не способны создать словарь, который на шаг опережал бы научный прогресс [2].

Таким образом, одно из решений данной проблемы видится в формировании и развитии у студентов технических специальностей, занимающихся научной деятельностью, лексико-семантических навыков, «вплетенных» в профессиональный дискурс.

Научно-технический дискурс – это тип дискурса, используемый наукой и технологией для изложения и описания новых открытий, теорий, гипотез, учений, для анализа и представления технологий. Имея основной целью передачу подобного типа информации, научно-технический дискурс характеризуется как источник извлечения непосредственной полезной информации, лишаясь при этом поэтичности, образности изложения и какой-либо эмоциональности.

Он требует, следовательно, особого языка, которым владеют специалисты, вовлеченные в определенную предметную область науки. Этот язык должен служить в качестве точного и понятного «передатчика» новых знаний для блага общества.

Отечественные и зарубежные лингвисты и философы уже много лет изучают «язык науки». Принципы выделения его в качестве функционального стиля, его характерные особенности разрабатывали С.Д. Береснев, Е.С. Троянская, Н.М. Разинкина, М.Н. Кожина, О.Д. Митрофанова, Л. Тримбл, Альварес, Р. Глейзер, С. Саррукай. Также в лингвистической литературе широкое освещение получили аспекты внутрискладовой дифференциации языка науки в зависимости от жанровой принадлежности научного текста, письменной или устной формы общения, первичного или вторичного характера информации и некоторых других факторов.

По мнению Л. Тримбла, который выдвинул «грамматико-риторическую» теорию дискурса, риторика, используемая в английском языке науки и техники, включает все способы организации информации. Эта организация представляет собой последовательность элементов информации внутри коммуникативной единицы письменного дискурса и выражение определенных видов взаимосвязи, которые существуют между этими элементами. Кроме того, риторика, используемая в английском языке в области науки и технологии не связана с отдельными изолированными элементами информации, а только лишь с более крупными единицами дискурса, в которых встречаются эти элементы [3, 10].

Для проведения анализа научно-технического дискурса на английском языке Л. Тримбл предложил выделить в риторике четыре уровня дискурсивного анализа:

– основные цели дискурса (отражает намерения автора, например, подробно описать эксперимент, сделать рекомендации, выдвинуть новую гипотезу и т.д.);

– основные риторические функции, используемые для развития целей, обозначенных на 1-ом уровне (определить задачи, изложить результаты исследования, выдвинуть проблему, описать механизм или устройство, применявшееся в ходе эксперимента); на этом уровне мы анализируем, каким образом небольшие части текста, абзацы, соединяются с тем, чтобы образовать единое целое – дискурс; эти части отличаются от остальных тем, что имеют заголовки и подзаголовки.;

– специальные риторические функции, используемые для развития основных риторических функций 2-го уровня (описание физических показаний, процесса или принципа действия), определение, классификация, инструкция, визуально-вербальная взаимосвязь, повествование. В целом, эта информация может содержаться в 1–2 абзацах научно-технического дискурса;

– риторические приемы, выбранные автором и используемые для изложения информации; они демонстрируют отношения между риторическими единствами 3-го уровня и внутри них (речевые клише упорядоченности (во времени, в пространстве, причинно-следственная связь), речевые модели выражения причины и следствия, порядка, значимости, сравнения и контраста, аналогии, иллюстративные примеры).

Между каждым из этих уровней существует связь, которую можно продемонстрировать на следующем примере. Если специалист, например, нефтехимической отрасли хочет описать эксперимент, проведенный на нефтяной скважине, с применением новой технологии, которая предполагает использование нового вида бурового промывочного раствора (1 уровень, цель), он подробно опишет эксперимент, предоставляя всю информацию о ходе эксперимента (уровень 2, риторическая функция) в виде инструкции, которой необходимо следовать в будущем для проведения аналогичного эксперимента (уровень 3, особая риторическая функция). Для описания процесса можно прибегнуть к использованию речевых приемов, маркирующих последовательность и порядок (уровень 4, риторический прием).

Прежде чем выделить в научно-техническом дискурсе его прагматические и семантические элементы, следует привести еще одно определение понятия «дискурс», которое дает Молеро – *el discurso es el resultado del proceso de utilización de la lengua, que supone una situación de comunicación dada* (Дискурс является результатом процесса использования языка, который предполагает заданную ситуацию общения) [4].

Таким образом, дискурс состоит из текста и коммуникативной ситуации. Исходя из этих двух определений, под «научно-техническим дискурсом» следует понимать результат процесса использования языка

(письменная форма представления), который предполагает наличие заданной ситуации общения (научно-технический контекст).

Прагматический компонент научно-технического дискурса соотносится с намерением говорящего (пишущего); он позволяет установить кто говорит и в каком контексте. Также он включает в себя участников общения и обстоятельства.

Участник речевого акта, автор – лицо, порождающее высказывание в процессе речевого акта. Он говорит или пишет как член определенной группы лиц, в данном случае группы ученых и инженеров, принимая на себя роль, предписанную данной группе (детально описать эксперимент, дать рекомендации, и т.д.). Представители данной группы сконцентрированы на том, чтобы выделить события и фактические данные для определения обстоятельств, окружающих описываемый процесс.

Обстоятельства формируются деятельностью продуцента речи (автора), (она может быть конфликтной, информативной и др.); временем высказывания, местом и пред-текстом, который соотносится с предшествующими текстами и может представать в эксплицитной и имплицитной форме. Помимо этих двух форм Молеро выделяет ещё скрытый имплицитивный смысл (подтекст), характеризующийся рядом языковых догадок, которым обладает реципиент относительно определенного типа дискурса.

Тщательно рассмотрев эту дефиницию прагматического компонента, с одной стороны, и уровни анализа риторического процесса, описываемые Тримблом, с другой, не составит труда определить, что анализ прагматического компонента представлен уровнями 1 и 2. Именно на этих уровнях можно раскрыть интенции автора текста, когда он формулирует цель своего дискурса, и определить основные риторические функции, к которым он прибегает для реализации своих намерений.

Что касается лиц-участников дискурса, то они принадлежат к миру науки и технологии, основная цель которого состоит в сообщении какого-либо знания: теории, гипотезы, эксперимента или устройства (уровень 1). Это «изложение знания» может подразумевать установление цели, описание физических свойств, функций, процесса, т.д.

Анализ **семантического компонента** дискурса может быть проведен на основе аналитической, структурной или общей семантики, каждая из которых соответствует изучению морфемы, предложения и текста соответственно. Для анализа научно-технического дискурса используется общая семантика, с учетом трёх риторических концептов дискурса, а именно: природа абзаца, риторические фигуры, широко используемые в научно-техническом дискурсе, и риторические функции, встречающиеся в нем.

1. Природа абзаца, абзацное членение текста. Абзац научно-технического текста – это единица письменного дискурса, которая представляет читателю определенное количество отобранной информации

в той или иной предметной области. Эта информация организована автором так, что риторические обороты и отношения между ними представлены наиболее функциональным образом как для реализации риторической цели, так и для воздействия на определенную категорию читателей (новичок, специалист, эксперт и т.д.).

2. Фигуры речи. Фигуры речи (стандартные обороты речи) относятся к элементам связи, которые служат для соединения содержащейся в абзаце научно-технического текста информации, выступающего в качестве основной единицы дискурса. Их также можно определить как семантические элементы согласования, которые могут быть представлены эксплицитными или имплицитными средствами соединения других частей дискурса, в целом раскрывая связь этих частей с основной идеей текста. Фигуры речи, наиболее часто используемые в научно-техническом дискурсе, можно разделить на: языковые клише последовательности, создающие референциальные рамки для элементов информации, излагаемой автором; логические модели, которые указывают на связь элементов информации.

3. Риторические функции связаны с формой, в которой автор решает представлять общую цель дискурса. Так, автор может прибегнуть к одному из способов изложения научно-технической информации, соответствующих шести важным риторическим функциям: описание (физических свойств, функций, процессов), повествование, визуальное-вербальное соотношение, толкование, инструкция и классификация. В классификации Тримбла представлены 5 функций, в нее не входит повествование, однако важно отметить, что и оно представляет собой ещё одну риторическую функцию, очень часто используемую в научно-техническом дискурсе.

Каждая из них позволяет использовать особые фигуры речи для достижения поставленной цели. Читатель сможет с легкостью определить намерение автора, а именно, его желание рассказать, описать, дать рекомендации или определение, установить связь между визуальными и вербальными элементами дискурса, классифицировать.

Все описанные элементы входят в состав семантического компонента научно-технического дискурса. Внутри него существуют также и другие, представляющие определенные трудности перевода при изучении английского или испанского языков как иностранных. Речь идет о грамматических и лексических элементах, которые также могут быть выделены в научно-техническом дискурсе.

Грамматические элементы. Грамматические элементы, вызывающие проблемы при переводе и наиболее часто присутствующие в научно-техническом тексте, представлены главным образом формами страдательного залога в текстах-инструкциях и текстах-описаниях, модальные глаголы в текстах-инструкциях, особые противоречивые случаи употребления определенного артикля, времена глаголов в описаниях и

повествованиях, определения, образованные путем стяжения целых синтаксических групп.

Лексические элементы. Под словом «лексика» мы понимаем всю совокупность слов языка, которые знает человек. В этом смысле, человек, говорящий на родном языке, причастный к миру науки и техники, владеет особым метаязыком, иначе говоря «языком науки», на котором говорят представители его профессии. Задача тех, для кого английский язык не является родным, будет заключаться в том, чтобы сосредоточиться на изучении этого особого подязыка, чтобы иметь свободный доступ к последним событиям в своей профессиональной области. В английском языке наиболее часто употребляемыми в письменном научно-техническом дискурсе лексическими элементами, которые должны знать студенты, изучающие английский язык как иностранный, являются: технический словарь, суб-технический словарь, и цепь определений (атрибутивная группа).

Техническая терминология – совокупность слов и выражений, присущих определенной предметной области. Все отрасли имеют свою терминологию, и когда автор текста употребляет её, может показаться, что эта лексика используется исключительно в данной сфере. Во всех сферах промышленности, во всех языках существуют термины и специальная общетехническая лексика, составляющие особенность языка научно-технического дискурса, которые обладают большой описательной силой и способствуют взаимопониманию специалистов той или иной области, но тем читателям, которые далеки от данной предметной области, они могут казаться иероглифами. Можно утверждать, что терминология, используемая в точных науках находится на службе у технического перевода. В арсенале специалистов и ученых есть свой специальный вокабуляр, которым они владеют в совершенстве и используют в сфере своей предметной области, не прибегая к словарю. Научно-техническая терминология, представляющая собой, как пишет И.В. Гредина, наиболее подвижный пласт лексики, подверженный постоянному и активному обогащению и изменению, обусловленному научной унификацией терминологии той или иной области знания [5]. Дюруа в свою очередь считает, что тот, кто занимается переводом научно-технического дискурса, опирается как на собственное знание терминологии, так и на справочную документацию.

Конечно же, технический словарь не вызывает больших трудностей у студентов инженерных, технических специальностей в силу, пожалуй, двух причин. Первая связана с тем, что они имеют дело с терминами, используемыми в области их специальности, которые используются в их родном языке. Например, *manifold* – манифольд, *cracking* – *craqueo* – крекинг, *casing* – *casquillo* – кожух, *nipple* – *niple* – ниппель и др. К этой группе относятся также и единицы измерения: НРНТ (*high pressure, high temperature* (англ.) *alta presión y alta temperatura* (исп.), *psi (per square*

inches (англ.), *pulgadas al cuadrado* (исп.), *BOPD (barrels of oil per day)* (англ.), *barriles diarios de petróleo* (исп.). Вторая причина, по которой этот пласт лексики не создает сложностей в процессе изучения, связана с существованием когнатов (слов разных языков, имеющих одинаковое происхождение). Когнаты или родственные слова возникают благодаря процессу латинизации двух языков (английского и испанского), участвующих в переводе. На них приходится почти 70% слов английского языка; они имеют латинское происхождение и характеризуются схожим написанием в обоих языках. Например, *invalid – inválido* (англ. – исп.), *temperature – temperatura*, *generator – generador*, *cement – cemento*, *filtration – filtración*, *concrete – concreto*, *oxygen – oxígeno*, *gasoline – gasolina*, *assembly – asamblea*, *balance – balance*, *hydraulic – hidráulico* и т.д.

Суб-технические слова. Эти лексические элементы представлены словами и выражениями, которые имеют одно значение в общеупотребительном узусе английского языка и, будучи включенными в научно-технический дискурс, принимают другое, специфическое значение в зависимости от сферы употребления. В данном типе дискурса существует большое разнообразие подобных лексических единиц. Например:

snake – змея (общеупотр.) – гибкая оправка (политехн.), приспособление для подачи конца каната на верх буровой вышки (нефт.), тащить при помощи троса (строит.);

monkey – обезьяна – клещевой захват для крана (строит.), тележка (машиностр.), тигель для варки малых порций стекла (политехн.);

oil – масло, нефть, нефтепродукты, смазочный материал (политехн.);

drill – учение, упражнение, муштра – сверлильный станок (политех.); сверлить, бурить (нефт.), плоский тупоносный надфиль (машиностр.);

wildcat – дикая кошка, рыжая рысь – разведочная скважина (нефт.);

bit – кусочек – бур, бурав, сверло (политехн.), режущая пластина (машиностр.), долото, молот (строит.);

spider – паук – крестовина, звезда (политехн.), пучок труб «паук» (нефт.).

Как следует из примеров, иногда слова английского языка, обозначающие определенные инструменты или операции, могут вызвать недоумение или улыбку у испано- или русскоязычного читателя. Те суб-термины, которые имеют отношение, например, к сфере нефтедобывающей промышленности, даже получили название «*fauna petrolera*» (нефтяная фауна).

Цепь определений. Её также называют сложным существительным, которое можно определить как последовательность двух и более существительных или прилагательных (реже глаголов и наречий), которые образуют номинальную синтагму. Сумма значений всех компонентов цепи формирует простое представление о значении имени существительного. И в английском, и в испанском языках эти цепочки определений, так же,

как и суб-технические слова, являются теми лексическими единицами, которые вызывают большое смтение у студентов, изучающих английский язык как иностранный. Отличие состоит лишь в том, что их структура в английском языке может быть представлена как *определение+существительное*, а в испанском – *существительное+определение*. Сложность перевода подобных лексических образований состоит ещё и в том, что для эквивалентного перевода и интерпретации требуется прекрасное владение языком, в том числе и для тех, для кого английский является родным языком. Если следовать правилу, согласно которому первым переводится имя существительное, а затем определение, то обнаружить можно следующие несоответствия в каждом из этих языков:

a metal shaft un eje de metal металлический вал;
a metal spring un resorte de metal металлическая пружина;
a metal cutter una cortadora de pernos резак по металлу
(а не металлический резак).

В приведенных примерах только одно определение (*metal*) и, как можно заметить, перевод не всех словосочетаний подчиняется одному и тому же правилу. Задача усложняется ещё больше, когда существительное имеет два, три и более, порой до девяти определений, и это является значимым аспектом синтаксиса английского языка. Например,

fractured production wells (два определения) – pozos de producción fracturados – трещиноватые эксплуатационные скважины;

main fracture treatment results (три определения) – resultados del tratamiento de la fractura principal – результаты восстановления основного разрыва;

long-term surveillance test planning (четыре определения) (planificación de la prueba de sondeo a largo plazo) – планирование долгосрочного наблюдения;

split-damper, inertially coupled passive gravity gradient, satellite attitude control system (десять определений) - sistema de control de posición satelital con amortiguador separador unido por inercia pasiva con gradientes de gravedad – система контроля пространственного положения спутника, оснащенная разрезным успокоителем, инерционно соединенная с градиентом силы тяжести;

distributed data base management computer system un sistema informático de gestión de la base de datos distribuidos компьютеризированная система управления распределенными данными.

Автор может облегчить понимание этих атрибутивных групп, отделив определенные смысловые отрезки запятыми, добавив недостающие предлоги или союзы; однако хорошо известно, что ученые мало обеспокоены тем, чтобы принимать во внимание аспекты языка. Их реальная заинтересованность, прежде всего, состоит в распространении знания, в популяризации науки. С другой стороны, стоит отметить, что

стремление авторов к лаконичности и компактности высказываний и обуславливает синтаксическую компрессию, которая сокращает многословность, сохраняя необходимый объем информации ещё и потому, что в отношении обновляемых научных, технических публикаций, используемых в качестве учебного материала в процессе изучения английского языка как иностранного, заимствованных в основном из технических изданий (научных, отраслевых технических журналов, учебников), со стороны издателей, публикующих информацию такого рода, существует строгое ограничение по количеству страниц и слов. Это предполагает соответственно, что студентов следует обучать основным техникам перевода, которые послужат средством понимания дискурса на английском языке в сфере их профессиональной деятельности.

Универсальный характер научно-технического дискурса означает, что процесс его перевода должен быть простым; в нем должна присутствовать распространенная общетехническая терминология, языковые ресурсы, необходимые для реализации конкретной цели передаваемого сообщения с тем, чтобы оно было понятным всем, без ложных представлений, неопределенности или сомнений. Ввиду того, что в большинстве случаев этот вид дискурса распространен на английском языке, необходимо каждого, кто причастен к этим отраслям науки, обучить технологиям перевода, которые помогут облегчить его понимание.

Таким образом, несмотря на то, что, хотя и большинство особенностей научно-технического дискурса являются универсальными, в каждом отдельном языке они имеют свою специфику. Специфика имеет место не только на лексическом и стилистическом, но и на грамматическом уровне. Наличие лексико-семантических элементов, вызывающих при чтении трудности понимания даже у носителей языка, требует изучения определенных методов перевода. Как было отмечено, не существует единого правила для перевода. Отсюда возникает настоятельная необходимость в подготовке обучающихся к углубленному пониманию данных элементов, лежащих в основе научно-технического дискурса, т.к. они неоднократно сталкиваются с необходимостью решения проблем понимания английской речи.

Присущие письменному научно-техническому дискурсу на английском языке лексические и грамматические элементы могут служить препятствием к пониманию и переводу научно-технических текстов в случае их незнания или игнорирования и свою очередь требуют от обучающегося постоянной тренировки в технике перевода. Это приведет его к наиболее полному пониманию дискурса и, следовательно, позволит быть в курсе последних событий и открытий, имеющих место в его научной или профессиональной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sarukkai, S. Translation and science. *Meta*, XLVI (4), 2001. 646–663. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bibsonomy.org/bibtex/30da1e0feb1a67264f5a8d5e8e26a661>
2. Álvarez Borge, S. (2003). Los neologismos en la traducción científicotécnica. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://europa.eu.int/comm/translation/events/almagro/html/alvarezci_es.Htm.
3. Trimble, L. (1985). *English for science and technology: A discourse approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. p. 180.
4. Molero, L. El enfoque semántico pragmático en el análisis del discurso. *Visión teórica actual*. – *Lingua Americana*, 12, 2003 5-28. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://produccioncientificaluz.org/index.php/lingua/article/view/17104/17078>.
5. Гредина, И.В. Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие / И.В.Гредина. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 121 с.

В. В. Кузьмич

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ КАК КВАЗИ-ТЕКСТ

В «обычных» текстах всегда наблюдается корреляция между темой и ремой. Однако существуют тексты, где такое соответствие весьма условно. Мы определили их как квази-тексты. В таких текстах связь темы и ремы условна. В одних случаях – это следствие языковой игры, в других – денотатом текста выступает либо язык, либо идиостиль автора. К подобным текстам можно отнести центоны, детские считалки, палиндромы и тексты литературных пародий.

В специальной литературе как категории текста трактуются:

1. *Категория отдельности или замкнутости*. Она определяется границами начала и конца текста и реализуются в различных видах зачинов и концовок текста. Тексты литературных пародий направлены на портретную характеристику объекта пародии, его идиостиля, поэтому такой текст по определению не может быть отдельным. Автор пародии обязан выявить черты творческой манеры трагестируемого писателя, для

чего использует максимальное число его текстов. Это проявляется в различных аллюзиях и реминисценциях.

2. *Категория информативности* реализуется в формах содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, а также в формах информации о структуре, компонентах, ходе мысли и способах развертывания содержания текста. Никакой реальной информации в текстах ЛП не содержится. Задача ЛП состоит в максимальном выявлении идиостилия пародируемого автора, и в этом смысле текст ЛП выявляет содержательно-концептуальную информацию не о теме текста, а о пародируемом авторе, точнее, об особенностях его творческой манеры. Кроме того, ЛП выступает как средство языковой игры. Надо специально отметить, что такая филологическая игра доступна только для подготовленного реципиента.

3. *Категория интеграции* проявляется в формах подчинения одних частей другим и всех частей текста его теме и идее. Обычным приемом пародистов является использование какого-либо одного текста автора, где выявляются наиболее яркие приметы идиостилия. Текст литературной пародии это всегда интертекст, о чем свидетельствует его насыщенность аллюзиями, реминисценциями, прямыми и трансформированными цитатами и вкраплениями. В качестве аллюзивных элементов могут использоваться: а) имена собственные персонажей литературных произведений, а также их авторов (пародируемых поэтов и писателей); другие литературные атропонимы, топонимы и т.д.; б) ключевые слова, дословные и трансформированные цитаты. В качестве особого аллюзивного элемента следует отметить эпитаф, который обычно служит для реализации критических цитат автора-пародиста; в) характерная внешняя форма стихотворения, особенности разбивки строк и т.п. Особенностью таких пародий является то, что читателю уже при первом визуальном контакте легко, при наличии определенных фоновых знаний, установить пародируемый объект.

Наряду с вышеназванными, к элементам интертекста в литературной пародии могут быть отнесены ритмические и ассоциативно-образные особенности текстов пародируемых авторов. Для литературной пародии характерно перенесение и сосуществование в пределах одного текста нескольких перечисленных сигналов интертекста, чем усиливается его прецедентность. Чем выше насыщенность текста литературной пародии элементами прецедентного текста, тем выше вероятность узнавания читателем пародируемого объекта. Узнавание облегчается и при наличии в тексте пародии ключевых слов, характеризующих поэтическую лексику автора, на которого создается пародия. Возможность говорить о тексте литературной пародии как об интертексте связана с межтекстовой компетенцией реципиента-читателя, в объеме памяти которого хранятся следы ранее прочитанного, принципы различных жанров и модели возможных переосмыслений. Если узнавание «другого голоса» т.е.

интертекстуальных включений не происходит, то текст пародии воспринимается читателем как текст-непародия, и понимание его невозможно. Двойственность интертекстуальных включений, т.е. принадлежность их к тексту литературной пародии и прецедентному тексту, позволяет автору пародии создать особую систему игровых отношений между текстом пародии и пародируемым оригиналом, т.к. понимание подобных включений основывается на сочетании их контекстов в обоих текстах.

4. *Категория связности (когезии)* реализуется во всех видах и формах связи: лексической, синтаксической, логической, композиционной и др. Когезия ЛП осуществляется с помощью интертекстуальных отсылок. Чем выше качество пародии, тем ближе автор приближается к объекту своего текста. Можно сказать, что пародист как бы «притворяется» самим автором. Это входит в условие языковой игры, где участниками выступают пародист, автор прецедентного текста и реципиент.

5. *Категория коммуникативности* проявляется в многочисленных способах и средствах ориентации на интересы коммуникантов-читателей или слушателей, в упреждении непонимания, неправильного хода мысли, вопросов, в поощрении опережения в ходе мысли, в создании эмоционального настроения и сотрудничества в процессе общения. В этом смысле тексты ЛП, как уже указывалось, выступают как средство языковой игры. От ЛП реципиенты не ожидают когнитивного содержания. Тексты ЛП создают эмоциональный настрой за счет создания лингвистической рефлексии. В немалой степени реципиент получает эстетическое удовольствие от проникновения в филологический код автора трагедии.

6. *Категория цельности (целостности)* в специальной литературе (Л.В. Сахарный) трактуется как функционально-коммуникативная соотнесенность текста с одним объектом, простым или сложным. Объект в тексте ЛП всегда мнимый, точнее, скрытый. Если текст пародии Леонида Филатова озаглавлен как «Муха-цокотуха», то там нет прямого соответствия с прецедентным текстом Корнея Чуковского. Автор-пародист реализует интертекстуальные аллюзии и реминисценции, связанные с конкретным автором, который вовсе не К.Чуковский, а Булат Окуджава, отсылая реципиента не только к дискурсу песен Б. Окуджавы, но и к текстам его романов «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонопартом». При этом в любой качественной пародии представлены черты не одного произведения, а всего дискурса писателя.

7. *Прагматика текста* это один из аспектов текста как знакового образования, фиксирующий отношения между текстом и субъектами текстовой деятельности (т.е. адресантом-автором и адресатом-читателем). Традиционно прагматика текста предполагала учет коммуникативных интересов читателя и соблюдение фундаментальных принципов речевого общения. Для текстов ЛП прагматика текста укладывается в механизм

языковой игры. Содержание этой игры сводится к построению такого текста, который бы максимально полно выявлял черты идиостиля автора. В процессе коммуникации продуцент передает реципиенту некоторую информацию. В качестве предмета коммуникации может выступать любое событие, явление или продукт мыслительной деятельности человека (концепт или конструктор). Каждый текст (травестийный текст не исключение) – это связующее звено между продуцентом и реципиентом текста. В современной психолингвистике используется понятие «коммуникативная номинация». Под ней понимают единство актуальной внутренней номинации и текста. В составе КН выделяют КПН (коммуникативные подноминации). Это могут быть единицы всех уровней: от лексем до фонем. Особенно это актуально для травестийных текстов. Еще Ю. Тынянов указывал на «мелочность» пародии, поскольку пародическим средством, то есть КПН можно считать даже перемену одной буквы в тексте. Так, Тынянов приводит пример из пушкинской эпиграммы на Коченовского, когда знаком пародии явилась буква *и*жща в слове *типография*. Каждая КПН в литературной пародии обладает коммуникативной релятивностью. Это означает, что отдельная КН всегда содержит указание на другую, более крупную КН. Например, ключевое слово в травестийном тексте это одновременно и отсылка к прецедентному тексту, создающая аллюзию с целым текстом. Как уже говорилось, в качестве КПН в текстах литературных пародий могут использоваться единицы любых уровней. Главное, чтобы они создавали эффект травестийности.

Например, в пародии на А. Вознесенского в качестве КПН используются и фонемы в виде ассонансов и аллитераций, и морфемы, и ключевые для Вознесенского слова:

Я – Петр Первый. / Я – сын Расей. Любитель пергал и лососей.

Я – город Вейцмар / Я – вернисаж. Я – веткой вербы к вам за корсаж!

Язык резонов, оревуар! Я – Лактионов, Я – Ренуар.

В Париж, в Тулузу! На ринг, на трек! Шаром в ту лузу. Тулуз – Лотрек (автор пародии Л. Филатов).

Для создания полноценных пародийных текстов пародисту необходимо владеть даром «стихового перевоплощения». Автор пародии должен в совершенстве владеть метрической структурой стиха пародируемого автора, понимать систему ассоциативно-образных связей его творчества, чтобы в тексте пародии выступать от его имени.

Признавая читателя и автора текста равноправными участниками культурной коммуникации, мы имеем право говорить об их общении, то есть, продуцировании текста пародистом и восприятии его читателем, как о коммуникативном акте. Любой коммуникативный акт, и акт культурной коммуникации в том числе, происходит в контексте коммуникативной ситуации «в совокупности факторов,

обуславливающих возможность и характер коммуникативного акта». По Л. В. Сахарному, в структуру коммуникативной ситуации входят:

- говорящий (адресант);
- слушающий (адресат);
- предмет коммуникации – то, о чем говорится;
- код (язык), с помощью которого создается и воспринимается текст;
- текст, то есть сигнал, где с помощью языка зафиксирована – информация и условия, в которых и происходит общение.

Перечисленная совокупность слагаемых обязательна – для того, чтобы коммуникация могла состояться.

Применительно к коммуникативной ситуации, которая имеет место при порождении и восприятии текста литературной пародии, эта схема выглядит следующим образом: адресант (пародист) передает некое сообщение читателю (реципиенту) в расчете на то, что оно будет идентифицировано последним именно как текст-пародия. Для этого он использует своеобразный код: метафоры, сравнения, аллитерации и т.д., характерные для пародируемого автора. Используя подобный код, пародист говорит одновременно как от своего имени, так и от имени пародируемого автора. Таким образом, адресант в подобной ситуации культурной коммуникации это одновременно и автор пародии, и пародируемый автор. Иначе идиостиль последнего остается читателем не узнаваемым и текст интерпретируется им как текст-непародия. Адекватное понимание текста пародии читателем возможно лишь при разгадке им кода, то есть особенностей стиля пародируемого автора. Если же код ненасыщен, то пародию следует отнести к неудачам пародиста.

В качестве удачных пародий можно привести пародийные тексты Ю. Левитанского. Уже при чтении первых строк пародии: *Фiesta феерий! Фатальная зависть! Долой Рафаэля! Да здравствует заяц!*

Читатель испытывает радость узнавания идиостиля А. Вознесенского: в тексте пародии нашли свои выражения такие особенности творческой манеры поэта, как эмоциональность, усиленная кличностью интонаций, экспрессия, создаваемая звуковыми аллитерациями и повторами (сочетание звука [ф] со свистящими вызывают ассоциацию со вспышками фейерверка). Подчеркивание данных особенностей можно признать удачным, так как они несомненно входят в языковой код А. Вознесенского.

Пародисты школы Ю. Левитанского придерживаются принципа построения травестийного текста, который сформулировал известный пародист А. Архангельский: «Хорошо пародировать всего писателя, а не его очередное произведение». Авторы-пародисты (Ю. Левитанский, Л. Филатов, Б. Брайнин, В. Бахнов и др.) ставят перед собой цель показать портретную характеристику пародируемого автора, а не высмеять негативные черты его идиостиля. Это тоже разновидность критики, но критики позитивной, комплиментарной.

Так, в известной пародии на Б.Окуджаву «Муха-цокотуха» Л. Филатов использует ключевые для идентификации стиля автора слова-концепты: *карамболь, Мушка, Питер (город) и т.д.*

*Ах. Бывают всякие в жизни карамболи
Дивные события, странные дела
На обычной улице, а не в чистом поле
Муха – представляете? – денежку нашла!*

*Что случилось с Мухой, резвой хохотушкой?
Муха – не поверите! – сделалась иной!
Не вульгарной Мухой, а пикантной Мушкой
Над прелестным ротиком Е. Карамзиной.*

*Ах, как это весело, ах, как это глупо!
Ах, какое счастье, ах, какой кошмар!
Возле – представляете – Англицкого клуба
Заприметил барышню доблестный Комар.*

*Был он смел до одури и красив до жути,
В звании поручика и в расцвете сил.
И к тому же в юности был замечен в смуте:
Графа Аракчеева лично укусил.*

*Ах, какой любовью встреча увенчалась!
Ах, того не выразить кистью и пером!
Муха – представляете – тут же обвенчалась
С ихним благородием, оным Комаром.*

*Праздновали во среду, накануне Пасхи.
Сколько было сказано спичей и остроум.
Целый вечер кушали рыбу по-гишпански
Целый вечер спорили, прав ли Дидерот.*

*Ах, какие раньше были пьянки –
Вист и философия, Нега и азарт!..
Было это в Питере. В доме на Фонтанке
В щёлке под обоями, много лет назад.*

В тексте пародии обнаруживаются многие приметы идиостиля Б. Окуджавы. В первую очередь, это ключевые слова текста: *представляете, счастье, кошмар, поручик, мушка, благородие* и т.д. Примером может служить название песни Б. Окуджавы «Ваше благородие, госпожа удача». Главным ключевым словом текста пародии можно считать

слово «карамболь». В словарях дается только прямое значение этого слова: «Удар шаром по другому шару в бильярде». Пародист использует это слово в поэтическом контексте в значении «нечто странное, таинственное». Отсюда, например, название телепередачи «Карамболь». Пародист от лица Б. Окуджавы актуализирует это значение в следующем контексте: *Ах, бывают всякие в жизни карамболи*, то есть странные, неожиданные события. Слово Мушка имеет два значения. Одно – деминутив от слова муха, второе значение связано с названием отличительного знака у женщин в 18 веке. Комический эффект возникает при столкновении этих двух значений в тексте пародии. Помимо этого, возникает еще и эффект узнавания идиостиля Б. Окуджавы. Высший пилотаж в литературной пародии – это создание иллюзии, что сам пародируемый автор, если и не писал этот текст, то мог бы написать нечто подобное. Автор травестированного текста также попутно воссоздает языковую атмосферу 18 века. В тексте пародии присутствуют концепты, относящиеся к определенному времени: Англицкий клуб, Дидерот (Дидро), Дом на Фонтанке и т.д. А. Блок говорил, что стихотворение – это покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. В этом смысле можно утверждать, что текст литературной пародии неизбежно должен включать в себя эти концептуально важные для пародируемого автора слова. В противном случае текст пародии останется не идентифицированным с соответствующим идиостилем. Более того, мы можем ничего не знать о пародируемом авторе, но по соответствующим опознавательным знакам в тексте литературной пародии мы легко выявим черты авторской манеры письма.

Обращает на себя внимание то, что Леонид Филатов вовсе не профессиональный литератор, а по преимуществу актер и режиссер. То, что он сумел на таком уровне решить нелегкую задачу травестирования классического текста (и не одного) свидетельствует о возможности такого прочтения более-менее квалифицированным филологом.

Определение текста литературной пародии как квази-текста не несет в себе негативного содержания. Это текст, в котором все текстовые категории представлены в перевернутом, травестированном виде, что служит средством филологической игры. Тексты ЛП представляют собой один из наиболее семиотически сложных видов текста, поскольку содержат в себе самые разные виды аллюзий и реминисценций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архангельский, А. Г. Пародии. Эпиграммы / А.Г. Архангельский. – М.: Худож. литература, 1988. – 349 с.
2. Вербицкая, М. В. Литературная пародия как объект филологического исследования / М.В. Вербицкая. М.: Высш. шк., 1987. 231 с.

3. Гальперин, И.Р. Грамматические категории текста / И.Р. Гальперин // Изв. АН СССР. Серия ЛиЯ. 1977. № 6. С. 47-58
4. Новиков, В.И. Книга о пародии / В.И. Новиков. М.: Советский писатель, 1989. 538 с.
5. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. Л.: ЛГУ, 1989. – 179 с.
6. Филатов, Л.А. Стихи. Песни. Пародии. Сказки. Пьесы. Киноповести / Л.А. Филатов. – М.: У-Фактория, 1999. – 256 с.

I. V. Rusetskaya

Postgraduate of Philological Faculty of Mozyr State Pedagogical University
named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Republic of Belarus)

ON SOME ASPECTS OF CHARACTERIZATION AND CLASSIFICATION OF SPEECH ACTS

Linguistic science of the last decades is characterized by a definite interest in the study of mechanisms of language functioning in speech, in the factors that contribute to the variety of options to express communicative intentions of the speaker. This perspective is the subject of linguistic pragmatics, the research focus of which aims to identify the relationship between man and his verbal behavior. One of the most important areas of linguistic pragmatics is the theory of speech acts.

One of the assumptions of the theory of speech acts is that the minimum unit of human communication is not a sentence or a statement, but the realization of a certain kind of acts, such as statement, question, command, description; explanation, apology, appreciation, etc.

Linguists connect the following expectations with the theory of speech acts:

1. Going beyond the material processed purely by linguistic methods, but at the same time trying to develop fairly reliable apparatus;

2. Explaining and describing the strategies of speech influence on the basis of the concepts of this theory.

3. Explaining and formally showing how some seemingly independent of each other statements form a coherent discourse;

4. Explaining the relationship between the clarity of expression and the effectiveness of its impact;

5. Adding communicative intentions, psychological and behavioral reactions that are normally available to the recipient in the course of

communication to the scope of the theory of pragmatics, exploring social consequences of the acts.

As part of the general linguistic approach to the theory of speech acts, there exist two disciplines: the theory of speech acts itself (which deals with analysis, classification and identifying relationships between speech acts without reference to speech means) and the analysis of speech acts, or linguistic analysis of speech (supposed to study match making between speech acts and speech units). Linguistics sees its field of study in the second discipline, with language material as its starting point.

One of the principal ideas of the theory of speech acts states that the minimum unit of human communication is not a sentence or a statement, but the realization of a certain kind of act, such as statement, question, order, description, explanation, apology, congratulations, etc.

The theory of speech acts as a new branch of linguistic science arose in the 20th century. Prominent representatives of this theory are G. Austin, J.R. Searle, N.A. Bezmenova, N.D. Arutyunova. A characteristic feature of this trend is the interest in language itself, the effort to answer the question what language is, what its connection with the objects of the world is. The theory of speech acts is based on the representations of language as an activity, as a kind of purposeful interpersonal behavior flowing in verbal forms and aimed at meeting social needs. Units of this theory are presented by speech acts. Speech act is an intentionally targeted, controlled by rules of socio verbal behavior verbal action that has a recipient in a particular speech situation.

V.Z. Demyanov identifies the following characteristics of speech acts in his article "The theory of speech acts and linguistic context of contemporary literature" [1]:

1. speech acts are the basic units of speech, sequences of linguistic expressions uttered by one speaker, acceptable and understandable by at least one of the plurality of the other speakers;
2. speech acts are the final acts in a series of other actions;
3. speech acts can be both larger and smaller than a sentence, thus being an integral part of the sentence;
4. speech acts connect the nonverbal and verbal behavior;
5. speech acts are the immediate reality of speech with its textual communication and rules of language units use within the scope of grammar;
6. speech acts allow to distinguish between text and subtext;
7. a typical task of speech acts is the impact on the recipient's thoughts when he interprets the speaker's statement.
8. speech acts connect the sentence with the statement.

The theory of speech acts distinguishes 3 levels or aspects of the analysis of speech acts. First, the speech act is regarded as actually speaking. In this case, the speech act emerges as locutionary act (from Latin *locutio* "speaking"). Locutionary act is a complex structure, since it includes the utterance of sounds, the use of words, and linking them according to the rules of grammar,

identifying various objects with the help words (reference), and assigning various properties and relations to these objects (predication).

In the process of speaking, or in locution, a person performs an act with some extralinguistic purpose (asking, answering, informing, assuring, warning, criticizing, etc). Speech act, considered from the point of view of its extralinguistic purpose, is identified as illocutionary act.

By speaking (in Latin “per locution”) man achieves certain results, producing certain changes in the surrounding reality, particularly in the mind of his speech partner. Speech act, considered in the aspect of its real consequences, acts as perlocutionary act. This act includes the impact exerted on the recipient, the result of the speech act and the reaction of the interlocutor to the speech act.

Illocutionary act differs from locutionary one in the aspect of intention. In its turn perlocutionary act is opposed to illocutionary one on the ground of conventionality.

Thus, the main feature of the illocutionary act is its purpose. In this case one should have in mind not every goal that requires verbal actions to achieve it, but only that one which is to be recognized by the recipient. Only such goal may be called illocutionary, though it may not coincide with the real aim of the speaker.

Illocutionary acts differ not only in their goals, but also according to a number of other features. The most famous classification of illocutionary acts was worked out by an American linguist and philosopher J. Searle. The basis of this classification is a group of features that the author calls "the directions between the differences of illocutionary acts". The most significant of these are [2]:

- purpose (for example, the purpose of statements is to reflect the state of the world, of orders to encourage the recipient to action, of congratulations to express a certain emotion to the speaker, etc.);
- the direction of correspondence between utterances and reality (for example, in the case of informing an utterance is adjusted in accordance with reality, in the case of ordering, on the contrary, the reality must be adjusted in accordance with the utterance);
- the internal state of the speaker (for example, in approving the presence of his respective views, in promising his intention, in requesting his desire, etc.);
- peculiarities of the propositional content of the speech act (for example, in predictions the content of a proposition refers to the future, in reports to the present or past; the subject of a proposition in the promise is the speaker, while the listener is in the request);
- connection of speech act with extralinguistic setting.

Taking into account all these parameters the set of illocutionary acts is divided into five major classes:

1. Representative speech acts which reflect the state of the world and suggest the presence of an appropriate opinion of the speaker. Their propositional content is not limited.

2. Directive speech acts are intended to induce the recipient to do / not to do anything and suggest the presence of corresponding desires of the speaker. Their propositional content always presupposes that the recipient will perform /not perform some kind of action in the future. This class includes requests, prohibitions, advice, instructions, and other types of speech acts.

3. Commissive speech acts are used for the purpose of being bound to do /not to do anything and suggest the presence of speaker's respective intention. Their proposition always has the speaker as its subject. The examples include promise, oath, guarantee.

4. Expressive speech acts are intended to express a certain psychological state of the speaker (a sense of gratitude, regret, joy, etc.) in response to a situation as defined in the framework of the proposition.

5. Declarative speech acts which are directly connected with extralinguistic setting. Declaring something as real makes it come into being in the reality. The examples of declarations are appointment to the post, declaring war or truce, anathema, rites of passage, etc. [2].

This classification, like most other classifications of linguistic phenomena, does not partition the set into disjoint classes. There are speech acts, which have features characteristic of different illocutionary classes, and form, so to speak, "mixed" types. For example, the invitation is both a directive, since the speaker encourages the recipient to come to a certain place, and a commissive as the speaker binds himself to ensure proper reception of the invitee.

There is though another approach to classifying speech acts which was suggested by I.I. Tokareva. She distinguishes between direct and indirect speech acts [3]. In using the direct speech acts, the speaker, producing the utterance, has to mean literally what it says, i.e., the locution and the illocution coincide. Sometimes people choose not to report their communicative intentions directly and do it in an indirect form. In this case, the planned verbal action is carried out with the help of other means, so the speaker uses indirect speech act. For example, asking a question, and thus expecting the listener to give some information, the speaker can actually apply to him with the request and thereby encourage him to perform some action. According to I.I. Tokareva, context helps to clarify the real purpose of the statements in most cases.

It is clearly seen that the approaches to characterizing and classifying speech acts might differ greatly. Nevertheless, the overall studies make it possible to state the definite features of speech acts as such.

Speech act is the smallest unit of speech activity, which consists of three interrelated components: illocution, locution and perlocution. Any speech act is characterized by two features: conventionality and intentionality. Conventionality presupposes the existence of rules following which provides the speaker with successful realization of the speech act. Intentionality is the

connectedness between illocution and the intention of the speaker. Depending on the nature illocution speech acts are divided into representative, directive, expressive, declarative and commissive.

LIST OF LITERATURE

1. The theory of speech acts and linguistic context of contemporary literature [Electronic resource] / V.Z. Demyankov. Mode of access: <http://www.infolex.ru/P036.html>. Date of access: 15.02.2017.
2. Illocutionary acts [Electronic resource] / J. Searle. Mode of access: https://sites.duke.edu/conversions/files/2014/09/Searle_IllocutionaryActs.pdf/. Date of access: 20.02.2017.
3. Tokareva, I.I. *Napravleniya v kommunikativnoy lingvistike. Vvedenie v angliyskuyu filologiyu. Kurs lektsiy.* Mn.: MGLU, 1997. 122 p.

В. Н. Сергей

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

КОММУНИКАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ ОДУШЕВЛЕННОГО ИМЕНИ-ПОДЛЕЖАЩЕГО ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Проведенный анализ отобранного для исследования корпуса текстовых ситуаций французской художественной литературы показывает, что более 40% конкретных имен в позиции подлежащего относятся к одушевленным именам существительным. Процесс установки* этих имен, соотношение их с реалиями действительности имеет свою специфику: объекты, обозначаемые этими именами, менее статичны, более активно подвергаются изменениям, находятся в постоянном развитии, что, естественно, и в наших знаниях о них, и в соответствующих им понятиях находит свое отражение. Интерес к именам лиц объясняется тем обстоятельством, что обозначаемые ими объекты являются такими же индивидуумами, как и сам адресант, поэтому последний обращает свое внимание в первую очередь на них и только потом на неодушевленные объекты ситуации. Этот факт подтверждается хотя бы тем, что началом общения ребенка с миром является его внимание и интерес к ухаживающему за ним взрослому, а уже потом к своему окружению. Приоритет лица над предметами проявляется и в том, что издревле последним приписывались действия, присущие человеку или животному:

ср. солнце встает и садится, травы клонятся, море стонет, ветер свищет и т.д.

Имена лиц способны нести чрезвычайно большую коммуникативную нагрузку, которая концентрирует в себе не только имманентные характеристики, относящиеся к человеку, как к живому существу, обозначающие внешность, душу, разум, но и характеристики, представляющие его как общественное существо. Имя лица может содержать в своем значении «весь семантический диапазон понятий от референтного указания на конкретного человека до признака, предельной степени отчужденности, а также обобщенного значения всего семантического ареала» [3, 85]. Иначе говоря, имена лиц указывают как на конкретные лица, так и на их свойства, качества, действия самой различной степени отчужденности.

Ассоциация лица с его наименованием самая непосредственная, поскольку, если адресант описывает известную ему ситуацию, то он знает и лицо, действующее в этой ситуации, и может в случае необходимости обратиться к нему. Например:

1) *Ce qui me plaît, c'est que c'est un rez de chaussée, dit Eléonore. Où est la concierge?*³

В данной ситуации не существует возможности выбора: консьержка единственная, та, которая всегда находится рядом, которая всегда поможет и т.д. Ситуационная определенность лица способствует *определенной установке существительного и, таким образом его предметной референтности*. В данном случае нет необходимости вводить лицо, обозначаемое именем, в ситуацию, поскольку для адресата идентификация также связана с первичностью ситуации: он, как и адресант, является ее участником, о чем свидетельствует его обращение к *la concierge: Sébastien se promenait comme un chat dans les trois pièces*.

C'est parfait, dit-il en revenant. Parfait. A propos, Madame, il s'adressait à la concierge, je vous trouve très bien maquillée [8, 61 62].

Таким образом, определенная установка *la concierge* с его предметной референтностью для адресанта и адресата имеет в своей основе первичность ситуации: адресату не надо моделировать ситуацию, так как он, как и адресант, является ее участником и знает лицо, о котором идет речь.

В следующем тексте 2) *L'un après l'autre le pilote vérifia des chiffres et fut content. Il se découvrait solidement assis dans le ciel* [9, 21] для адресата достаточно ясно, что речь идет об опытного летчике по имени Фабьен (о нем уже говорилось). Но здесь, как и в предыдущем тексте (1), референция имени как бы раздваивается: она устанавливается к конкретному лицу (*personne, être vivant*) и к его общественной сущности,

³ Вслед за Ж. Дамуретом и Э. Пишоном [1] будем считать установку имени степенью его детерминации: «Assiette degré de détermination des noms» (Glossaire des termes spéciaux ou de sens spécial employés dans l'Essai de grammaire / Damourette, Pichon, t.7).

профессиональной занятости (*concierge* *personne chargée de la garde d'un immeuble*, *pilote* – *personne à qui est confié la conduite d'un avion...*). Определенный артикль свидетельствует о реализации этих двух компонентов понятийного содержания имени.

Благодаря принадлежности к основному словарному фонду и антропонимичности, имена лиц относятся к наиболее употребительным словам: частотность употребления именных групп типа *l'homme*, *la femme*, *le camarade*, *le père*, *le fils* и т.д., а также имен, обозначающих социальную занятость и профессию очень высока [6, 169]. Эти существительные относятся к словам широкой денотативной соотнесенности. Установление их референции требует знаний и осведомленности участников коммуникации по многим вопросам действительной жизни.

Идентификация лица и референции имен лиц (*la concierge*, *le pilote*) обусловлены ситуацией, которую описывает адресант. Ситуация обычно ограничена временными и пространственными рамками: самолет для пилота, дом, комната – для консьержки; что и составляет исходные позиции для адресанта. Для него существительные семантически детерминированы, поскольку упомянутыми именами он обозначает известные ему лица (объекты). Семантическую определенность имени он передает в языке с помощью грамматического средства определенного артикля. Адресант одновременно исходит из семантической и грамматической детерминированности, необходимой для формирования высказывания, которое являет собой процесс передачи знаний адресату в лингвистическом оформлении. Адресат, получив условный сигнал грамматически детерминированным именем, декодирует его семантическую определенность и через нее соотносит это существительное с конкретным лицом в моделируемой им ситуации. Данный процесс можно было бы условно представить так: адресант имеет перед глазами знакомого ему человека, именуется и описывает его; адресат же имеет перед собой это именование и описание, в соответствии с которыми он и начинает рисовать портрет этого человека. Другими словами, идентификация одного и того же человека (со стороны адресанта и адресата) имеет разные источники.

Неопределенный артикль при имени лица побуждает адресата моделировать ситуацию по-другому: адресант видит незнакомого ему человека и пытается представить его адресату.

3) *Un officier sort d'une belle maison. Il porte une chaise à la main. Il vient, salue en touchant le bord de son casque et tend la chaise* [7, 225].

4) *Vous êtes au courant de l'énoncé?*

Un motocycliste s'est présenté... Un garagiste de Dinant, qui est passé ce soir là, vers huit heures et demi, en face de la maison [10, 38].

В описанных ситуациях адресант дает информацию о предмете мысли – субъекте действия, который лично ему не знаком. Указывая его

профессию или занятость, он соотносит имя с субъектом, которого видит, но ничего о нем не знает. Неопределенный артикль направляет «семантическую стрелку» на сигнификат, что и воспринимается адресатом. Идентификация имеет место только по отношению к социальному положению (3) или занятости (4), но не по отношению к конкретному лицу. Иначе говоря, неопределенный артикль при данных существительных в позиции подлежащего служит показателем реализации сигнификативного компонента значения, т.е. отношения идентификации опять же строятся по двум направлениям, но преобладает направление на общественную значимость субъекта действия, а не на человека как живое существо (*personne, être vivant*). Иначе говоря, адресант дает о субъекте общее понятие: чем этот субъект (лицо), например, занимается. Для такой степени детерминации имени ситуация должна быть конкретной, знакомой адресанту, что и передается через описание обстоятельств протекания действий субъекта, их пространственной и временной локализации и т.д. Так, например, в тексте 5) *Un ingénieur avait dit un jour à Rivière, comme ils se penchaient sur un blessé auprès d'un pont en construction: «Ce pont, vaut-il le prix d'un visage écrasé?...»* [9, 130] описана конкретная ситуация, в которой один субъект действия (*un ingénieur*) обращается к другому (*Rivière*), где есть раненый, есть место действия (строящийся мост) и т.д. Такая ситуация вполне конкретна: *pont en construction, ce pont* индивидуализирует общее понятие о субъекте: это инженер, который занят на строительстве моста.

Несмотря на преимущественную реализацию сигнификативного компонента, речь идет о количественно более определенном субъекте действия – его единичности. Происходит это в силу того, что внимание адресата концентрируется на конкретной специальности: сигнификат раскрывается как сущностная характеристика профессии человека (ср., например, ситуативные характеристики для предметных имен типа *nuage poudreux, orage cassait le ciel comme avec du marteau de fer*, которые не способствуют индивидуализации понятий «облако», «гроза»). Но адресат не устанавливает предметную референцию, адекватную референции адресанта. Поскольку у него есть выбор: конкретную профессию (специальность) *инженера* может иметь и другой субъект, находящийся в поле зрения адресанта. Здесь имя реализует *неопределенную установку с отсутствием предметной референтности для адресата*.

Отсутствие конкретной ситуации отрицательно действует на идентификацию объекта и установление референции обозначающего его имени: 6) *Croyez-vous, par exemple, qu'une femme soit capable ... Il s'affolait, il gesticulait.*

Une femme?.. Mais c'est de la folie!.. Jamais une femme ne penserait à ... [10, 100].

Предмет мысли адресанта речи – *женщина* – не присутствует в реальной ситуации. Руководствуясь своим собственным опытом и

знаниями, он высказывает суждение о женщине вообще. Тот факт, что существительное, которое адресант употребляет в акте коммуникации, не соотносится с конкретным субъектом, поскольку не имеет никаких связей с описываемой ситуацией, свидетельствует об отсутствии в неопределенном артикле значения, которое он имеет в именной группе типа *un ingénieur* (5), т.е. количественно индивидуализирующего значения. Иначе говоря, артикль теряет способность вообще быть показателем предметной референтности имени, как для адресанта, так и для адресата: в имени усиливается понятийная основа, т.е. адресант отсылает собеседника к понятию. Получив такой сигнал в форме неопределенного артикля при имени и не имея конкретизирующих описаний объекта и ситуации, адресат не может смоделировать ситуацию и остается на уровне идентификации понятия (сигнификата). Именно в связи с ослаблением способности артикля быть показателем референции он становится, прежде всего, показателем реализации сигнификативного компонента имени. В случае с именем *un ingénieur* референтность имени сохраняется для адресанта, и она обусловлена конкретной ситуацией, в то время как для адресата она уже отсутствует. Имя существительное *une femme* (6), реализуя свое сигнификативное значение, становится нереферентным и для адресанта в силу неопределенной ситуации: неопределенный артикль отсылает к понятию о классе женщин, в отличие от мужчин. Субстанциональность (денотативный компонент) имени оказывается размытой, как бы затушеванной. Оба участника коммуникативного акта руководствуются своим собственным опытом и знаниями, подводя существительное под понятие «*être humain du sexe féminin*», соотносят это имя с любыми признаками, противопоставляющими женщину мужчине. Предложение, в котором именная группа в позиции подлежащего выражает понятийное содержание, понимается и вне контекста, так как оно соотносится интуитивно с понятием, приложимым к *n*-количеству ситуаций⁴.

Установка, которую реализуют данные имена, является неопределенной. Но предметная референтность отсутствует и для адресанта и для адресата речи. Речь идет о преимущественной реализации сигнификативного компонента имени или его денотативной референтности. Такая установка, не ограничивая объема, раскрывает содержание понятия. Эта степень детерминации близка к виртуальному статусу имени: от нее начинается индивидуализирующее движение мысли, которое приводит к полной идентификации описываемого объекта и, как следствие, к установлению предметной референтности имени. Существительное с денотативной референтностью находится на первой ступени актуализации [5, 15-17].

⁴ Наиболее очевидно данное положение раскрывается при анализе пословиц и сентенций. См. диссертацию С.Н. Колоцей 1988 [4].

Терять предметную референтность способен также и определенный артикль. Но если неопределенный артикль при денотативной референтности имени является показателем реализации преимущественно сигнификативного компонента имени, то определенный артикль при существительном в равных условиях служит показателем реализации денотативно-сигнификативной структуры существительного. Ср.: 7) *Il regarda. Nezrouge, ravie, n'y comprenait rien. Décidément, les paysans, c'est drôlement civilisé, se disait Jacquemort en regardant le maréchal* [11, 140].

Адресант (здесь *Jacquemort*), наблюдая за конкретным человеком (*en regardant le maréchal*), внешний вид которого, очевидно, выдавал в нем крестьянина (но в ситуации, описанной языковыми средствами, он не эксплицирует признаки, которые бы дали повод адресату судить о происхождении этого человека), мысленно обобщает, что все крестьяне, судя по одному из них, смешно воспитаны. Определенный артикль при имени обобщает класс, категорию людей (лиц), Адресат воспринимает *les paysans* как класс крестьян во всем объеме этого понятия. Определенный артикль в данном случае выполняет генерализующую функцию в конце обобщающего движения мысли. Ни адресант, ни его собеседник не устанавливают предметную референцию именной группы.

Существительное-подлежащее с определенным артиклем именуется лица, взятые во всем их понятийном объеме. Установка имени в тексте (7) отличается от установки имени в тексте (6), хотя в нем речь идет также об обобщении. Эту степень детерминации можно классифицировать как *определенную установку, реализующую денотативно сигнификативную структуру значения имени с денотативной референтностью* последнего. Такая установка ограничивает объем понятия определенным классом объектов (определенной категорией лиц), в отличие от определенной установки имени с предметной референтностью, где объем понятия ограничен одним объектом.

Отличие определенного артикля с обобщающим значением от неопределенного с идентичным значением состоит, прежде всего, в том, что первый отражает кинетическое удаление от единичности, будучи позиционно обобщающим; второй, будучи также позиционно генерализующим, приближается к единичности через специфичность признака. Именно поэтому определенный генерализующий артикль сопровождает имя, обозначающее *n* количество лиц категории, обладающих определенными действиями и признаками, приложимыми к одной ситуации, т.е. происходит обобщение ситуации; а неопределенный артикль с генерализующим значением сопутствует существительному и способствует обозначению вместе с ним *n* количества признаков лица определенной категории людей, т.е. речь идет об обобщении черт и признаков объекта (субъекта).

Имена лиц объединяются в одну группу с именами, обозначающими объекты фауны (фаунонимы), на основании общей семы «одушевленность».

Таким образом, в акте коммуникации идентификация объекта происходит не непосредственно, а косвенно, с опорой на представленный в сознании коммуникантов субъективный образ объективного мира.

Установки имени как бы отражают различные ступени актуализации, а актуализация предполагает использование детерминативов. Иначе говоря, актуализация равным образом предполагает лингвистическое оформление имени адресантом как части речи и члена предложения и изменение его понятийного объема: от «виртуального (широкого – денотативного) до актуального (конкретного предметного)» [2. 42].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Damourette, J. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française / J. Damourette, E. Pichon. Paris: Ed-s d'Artrey, 1911 1927. v.1. 678 p., v. 7. – 517 p.
2. Венкович, С.В. Референтная направленность именной группы с посессивным детерминативом в современном французском языке: дис... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. 10.02.05 романские языки. Минск, 1987. 180 с.
3. Ермолицкая, Л.Г. Референциальная значимость прямообъектного и атрибутивного местоимений в современном французском языке: дис... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. 10.02.05 романские языки. Минск, 1982. 168 с.
4. Колоцей, С.Н. Французские пословицы: семантика, структура, прагматика: дис... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. 10.02.05 романские языки. Минск, 1988. 230 с.
5. Степанова, А.Н. Об актуализации и референции лингвистического знака / А.Н.Степанова // Иностранные языки в школе. 1985. № 1. С. 15 17.
6. Шилина, Ю.В. Артикль в именных предложных сочетаниях (семантико-номинативный аспект) / Ю.В. Шилина, Г.В. Алейник // Вопросы лингвистической номинации. Рязань, 1987. С. 159 170.

ЦИТИРУЕМЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

7. Giono, J. Le grand troupeau / J. Giono. Paris: Gallimard, 1979. 256 p.
8. Sagan, F. Un certain sourire / F.Sagan. Paris: Julliard, 1983. 124 p.
9. Saint-Exupéry, A. Vol de nuit / A. Saint-Exupéry. Paris: Gallimard, 1931. 192 p.
10. Simenon, G. Chez les Flamands / G. Simenon. Paris: Fayard, 1971. 189 p.
11. Vian, B. L'arrache-coeur / B. Vian. Paris: Ed-s Jean-Jacques Pauvert, 1967. 256 p.

Т. Н. Талецкая

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ПРАГМАТИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ АРТИКЛЯ ПЕРЕД ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Артикль в немецком языке является грамматическим средством выражения следующих категорий существительного рода, числа, падежа, детерминации. Значение определенности традиционно связывают со значением отдельности предмета, либо с представлением класса конкретных предметов. Неопределенный артикль указывает на отсутствие конкретного объекта, т.е. существительное может обозначать любой предмет одного и того же класса.

Нормативное использование артикля предписывает, что перед именами и фамилиями людей артикль не употребляется. Однако использование артикля в речи регулируется не только языковой нормой, но и прагматическими факторами. Выбор артикля как средства воздействия в реальном общении может не подчиняться правилу, а определяться потребностями общения и зависеть от коммуникативного намерения говорящего. Речь идет о прагматизации функции артикля, которая возникает там, где нарушается оформление имени существительного артиклем там, где говорящий сознательно нарушает правила использования определенного или неопределенного артикля. В таких случаях артикль становится инструментом прагматической установки говорящего [1, 10]. Изучение прагматических функций артикля позволяет дать объяснение так называемым «отклонениям от норм»: появление «неправильностей» в речи детерминировано не незнанием говорящим требований нормативной грамматики, а прежде всего, функциями, которые данные «неправильности» призваны выполнять в речи например, служить более экспрессивным, соответствующим ситуации и интенции говорящего средством передачи информации [2, 93]. По этому поводу в исследованиях по лингвистической прагматике отмечается следующее «отклонение от норм языкового узуса наиболее эффективно в плане воздействия на адресата» [3, 146], «в самой ситуации общения существенной оказывается не языковая, а коммуникативная правильность» [4, 4].

Рассмотрим на примерах конкретных ситуаций случаи, когда языковая норма использования артикля перед именем собственным не соблюдается.

Так, в южных областях Германии в разговорной речи перед именами может появляться определенный артикль. По этому поводу словарь Дуден дает следующую информацию „*Personennamen werden [...] im*

Allgemeinen ohne Artikel gebraucht. [...] Vor allem umgangssprachlich steht der Artikel auch bei Personennamen ohne Adjektiv [...]. Mit diesem Gebrauch wird bei Vornamen bekräftigt, dass die bezeichnete Person bekannt ist. Er signalisiert eine gewisse Vertrautheit und ist besonders im Süden des deutschen Sprachgebiets verbreitet“ [5]. Имена собственные в целом используются без артикля. Прежде всего, в разговорной речи артикль появляется перед именами без прилагательных. Появление артикля перед именем придает значение того, что обозначаемое лицо известно, и сигнализирует об определенной близости к нему. Используется особенно на юге Германии.

Например, в Баварии не вызовет удивления использование определенного артикля перед именами собственными *Der Peter hat gesagt, dass die Anna krank ist. Петер сказал, что Анна больна.* Можно привести и другие примеры, где с помощью определенного артикля перед именем выражается дополнительное прагматическое значение, а именно что речь идет о тех самых Петере и Анне, Кате, Уле, Франке и др., одинаково известных всем участникам общения:

1. *Also, was die Katja da gerade angesprochen hat, das finde ich total wichtig. Auch den Einwand von der Ulla kann ich nur unterstreichen. Ich würde aber trotzdem gern noch mal auf das zurückkommen, was der Frank vorhin gesagt hat ... [6].* Итак, то, о чем только что говорила Катя, я считаю абсолютно важным. Также могу подчеркнуть и возражение Улы. Однако я бы охотно еще раз вернулся к тому, что до этого сказал Франк.

2. *Tja, es ist wieder so weit der Valentinstag naht unerbittlich. Und mal abgesehen davon, ob wir uns was schenken werden oder nicht, der Druck ist da. „Der Peter hat der Petra letztes Jahr einen total tollen Ring geschenkt“ [7].* И да ... вот снова неумолимо приближается День Валентина. И неважно, будем ли мы друг другу что-то дарить или нет, чувство необходимости присутствует. «Петер подарил Петре в прошлом году совершенно замечательное кольцо».

3. *Auch die leibliche Mutter des Opfers sitzt dort und erzählt vor laufenden Kameras vom Sexleben ihres Sohnes und davon, dass sie gleich gewusst habe, dass „die Gabi“ ihn umgebracht habe [8].* Там сидит также и родная мать жертвы и рассказывает перед включенными камерами о сексуальной жизни своего сына, а также о том, что сразу же поняла, что его убила та самая Габи.

В северной части Германии такое использование определенного артикля перед именем собственным возможно только в тех случаях, когда говорящий прагматически акцентирует факт, что речь идет именно о том самом человеке, например, о той самой Габи (как в предыдущем примере)

dass „**die Gabi**“ ihn umgebracht habe. В противном случае возник бы вопрос о лингвистической компетенции говорящего, так как нормативное употребление определенного артикля перед именем собственным в немецком языке возможно только перед именем животного *Wenn die Lotte und die Rosie Durchfall hatten, musste der Veterinär kommen, denn dann*

waren die Kühe krank. Когда у Лотты и Розы была диарея, вызывали ветеринара, потому что коровы были больны.

В языковых областях Германии, где все еще сильны диалекты, перед именами людей используется определенный артикль. Так в Баварии Розы и Лотта могли быть как людьми, так и животными. Но в остальных регионах Германии, если артикль появляется перед именем человека, то это делается в прагматических целях, чтобы, например, оскорбить собеседника, высказаться о нем неуважительно и др. (об этом пойдет речь ниже). Исключение составляет коммуникация в детских садах. Там, перед именами детей используется определенный артикль: *Hendrik, lass den Quentin in Ruhe und gib der Emily ihre Barbie zurück!* Хендрик, оставь в покое Квентина и отдай Эмили ее барби.

Воспитателям детского сада с помощью артикля легче запомнить пол своих подопечных, поскольку такие имена, как Айке, Ким, Доминик, Мариан, Керстен, Элия и др., не всегда однозначны в отношении того, мальчик это или девочка. Кроме данного объяснения, причины ненормативного использования артикля в «садииковской грамматике» (Kita-Grammatik) есть и другие. А именно коммуникация с детьми в дошкольном возрасте требует абсолютной ясности и однозначности, иначе малыши могут не понять, что имеется в виду [6]. Использование артикля может помочь, например, внести грамматическую ясность в то, кто кого толкнул и кому наступил на ногу. Возьмем высказывание *Mirko hat Jan getreten, nicht Justin!* Оно может быть понято так, что:

Ян был виноват *Den Mirko hat der Jan getreten!*

Мирко был виноват *Der Mirko hat den Jan getreten!*

Юстин не виноват *nicht der Justin!*

Юстин не является жертвой *nicht den Justin!*

Перед фамилиями известных певцов, деятелей искусства определенный артикль часто используется с превозносящей (aufwertend) функцией: *An diesem Abend sang die Fischer.* В этот вечер пела Фишер (т.е. речь идет о популярной немецкой певице русского происхождения Елене Фишер). *Dabei sei es ihr weniger darum gegangen, die Dietrich und die Piaf zu imitieren.* При этом она меньше всего старалась подражать Дитрих и Пиаф (речь идет об известных певицах немке Марлен Дитрих и француженке Эдит Пиаф).

Er ist ein wunderbarer Virtuose. Gern hätte man von ihm doch noch den Paganini vernommen. Он прекрасный виртуоз. С удовольствием послушали бы в его исполнении Паганини (Никколо Паганини великий итальянский скрипач-виртуоз и гитарист).

Если же определенный артикль появляется перед именами обычных (рядовых) людей в единственном числе (в разговорной речи), то он используется в функции уничуждения (abwertend), т.е. негативно:

Der Schmidt war wieder mal betrunken. Шмидт снова был пьян.

Hast du schon gehört, was die Schmidt wieder gesagt hat? Ты уже слышал(а), что снова сказала Шмидт?

Иногда определенный артикль используется перед фамилиями известных людей не только в разговорной речи, но и в публицистике с прагматической целью – высказаться об этих людях не очень уважительно. Например, цитата Курта Тухольского о Гитлере: *Insbesondere können preußische Staatsbürger jüdischen Glaubens nicht in eine Gegend reisen, in der der Hitler* zur Zeit sich aufhält, wo also dauernd die Gefahr besteht, dass man des Landes verwiesen wird oder sogar körperlichen Schaden erleidet [9]. *Особенно прусские граждане еврейского вероисповедания не могут ездить туда, где в это время находится Гитлер, т.е. там постоянно есть опасность быть изгнанным из страны или даже получить телесное увечье.*

В следующем примере, с помощью определенного артикля перед именем канцлера Германии Ангелы Меркель выражается негативное отношение по поводу ее поступка: *Nun wollen wir hier der Merkel* nicht vorschlagen, aufs Land zu ziehen und "den Städtern den ihnen wichtigen Krach zu gönnen". *Das haben schon die Veranstalter des Theaters "Götterleuchten" auf der Museumsinsel gemacht, als sich die gegenüber wohnende Merkel* wegen des Lärms beschwert und sogar die Polizei gerufen hatte [10]. *Мы не хотим здесь предложить Меркель переехать в сельскую местность и «дать возможность горожанам наслаждаться таким важным для них шумом». Это уже сделали организаторы театра «Божьи светила» на острове музеев, когда живущая напротив них Меркель пожаловалась на шум и даже вызвала полицию.*

Еще один пример: *Der Spiegel Artikel über die von der Layen* ist toll. *Selten so gelacht* [10]. *Статья в Шпигеле о фон дер Ляйен замечательна. Я редко так смеялся* (речь идет о критической статье в адрес Урсулы фон дер Ляйен – первой женщины на посту министра обороны Германии).

В переводе на русский язык только контекст позволяет судить о негативном отношении авторов данных высказываний к тем людям, о которых идет речь. В немецком же языке эту прагматическую функцию берет на себя определенный артикль перед именем или фамилией.

Если фамилии используются во множественном числе и при этом имеются в виду все члены семьи, то перед фамилиями может употребляться определенный артикль (такое использование является нейтральным с точки зрения прагматики): *die Müllers* Мюллеры, *die Buddenbrocks* – Будденброки.

Перед именами собственными может использоваться и неопределенный артикль в том случае, если говорящий имеет для этого определенное прагматическое намерение (высказаться иронично, уничижительно). Например:

использовать известное имя в качестве образцового сравнения: *Eine Margaret Thatcher hätte da keine Skrupel gehabt.* – *Маргарет Тэтчер тут бы не постеснялась.*

использовать имя известного человека в качестве метафоры: *Bist du eine Margaret Thatcher?* – *Ты что Маргарет Тэтчер?*

чтобы обозначить дистанцию к называемому незнакомому человеку: *Ein Franz wollte dich sprechen.* *Какой-то (некий) Франц хотел с тобой поговорить.* *Eine Tatjana hat angerufen.* *Звонила какая-то Татьяна.*

- для негативного обозначения целой группы людей: *Ein Gorbatschev hat noch nie vor Gericht gestanden.* *Горбачевы никогда еще перед судом не стояли.* В данном случае прагматическое значение обобщения (*Ein Gorbatschev*) заключается в том, что люди, занимающие высокие посты в государстве, чаще всего избегают любой ответственности.

Интересный пример использования неопределенного артикля перед именем собственным можно привести из речи кандидата на пост канцлера Германии, Мартина Шульца в телевизионной передаче Анны Виль „Können Sie Kanzler, Herr Schulz?“ [11]. М. Шульц уходит от конкретного ответа на заданный ему модератором передачи А. Вилль вопрос, пытаясь переключиться на дискуссию с гостем из числа публики в телестудии. А. Вилль, однако, постоянно его перебивает, чтобы вернуть к заданному ею вопросу – «до какого предела партия готова поднять минимальную зарплату», если М. Шульц станет канцлером Германии. В конце концов, Шульц реагирует следующим образом: „*Kleine Unterbrechung, Frau Will! Wenn ich jetzt mit Frau Maassen diskutiere ... unmittelbar, ja? ... und mit der Wählerin versuche ... sie zu überzeugen ... da habe ich eine Will dazwischen sitzen, die mir nach jedem dritten Wort dahinter ins Wort fällt, da habe ich nicht die Chance, die Frau zu überzeugen*“. *Я ненадолго перебыю, госпожа Вилль! В то время, как я сейчас непосредственно веду беседу с госпожой Маассен, ... да? ... и пытаюсь убедить избирательницу ..., то между мною и ею сидит одна (такая) Вилль, которая перебивает меня на каждом слове, и у меня нет возможности убедить женщину.*

Прагматический прием использование неопределенного артикля перед именем собственным с иронией (*da habe ich eine Will dazwischen sitzen*) свидетельствует в данной ситуации о явной симпатии М. Шульца к модератору Анне Вилль, что вызывает улыбку телезрителей в студии.

Таким образом, проанализированные контексты, где определенный или неопределенный артикль появляются вразрез с грамматическими правилами использования артикля перед именами собственными, могут свидетельствовать либо о региональных либо о прагматических вариантах функционирования артикля. Если вернуться к проблематике регионального использования артикля, то помимо вопроса о том, почему перед именами собственными появляется артикль, возникает и вопрос гендерного характера, в частности – действительно ли женщины женского

пола. Например, в Киле и Гамбурге женское имя собственное используется без артикля Uschi, в Нюрнберге и Регенсбурге с артиклем женского рода – die Uschi, в Кельне и Эссене с артиклем среднего рода – das (dat) Uschi. В местности Рейнланд еще и сегодня женские имена традиционно используются с определенным артиклем среднего рода dat Gerda, dat Uschi, dat Chantal. Например, в Кельне на такое «ненормативное» использование артикля не влияет даже женское движение за равноправие полов.

В заключение приведем несколько примеров, когда неправильное использование артикля может привести к коммуникативным неудачам и поставить коммуникантов в неловкое (иногда комичное) положение, что также интересно в плане прагматических исследований.

Например, парень, по имени Даниель хочет познакомиться с девушкой, по имени Барбара. Происходит следующий диалог: *Hallo, ich bin der Daniel", sagte Daniel. "Und du bist die Barbara, stimmt's?" Die Reaktion fiel nicht ganz so euphorisch aus, wie Daniel erhofft hatte. "Ich heiÙe Barbara!", stellte die Angesprochene richtig, "ob ich die Barbara bin, hängt davon ab, was du dir unter der Barbara vorstellst. Es gibt allein in dieser Stadt mehrere hundert verschiedene Barbaras. Um sicher zu sein, dass ich die eine bestimmte bin, die dir vorschwebte, als du mich ansprachst, müsste ich wissen, wie du die Barbara definierst!* [7]. «Привет, я Даниель», сказал Даниель. «А ты Барбара, правильно?» Реакция последовала не такая эйфоричная, как надеялся Даниель. «Меня зовут Барбара», поправила та, к которой обращались. «Но та ли я Барбара, зависит от того, что ты подразумеваешь под Барбарой. Только в этом городе есть несколько сотен различных Барбар. Чтобы быть уверенной, что я та самая Барбара, которую ты имел в виду, когда ты ко мне обратился, я должна бы знать, как ты определяешь, кто такая Барбара.

После такого неудачного знакомства Даниель искал общения с менее категоричными собеседницами.

Еще один пример: Яна очень не любила, когда ее имя употребляли с артиклем женского рода (die Jana), потому что считала, что из за артикля ее имя может кому-то послышаться не как Яна, а как Диана. Она все-время исправляла *Es heißt nicht die Jana, sondern einfach nur Jana.* Надо говорить не ди Яна, а просто Яна. Из за этого некоторые знакомые стали называть ее «леди Ди», что ее очень раздражало. Вот уже несколько лет Яна живет в федеральной Земле Саар (Saarland) на юго-западе Германии и чувствует себя там хорошо: *"Die reden hier zwar alle völlig unverständlich, aber immerhin sagt niemand mehr die Jana. Für die Leute hier in Saarbrücken bin ich es Jana".* «Они тут все говорят совершенно непонятно, но все таки никто мне больше не говорит «ди Яна». Для людей здесь в Саарбрюккене я Яна среднего рода» [9].

Для людей, приехавших сюда из Северной Германии, ситуация была бы очень непривычной. Для Яны же лучше было быть среднего рода, чем

женского, но с артиклем «ди», который акустически изменял ее имя «Яна» на «Диана». Кроме этого Яна избавилась от надоевшего ей прозвища «Леди Ди».

Вот такие казусные ситуации могут происходить благодаря региональному использованию артикля в немецком языке.

Таким образом, артикль это не только средство выражения грамматических категорий рода, числа, падежа, детерминации имени существительного, но и средство выражения прагматических интенций последнего. Сознательное нарушение референтности имени собственного или перенесение регионального использования артикля в местности, где такое использование нетипично, ведет к активизации коммуникативно прагматического потенциала артикля либо приводит к коммуникативным неудачам. В свете лингвистической прагматики появление артикля перед именем собственным регламентируется коммуникативной, а не языковой нормой и является средством передачи субъективного отношения говорящего как положительного, так и отрицательного.

В связи с повышением интереса лингвистов к изучению функциональной стороны языка, их отношение к абсолютизации нормы становится менее категоричным. В лингвистических исследованиях, особенно в тех, где акцент делается на прагматическом аспекте языка, отмечается, что не только и не столько языковая норма регламентирует функционирование в речи той или иной единицы, сколько коммуникативная интенция говорящего субъекта. В лингвистику вошло понятие «системы норм», так как нет одной общей нормы, которая была бы одинаково приемлема для всех случаев общения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сергей, В.Н. Коммуникативная обусловленность артикля при имени существительном в позиции подлежащего в современном французском языке: дис... канд. филол. наук. 10.02.05 романские языки / В.Н.Сергей. Минск, 1989. 138 с.
2. Талецкая, Т.Н. Коммуникативная функция структурно незавершенных высказываний в современном французском языке: дис... канд. филол. наук. 10.02.05 романские языки / Т.Н.Талецкая. Минск, 1989. 154 с.
3. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В.Колшанский. М.: Наука, 1984. 175 с.
4. Почепцов, Г.Г. Язык и коммуникация: некоторые понятия / Г.Г.Почепцов // Текст как психолингвистическая реальность. М.: Наука, 1982. С. 3-7.
5. Darf man Vornamen mit einem Artikel paaren? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommunikationsabc.de/2012/11/13/darf-man-vornamen-mit-einem-artikel-paaren/>. Дата доступа: 22.03.2017.

6. Sick, B. Zwiebelfisch. Wenn der Timo mit der Leonie [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/kultur/zwiebelfisch/zwiebelfisch-wenn-der-timo-mit-der-leonie-a-623493.html>. Дата доступа: 10.03.2017.
7. Oelmann, S. Die Dinge des Lebens [Электронный ресурс] S. Oelmann, Режим доступа: www.n-tv.de. Дата доступа: 12.02.2017.
8. Studentin Gabi gesteht Kreissägen-Mord // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.n-tv.de. Дата доступа: 13.02.2017.
9. Kurt Tucholsky: *Werke, Briefe, Materialien* // [Электронный ресурс] К. Tucholsky. Режим доступа: www.digitale-bibliothek.de/band15.htm. Дата доступа: 10.03.2017.
10. Der Franz, der Beckenbauer und ein Beckenbauer Artikelgebrauch bei Eigennamen [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hypermedia.ids-mannheim.de/call/public/fragen.ansicht?v_id=34. Дата доступа: 15.03.2017.
11. Können Sie Kanzler, Herr Schulz? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://daserste.ndr.de/annewill/>. Дата доступа: 29.01.2017.

¹ Т. И. Татарина, ² К. А. Карпова

¹ кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

² студентка филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Средства массовой информации являются важнейшим орудием формирования и отражения общественного мнения, мировоззрения. В плане содержания и выражения они представляют собой сферу проявления публицистического стиля во всем многообразии его лексических, фразеологических, грамматических и стилистических ресурсов.

Публицистическому стилю присущи две основные функции, слитые воедино, информационная и воздействующая. Журналист сообщает о фактах и дает им оценку. Взаимодействие этих двух функций и определяет употребление слова в публицистике. По сравнению с другими функциональными стилями (кроме художественного и разговорно-бытового), доля средств и способов достижения экспрессивности

оказывается в публицистической речи в целом весьма высокой. Не случайно характеристику публицистического стиля обычно ограничивают описанием специфических экспрессивных средств.

Если функция **сообщения** обуславливает употребление нейтральной, общестилевой лексики, то функция **воздействия** (экспрессивная функция), важнейшая для газетно публицистического стиля, определяет острую потребность публицистики в выразительных средствах. Поэтому публицистика берет из литературного языка практически все средства, обладающие экспрессивностью. Важнейшим лингвистическим признаком газетно-публицистического стиля является тесное взаимодействие и взаимопроникновение выразительных, эмоционально воздействующих речевых средств и стандартных, широко употребляемых в данном стиле языка.

На основании двух ведущих функций публицистики Д.Э. Розенталь выделил следующие **отличительные черты** языка газеты:

1. Экономия языковых средств, лаконичность изложения при информативной насыщенности.
2. Отбор языковых средств с установкой на их доходчивость.
3. Наличие общественно-политической лексики и фразеологии, переосмысление лексики других стилей для целей публицистики.
4. Использование характерных для данного стиля речевых стереотипов, клише.
5. Жанровое разнообразие и связанное с этим разнообразие тематики.
6. Совмещение черт публицистического стиля с чертами других стилей, обусловленное разнообразием тематики жанров.
7. Использование изобразительно-выразительных средств [2, 41–43].

Данные черты создают выразительность газетной публицистики. Присущая газете ориентация на массового и многоликого читателя, безмерная широта и разнообразие тематики – все эти особенности газеты требуют броских, мгновенно воспринимаемых выразительных средств. Наиболее ярко это представляется в газетных заголовках.

Заголовок материалов в периодике – один из важнейших ее элементов. От его характера и оформления во многом зависит «лицо» издания. Заголовки помогают читателю ознакомиться с номером, быстро получить представление о содержании, выбрать главное и интересное, дать представление о теме. Эффективность газетного текста во многом определяется его заглавием, т.к. исследования психологов показывают, что около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание, прежде всего заголовкам.

Газетный заголовок представляет собой релевантный компонент газетной информации. Его основной целью является привлечение внимания читателя к наиболее важной и интересной части сообщения: заголовок, как правило, не раскрывает до конца содержание статьи, а лишь

стимулирует читателя ознакомиться с предложенным материалом. Таким образом, чтобы выполнить свое основное предназначение, то есть заинтересовать и даже заинтриговать читателя, заголовок должен быть максимально броским и запоминающимся. В качестве броских, обращающих читательское внимание газетных заголовков, широко используются фразеологические обороты как в их первоначальном виде, так и в измененных форматах.

В текстах современных СМИ различные преобразования фразеологизмов становятся излюбленным приемом. Возможность их трансформации вытекает из сохранения у фразеологизмов внутренней формы, т.е. их исходного, буквального смысла и относительной устойчивости. Преобразованиям могут быть подвергнуты как семантика, так и структура фразем. Трансформация семантики фразеологизмов позволяет авторам «реставрировать» в той или иной степени стершийся образ и приспособить обобщенный, метафорический смысл того или иного выражения к конкретным условиям контекста.

Все виды трансформации можно распределить по двум типам: **неаналитическую** (семантическую, смысловую) и **аналитическую**.

При семантической трансформации состав фразеологизма остается неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект. Например: «*Вам и не снилось*» заголовок статьи о снах [СБ. 14, 2016].

Выделяют два типа создания фразеологического образа путем семантических преобразований. Первый тип: в истоке образа фразеологизм, к которому приводится свободное сочетание (двуплановость фразеологизма). Второй путь создания образа – первичным оказывается свободное словосочетание (буквализация).

Нередко автор использует фразеологизм для выражения иронии по поводу происходящего или достижения комического эффекта, создавая фразеологический каламбур, подбирая контекст таким образом, что компоненты фраземы воспринимаются буквально. Например: «*Запретный плод*» статья об экзотическом фрукте, вызвавшем аллергию у местного населения [СБ. – 1, 2016].

В статье под заголовком «*Где раки зимуют*» речь пойдет не о том, как кого-то проучили, наказали, а о том, что на территории одной деревеньки расположился музей рыболовства, в числе экспонатов которого есть и раки [СБ № 118, 2016].

«*Прописная истина*» так озаглавлена статья о прописке. Благодаря буквальному пониманию компонента «*прописная*» теряется метафоричность и целостность единицы [СБ № 138, 20016].

Читая заголовок «*На птичьих правах*», читатель предполагает, что речь пойдет о ком-то, лишенном прав. Автор же повествует о птицах, число которых растет в городах. Прилагательное *птичьи* используется как

притяжательное, с помощью чего сочетание приобретает значение «права птиц», то есть буквальное значение [СБ № 29, 2017].

«*Ни пуха, ни пера!*» статья о некоторых изменениях, касающихся правил охоты [СБ. 207, 2016]. «*Мокрое дело*» рассказ об очередном факте затопления частной квартиры [СБ. – 200, 2016]. Ср. также: «*Мокрое место*» [СБ. 43, 2016] статья о насморке и его причинах.

Публикация о куклах-марионетках и кукловодах озаглавлена «*Ручная работа*» [СБ. – 18, 2016], что также связано с прямым значением данного сочетания, отражающего суть работы таких людей.

Заголовок «*Ни к селу, ни к городу*» [СБ. – 42, 2016] расположился над статьёй о непонятном положении деревень, которые расположены близко к большим городам. Их обустройство считается необязательным, поскольку рядом находится город. Но они не относятся ни к городу, ни к селу.

Обращает на себя внимание изменение пунктуационного оформления в заголовках типа «*Ни пуха, ни пера*», «*Ни к селу, ни к городу*»: в подобных **устойчивых** выражениях запятая не ставится.

«*Ларчик открывается*» [СБ. 48, 2016] трансформация известного выражения из басни И.А.Крылова [«*А ларчик просто открывался*»] употребляется автором в прямом значении, в повествовании об уличных ларьках, открытие которых снова стало возможным.

Ср. еще примеры: «*Скользкая тема*» [СБ. 34, 2017] данная статья повествует об опасностях, которые подстерегают людей при гололеде; «*Схватили за язык*» [СБ. 19, 2017] о наказуемости любого оскорбления. Подобные примеры заголовков иллюстрируют, как использование хотя бы одного из компонентов фразеологизма в прямом значении ведет к его разрушению и вместе с тем способствует привлечению внимания читателя.

Более сложным стилистическим приемом переосмысления фразеологизмов является использование их одновременно в двух значениях прямом и переносном. Нередко автор помогает читателю осознать фразеологический каламбур, подчёркивая, что словосочетание употреблено как в буквальном, так и в переносном, фигуральном смысле, komponуя соответствующий контекст.

При семантических преобразованиях одно и то же словосочетание воспринимается и как семантически цельное, неразложимое, устойчивое, и как свободное, семантически раскладывающееся. В лингвистической литературе встречаются разные термины, называющие подобное явление: «двуплановость устойчивого сочетания», «синтез двух значений», «разложение фразеологизма», «модификация фразеологизма», «актуализация внутренней формы фразеологизма». Мы считаем, что семантически преобразованные фразеологизмы есть не что иное, как фразеологические каламбуры.

Яркий прием создания фразеологического каламбура заключается в параллельном употреблении фраземы и свободного словосочетания, являющегося прототипом данного выражения.

«*Концы в воду*» фразеологизм, использованный в данном заголовке, понимается и в буквальном, и в фигуральном значении, т.к. данное сочетание обозначает «избавиться от улики, следов чего-либо, доказательств», а в статье речь идет о том, что преступники избавились от улики с помощью воды, то есть утопили труп убитого ими мужчины [СБ, 08.08.2016].

Еще один пример синтеза значений фразеологизма представлен в статье под названием «*Не по зубам*» [СБ. 23, 2016]. Автор рассказывает о двух боксерах, один из которых во время поединка укусил другого. Как показал результат боя, даже это не помогло ему победить, то есть соперник ему «не по зубам» как в прямом, так и в переносном смысле.

В разделе криминалистики ярким стал заголовок «*Топорная работа*». [СБ. – 173, 2016]. Буквальность значения определяется содержанием статьи: мужчина ворвался в магазин и с помощью топора разгромил витрины и ранил продавщицу.

В этом отношении интересен и заголовок «*Колесо жизни*» [АиФ. 18, 2016]. Буквальность значения здесь достигается за счет того, что повествуется в статье о женщине, прикованной к инвалидной коляске. Однако, несмотря на это, колесо ее жизни продолжает вертеться.

«*Пьем по-черному*» [СБ. – 4, 2017] – статья вовсе не о любителях злоупотреблять спиртными напитками, а о тех, кто увлекается другим, тоже не безвредным напитком, – кофе.

Аналитическая трансформация в той или иной степени вносит изменения в словесный состав фразеологизма. Она более разнообразна по своим приемам и может быть сведена к следующим типам: **синтаксической, лексической трансформации, контаминации, фразеологической паронимии, изменению количества компонентов.**

С целью актуализации фразеологизма автор может сокращать или расширять его состав. Редукция, или сокращение состава фразеологизма, обычно связана с его переосмыслением. Например: «*Не хочу учиться!*». Сочетание заимствовано из произведения Д.И. Фонвизина «Недоросль», где один из героев, малолетний Митрофанушка, заявляет: «*Не хочу учиться, а хочу жениться!*» Дети, о которых шла речь в статье, также не хотят учиться, но и жениться они не хотят, поэтому автор использует только первую часть выражения в качестве заголовка для статьи о детях из неблагополучных семей, которые считают учёбу в школе пустой тратой времени [СБ. 167, 2016].

Переосмысливается фразеологизм и в заголовке «*Кто старое помянет?..*» [СБ. – 167, 2016]. Причем из-за отсечения второй части пословицы смысл меняется на прямо противоположный. Статья посвящена человеку, занимающемуся обустройством музея-кладбища Первой мировой войны. И опять обращает на себя внимание изменение пунктуации.

Трансформация античного изречения «человек мера всех вещей» в заголовок «*Мера вещей*» [СБ. 101, 2016] привела к буквальному пониманию сочетания, так как рассказывается в статье об одежде.

«*Минск это звучит...*» [СБ. 13, 2017] усечение компонента «гордо», однако, не привело к искажению смысла – автор рассказывает об озеленении города, что, соответственно, положительно сказывается на его внешнем виде.

«*Мыльные бранятся...*» [СБ. – 2, 2017] – в отличие от предыдущего заголовка, опущенные компоненты «только тешатся» способствуют более точному раскрытию содержания статьи. Известный ведущий А. Малахов подрался на съемках программы «Пусть говорят».

«*Делу время*» [СБ. – 31, 2017] – усечение компонента «потехе час» привело к конкретизации темы данной статьи, где говорилось о развитии малого бизнеса, который способствует укреплению экономики страны.

Противоположным приемом является расширение состава фразеологизма. Например: «*Монетный проходной двор*» [СБ. – 117, 2016]. Состав фразеологизма за счет компонента *проходной* уточняется, так как материалом для статьи явился рассказ о служащем монетного двора в течение нескольких лет выносившем в ботинках монеты. За счет уточняющего слова расширяется и фразеологизм в заголовке «*Быть или не быть? Поручителем*» [СБ. – 134, 2016], что помогает раскрыть в нем содержание статьи.

Изменение состава фразеологизма – средство усиления экспрессивной окраски речи. Например: «*Мария Бутырская готова костью лечь за*» [СБ. 169, 2016].

В некоторых случаях введение дополнительных слов во фразеологические обороты придает им новые смысловые оттенки. «*Кануть в чистую Лету*» – эпитет *чистую*, расширяющий сочетание, используется для того, чтобы подчеркнуть, что в статье речь пойдет о проблемах экологии [АиФ. 21, 2017].

Ср.: «*Куда приводят смелые мечты*» – статья о лотереях и вероятности выигрыша [СБ. – 183, 2016]; «*Кто хочет тряхнуть стариной?*» [СБ. – 16, 2017] – статья повествует о реставрации старых домов.

Таким образом, изменение количественного состава компонентов фразеологизма способствует привлечению внимания читателей, вносит новые оттенки в семантику или служит для усиления экспрессивной окраски речи.

Кроме названных выше, часто используются синтаксическая и лексическая трансформация фразеологизмов. При синтаксической трансформации утвердительная конструкция может быть заменена отрицательной и наоборот: «*Провинции закон писан*» [СБ. 156, 2006], «*В товарищах согласие есть!*» [СБ. 136, 2016], «*Лес рубят щепки не*

летят» [СБ. 132, 2016]. Такая трансформация заголовков вызвана, прежде всего, содержанием статей.

Также может быть заменено повествовательное предложение вопросительным, с лексическими сдвигами или без них: «*Кто там в лодке, не считая собаки?*» [СБ. 102, 2016], «*Руки чешутся?*» [СБ. 144, 2016], «*Сколько ждут обещанного?*» [СБ. 40, 2016].

Статья о форуме в Интернете, на котором обсуждают плюсы и минусы пребывания белорусов в Москве, озаглавлена «*Где спорят о вкусах?*» [СБ. – 17, 2017]. (Ср. исконное «*О вкусах не спорят...*»).

Наибольшая выразительность достигается тогда, когда изменяется роль члена предложения: «*Дело – труба*» (ср.: «труба – дело») [СБ. – 21.12.2016]; «*Пиши – пропало*» (ср.: «пиши пропало») [СБ. – 148, 2016]; «*Сор – из избы!*» (ср.: «выносить сор из избы») [СБ. – 16, 2017]. Синтаксическая членимость исконных фразеологизмов, которые выступают в роли одного члена предложения, также являются средством экспрессивности.

Кроме того, при синтаксической трансформации может происходить замена видов синтаксической связи: «*Слово и воробей*» [СБ. – 202, 2016], «*Голод и тетка*» [СБ. – 180, 2016], «*Драки еще не было, а кулаками уже размахивают*» [СБ. – 131, 2016], «*Потом, но не кровью*» – статья о технике безопасности на рабочем месте [СБ. – 152, 2016], «*Бранятся, но не тешатся*» о постоянных беспорядках в Украине [СБ. 165, 2016], «*Бедность и порок*» о людях с высоким и низким достатком [СБ. 165, 2016]; «*Без страха, но с упреком*» [СБ. 53, 2016] статья о деятельности работников госконтроля, в частности, о борьбе с коррупцией.

Лексическая трансформация предусматривает манипуляцию с одним или несколькими элементами: происходит замена компонента фразеологизма. В одних случаях такая замена имеет прямой смысл: «*Вопрос зерном*» [СБ. 167, 2016], «*Цветы по осени купают*» [СБ. 172, 2016]. В других подобная замена сопровождается эффектом аллюзии (намек, ассоциации): «*Не все, что красное, икра*» [СБ. 19, 2016], «*По ком звонит мобильник?*» [СБ. – 169, 2016].

В современных печатных изданиях лексическая трансформация получила особенно широкое распространение. Приведем лишь некоторые из многочисленных примеров: «*Век живи – век лечись*» – о таком способе альтернативной медицины, с использованием сильно разведенных препаратов, который предположительно вызывает у здоровых людей симптомы болезни [СБ. – 29, 2017]; «*Свежо питание, да верится с трудом...*» – о продуктах питания и сроках их реализации [СБ. – 128, 2016]; «*Берегите кость смолоду*» – о детском травматизме [СБ. – 199, 2016]. «*Бедное солнце пустыни*» – о событиях на Ближнем Востоке [СБ. 122, 2016].

Интересно выглядит заголовок «*Один в банке не доллар*» [АиФ № 20, 2017]. Автор одновременно и иронизирует, и констатирует факт.

«*Таблетка раздора*» причиной споров стал отечественный аспирин, замененный, по непонятным для населения соображениям, импортным [СБ. 171, 2016].

В этом отношении любопытны и следующие заголовки, являющиеся преобразованием одного и того же выражения: «*Утомленные местью*» [СБ. 192, 2016], «*Разоренные солнцем*» [СБ. 136, 2016], «*Унесенные метром*» [СБ. 33, 2017]. Замена разных компонентов по-разному отражается на значении сочетания.

Примерами лексической трансформации также являются заголовки: «*Скоро сказка сказывается, да не скоро снимается*» – о темпах съемки фильмов и мультфильмов [СБ. – 192, 2016]; «*Галка среднего полета*» [СБ. – 86, 2016], «*Удочка есть, учитеесь и рыбу ловить*» [СБ. – 9, 2017]; «*Дамоклов кирпич*» [СБ от 23.11.2016]; «*Без еды виноватые*» – статья о диетах и их последствиях [СБ. – 39, 2016]; «*Оцифровать, нельзя оставить*» – перефразированное выражение «*Казнить нельзя помиловать*» [СБ. – 12, 2017]; «*Старый уют лучше новых двух*» – об использовании и переработке испорченной техники [СБ. – 196, 2016]; «*Модерн спасет мир!*» – об архитектурных тенденциях [СБ. – 13, 2017]; «*Дождем до понедельника*» [СБ. – 24, 2017] – о школьном питании; «*Ход рублем*» [СБ. – 37, 2017] – о некоторых изменениях условий на право получения льготного кредита; «*Не сыть мне сахар в масло*» [СБ. – 30, 2017] – интересный заголовок, повествующий о вреде сахара в продуктах питания, начальный же фразеологизм звучит так: «*Не сыпь мне соль на рану*».

Заголовок «*Место под землей*» [СБ. 53, 2016]. Замена компонента «под солнцем» обусловлена содержанием статьи – речь идет о нехватке работников метро, которое, как известно, и находится под землей.

В статье «*Песок сквозь пальцы*» [СБ. 15, 2017] поднята тема строительства и использовании песка в данном виде деятельности.

Такая трансформация устойчивых сочетаний, с одной стороны, сохраняет образность, а с другой вносит новые оттенки в смысл фразеологизма. Как отмечалось, этот тип трансформации достаточно ярко представлен в текстах заголовков и является одним из самых действенных способов концентрации внимания читателя на статье.

Широко представлена **контаминация** фразеологизмов. Под контаминацией принято понимать соединение в новом выражении частей разных, но близких по смыслу фразеологизмов. Обычной иллюстрацией контаминации бывает речевая ошибка: «*Это играло решающее значение*» (*играть роль и иметь значение*). Но контаминация может быть и ярким экспрессивным приемом. Существует два вида контаминации:

1. Линейное соединение, когда два фразеологизма следуют один за другим: «*Они битый час переливали из пустого в порожнее*».

2. Скрещивание двух и более фразеологизмов с общим компонентом: «*Стреляного воробья на мякине не проведешь*» – общий элемент *воробей*.

Такое скрещивание фразеологизмов возвращает составляющим их словам первоначальное лексическое значение и в то же время проецирует на него дополнительное, образное, придавая особую семантическую емкость и экспрессивность авторскому фразеологизму, подчиняя его более глубокому выражению содержания. Так журналисты не только увеличивают выразительность фразеологизмов, но и углубляют их смысл. «*Ручная работа – одной левой*» [СБ. – 19, 2017] – контаминация, в данном случае линейная, конкретизирует содержание статьи. Повествование ведется о боксерах. Эффект усиливается и тем, что первый компонент употреблен в прямом значении работа руками.

Особой фантазией отличился автор заголовка «*Мертвые души живые деньги*» [СБ. 48, 2016]. Соединение двух выражений, основанных на антонимическом противопоставлении, стало ярким заголовком статьи о мошенниках, незаконно использующих имена известных людей в коммерческих целях.

Таким образом, рассмотрев различные типы изменений фразеологических единиц, можно констатировать актуальность данного процесса в современных средствах массовой информации. Особенно это проявляется в заголовках и заголовочных комплексах, призванных привлечь внимание читателей к статье, используя свежие и заменяющие привычные фразеологизмы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Быкова, О.Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации / О.Н.Быкова, Г.А. Копнина // Речевое манипулирование. – М.: Флинта, 2008. – С.124–129.
2. Розенталь, Д.Э. Стилистика газетных жанров / Д.Э. Розенталь. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 315 с
3. Периодические издания «СБ» и «АиФ» за период 2016–2017 гг.

¹ N.N. Fedorova, ² A. I. Yuchko

¹ candidate of philological sciences, docent, Associate Professor of the Chair of English and methods of teaching foreign languages of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Republic of Belarus)

² A fifth – year student of Philological faculty of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Republic of Belarus)

SPEECH ACTS IN A PEDAGOGICAL CONTEXT

Any type of communication depends on a number of factors which can be of primary importance for communication to be successful. Some of them are

connected with peculiarities of the context in which communication occurs and the type of discourse used. Communication that takes place during the process of education is to a certain extent limited by space parameters (an educational institution), the accepted type of relations between the interlocutors and a set of definite aims for their interaction. These factors allow to describe the type of speech activity as an institutional discourse as it is conditioned by the aim of communication and the characteristics of the participants of a communicative situation involved in the interaction [1].

Within the framework of anthropological linguistics the speaker is placed in the center of attention of linguistic studies that view language as an integral part of culture. Anthropologists never considered language in isolation from social life. P. Trudgill pointed out that “our speech generally shows ... what sort of background we have. We may even give some indication of certain of our ideas and attitudes, and all of this information can be used by the people we are speaking with to help them formulate an opinion about us.” [2, 42]. So another group of factors influencing communication is the characteristics of interlocutors connected with their descriptions as members of society belonging to the same or different social groups.

The parameters that are important for appropriate verbal behavior are essentially conditioned by the social roles the interlocutors perform as well as their status within the school system. Analyzing the type of context related to the sphere of education makes obvious that the positional role of a teacher presupposes numerous relations to maintain. They involve the following models of communication: Teacher – pupil(s), Teacher – Teacher, Teacher – school authorities, etc. So a teacher appears to be the central figure in communication in a pedagogical context. Each communicative model demands a necessary type of verbal behavior and observance of a certain communicative distance and other factors typical of a type of communicative situation.

Within the model ‘Teacher – pupil(s)’ teacher’s verbal behavior is greatly conditioned by the tasks set before him. They are connected with the functions a teacher performs in the educational process and include:

- passing information related to a certain sphere of knowledge,
- motivating pupils to acquire this information,
- developing not only their intellect, but their character as well, and
- creating favorable relations within a class, etc.

Realization of such tasks is possible if a teacher is able to influence his audience with the help of carefully chosen communicative strategies that involve adequate speech behavior.

In the process of communication interlocutors generate purposeful units known as speech acts. As any linguistic units they undergo the process of classification according to different principles. One of them is the purpose which the speaker wants to achieve using a particular speech act. This view enabled the linguists to create the semantic classification of speech acts. As J. Searle pointed

out some of the English verbs: state, assert, warn, comment, command, request, apologize, approve, promise and others are associated with the corresponding type of speech acts [3, 28]. Following this approach we come to the notion that the number of speech acts is difficult to register as it is equal to the number of communicative situations centered on a certain aim pursued by the speaker. The analysis of the situations that are created in educational institutions allow the use of most of the acts even in a quite formal context 'Teacher – pupil(s)'. But some of them appear to be more frequent.

The teacher's position of authority in the classroom that is aimed at organizing the learning process presupposes the type of communication which is devoid of ambiguity, short and precise. The type of speech acts that conforms to these demands is declarative, i.e. imperative by nature. The declaratives can be classified into prescriptive, requestive and suggestive. Each type is characterized by a set of features connected with the roles of a speaker and his listener in the relations conditioned by the situation in which a speech act is used.

Prescriptive speech acts underline the leading role of the speaker who dominates the situation and is entitled to prescribe, order his listener / addressee who is expected to obey, so they include orders, instructions, prohibitions, etc. Requestive speech acts view the priority of the listener / addressee who is not obliged to do what he is asked by the speaker. Any request or invitation can be accepted or rejected by him. The use of suggestive speech acts points to the active role of the speaker, whose intention is to influence his listener / addressee for his benefit, but it is up to the listener / addressee to follow the advice, or suggestion or warning [4, 277].

The analysis of the verbal behavior in the situations 'Teacher – pupil(s)' reveals the extensive use of the prescriptive speech acts. The most conventional way of expressing orders, instructions in the classroom is the imperative mood forms of the verb. The imperative structures imply the obligatory nature of the prescribed actions, underline the subordinative relations and a long distance between the interlocutors. The listener / addressee depending on the situations can be either collective (all or some pupils of the class) or individual (a particular pupil).

Prescriptive speech acts addressed to a collective addressee normally express instructions given by a teacher or the tasks from a textbook: *Sit down. Open your books at page 12. Read the task of exercise 2. Write down your home task.* "Kindly **open** your Carty's Irish History, page fourteen," he roared [5; 82]. *Answer the questions to the text. Role – play the dialogue.*

Such instructions are aimed at organizing various activities at the lesson which involve all pupils present at the lesson.

Prescriptive speech acts of this type may contain the modal verbs expressing obligation.

Each girl is to take out her composition book and write one full page about Advent . And there shall be no blots, and no big spaces between words [5; 94 95].

In addressing an individual pupil prescriptive speech acts the speaker may or may not use a direct address. The use of a direct address implies the fulfillment of the action by a particular pupil. The form of address which is employed may affect the distance between the participants of the situation and the created psychological atmosphere. It may range from neutral when a teacher refers to a pupil's by his / her name:

*Come and sit down, **Mary**.*

*Answer my question, **Mike**.*

to familiar when colloquial expressions are used:

*Never mind, **my dear**. Take your time.*

or to formal if the pupil is addressed by the full name and the surname or if the teacher uses other formal ways of address:

***Jacob Faithfull**, come here.*

*“Answer my question, **sir**. Are you or are you not a disciple of Saint Patrick?” [6, 27].*

The use of a direct address in the colloquial way minimizes the communicative distance and makes the atmosphere more friendly than the traditional. The formal address enlarges the distance, formalizes the atmosphere. The formal *sir* addressed to a little boy sounds ironic and makes the psychological atmosphere still worse.

The absence of a direct address in prescriptive speech acts is predetermined by the situation. In such cases the use of a direct address may be made unnecessary because of the non-linguistic means: gestures, eye contact, the position of a pupil in the classroom, a pupil's activity or behavior that makes him the centre of attention, etc.

*“It may be interesting for you to know that I taught your mother. Now it seems to me that I wasted my time. **Sit over there**” [6, 27].*

Read louder.

Retell the text.

Correct your mistake.

Behave yourself.

In the above situations different ways of arranging prescriptive speech acts are employed so as to conform to the aims of communication in each particular case. Most examples demonstrate the neutral character of the situations predetermined by the established roles of the interlocutors in the educational system in which a teacher is meant to occupy a domineering position.

But the recent decades the role of a teacher in the classroom has considerably changed. From the role of a transmitter of knowledge he has

moved to the role of a mediator who motivates and encourages his pupils to make use of different sources of information so as to achieve the aim of self – education. Moreover, he displays interest in the development of a pupil’s personality, worries about his pupils’ future, and tries to be their friend. This results in modifying verbal behavior and changing the communicative distance.

MR. CLARK: T-Shawn! Look, don’t do this! Hey! I know you have two strikes. You walk out now they expel you for sure. Just get back in there.

T-SHAWN: Why?

MR. CLARK: Because I would miss your glowing personality. Mr. Turner doesn’t need to know anything about this. Just give yourself another chance...

The given situation from the film “The Ron Clark Story” serves to illustrate the teacher’s verbal behavior which demonstrates the use of imperatives but their nature is more suggestive than prescriptive. The teacher tries to persuade his pupil to continue studies at school and his imperatives sound as friendly advice and display his emotional involvement in his pupil’s life.

P. Trudgill underlined that from the social point of view the two aspects of language behavior are of great importance: “... first, the function of language in establishing relationships; and, second, the role played by language in conveying information about the speaker” [2, 42].

In all analysed cases that involve the use of the declarative speech acts they serve a definite aim of communication, and enable to describe the relations that exist between the interlocutors, the situational psychological atmosphere, and the communicative distance that separates them.

LIST OF LITERATURE

1. Карасик, В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000 г. С. 37–64.
2. Trudgill, P. Sociolinguistics / P. Trudgill // Tokareva, I.I. Directions in communicative linguistics / I.I. Tokareva. Minsk: MSLU, 1997. P. 42
3. Searle, J. What is a speech act? / J. Searle // Tokareva, I.I. Directions in communicative linguistics / I.I. Tokareva. Minsk: MSLU, 1997. P. 28
4. Ivanova I.P. Teoretical grammar of the English language / I.P. Ivanova, V.V. Burlakova, G.G. Pocheptsov. М.: Vyssh. shkola, 1981. 288 p.
5. Binchy, M. The Glass Lake / M. Binchy. Orion Books Ltd, 1995. 692 p.
6. Kronin, A. the Green Years / A. Kronin. Mn.: Belarus, 1994. 128 p.

О. Г. Яблонская

аспирант кафедры русской и белорусской филологии МГПУ
им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

**АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЙ
ЗООНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(на материале художественных произведений XX–XXI вв.)**

Текст как предмет изучения рассматривается с разных точек зрения, в зависимости от которых на первый план выходят те или иные текстовые элементы, свойства или характеристики. Актуальными на сегодняшний день являются вопросы теории текста, его композиции, организации структурных элементов и их функционирование.

Н. С. Болотнова отмечает, что композиция художественного текста это «построение произведения, определяющее его целостность, завершенность и единство» [1, 45]. Автор разграничивает внешнюю и внутреннюю композиции. Первая, архитектоника, помогает активизировать внимание читателя; вторая, семантическая композиция, важна для интерпретации текста. В. А. Лукин использует термин «семантическая структура произведения», под которой понимает «множество текстовых знаков, нелинейно организованное и упорядоченное их семантическими связями» [2, 83]. Т. е. восприятие и осмысление художественного произведения происходит за счет определенных элементов текста, которые рассматриваются учеными как «семантический ряд (цепочка)» (Н. С. Болотнова), «ключевой знак» (В. А. Лукин), «опорный элемент» (В. В. Одинцов), «ключевой ряд» (О. И. Ревуцкий). Как отмечает В. А. Лукин, все эти термины «обозначают такие части текста, которые в первую очередь служат для его понимания» [2, с. 84]

Ключевые знаки соотносятся с понятием «сильная позиция» текста. Одной из первых подчеркнула и рассмотрела значимые структурные элементы текста И. В. Арнольд и отнесла к сильным позициям заглавие, эпиграф, начало и конец художественного произведения. Автор разработала теорию «заполнения и функционирования сильных позиций с опорой на данные психологии» и отметила, что «выделение сильных позиций как опорных точек лежит в основе творческой активности читателя» [3, 225–230]. Сильные позиции как универсальное средство создания и анализа главного смысла текста представлены в работах Н. А. Николиной, И. Г. Кошевой, В. А. Кухаренко, О. И. Ревуцкого, В. А. Лукина и др. Эти позиции являются ключевыми в формировании главных образов произведения и его сюжетной линии.

Одним из выразительных средств, способствующих созданию завершенного художественного образа, являются зоонимические

фразеологические единицы (ЗФЕ). В данной статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом-зоонимом с точки зрения их расположения и функционирования в разных позициях текста. Как элементы художественного текста ЗФЕ способствуют формированию духовной и культурной компетенции читателя. Такое воздействие фразеологизмов зависит от нескольких факторов, немаловажным является их положения в тексте.

Подробнее других в научной литературе освещен такой компонент текста, как заглавие. О.И. Ревуцкий отмечает, что «в ключевые ряды органично вписываются заглавия, которые выполняют в тексте особую функцию, указывающую на доминирующую роль называемой ими темы и/или ремы» [4, 75], т. е. заглавие является одной из важных опор структурно смыслового анализа.

Например, в рассказе «Под мухой» М.А. Булгакова отдельно взятое заглавие предполагает повествование о действиях какого-то человека в нетрезвом состоянии, навеселе, в легкой степени опьянения. Сам фразеологизм больше не встречается в тексте, однако его образ вырисовывается и осмысливается в содержании произведения благодаря языковым средствам, относящимся к обозначенному идейно-тематическому полю: *Рюмкин, качнулся, начал икать, пьяный, напился*, т. д. Ключевые слова фокусируют внимание на главной идее произведения, способствуют его стилизации (создают задуманную автором культурную и социальную среду, характерную для того времени). Одновременно наблюдается приращение смысла к значению ЗФЕ названия: злоупотребление спиртным характерно для многих мелких чиновников, чье неподобающее поведение позорит самого человека и организацию, которую он представляет. Описание отвратительности качеств и действий главного персонажа выступает в качестве социальной оценки происходящего автором.

Рассмотрим еще одну композиционную позицию фразеологизма, которая влияет на формирование окончательной оценки читателем всего произведения, — конец текста. Как правило, в концовке чаще всего выражается впечатление о произведении в целом или об описываемых событиях и людях в частности, поэтому эта позиция также считается сильной. Ярким примером является произведение «Уха из золотой рыбки» Д. Донцовой. Заглавие вызывает следующие ассоциации: чрезмерная, навязанная кем-то удача, которая оказывается лишь иллюзией (наблюдается контаминация двух ФЕ: *Демьянова уха* **настоячиво предлагаемое благодаяние, навязчивость**; *золотая рыбка* призрачная, мнимая удача). Название дублируется и обыгрывается в конце романа несколько раз: «*Попадется им в сеть золотая рыбка, так они ее сразу сварят*», «*Кольцо в бокале, уха из золотой рыбки*» [5]. В данном контексте имеются в виду мужья, замужество в целом. Муж — это призрачная, мнимая удача для героини романа, семейная жизнь — обстоятельство,

которое есть, но в котором уже не хочется находиться. В этой сюжетной линии, а также во многих других, которые приводят к браку, смерти или тюрьме, все предшествующие события оказываются обманчивой удачей для литературных героев. Такое завершение романа оставляет в сознании читателя именно эту идею и способствует ее дальнейшему осмыслению уже самостоятельно.

Следует обратить внимание на то, что такой подробный анализ трансформированного фразеологизма возможен лишь при наличии соответствующих знаний значений фразеологизмов у читателя. Такие знания в научной литературе называются пресуппозицией. «Пресуппозиция это компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст» [6].

ЗФЕ в структуре текста всегда вызывают в сознании реципиента информацию внеязыкового плана, т. е. фоновые знания. Ученые выделяют общечеловеческие, региональные, культурные знания (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин), социальные и профессиональные (И. Я. Чернухина), социальные, индивидуальные, коллективные (В. Я. Шабес), житейские, донаучные, научные, литературно-художественные (Н. С. Валгина). На основе индивидуальных знаний строится подтекст художественного произведения. Используя определенный зоонимический фразеологизм автор предполагает, что читатель обладает необходимым знанием, позволяющим декодировать его идею.

Например, рассказ Егорова «Собачья жизнь» повествует о тяжелой жизни главного героя, что в целом, соответствует узуальному значению фразеологизма (*собачья жизнь* – тяжелая). Рассказ Булгакова с таким же омонимичным названием повествует о благополучной жизни реальной собаки. В этом случае заглавие воспринимается как обычное словосочетание. Однако, если читателю знаком этот фразеологизм, после прочтения произведения появляется подтекст на основе контраста значения ЗФЕ *собачья жизнь* и всего содержания текста. Буквализированное выражение-заглавие опять воспринимается в значении фразеологизма, но в отношении не упомянутых в тексте людей.

ЗФЕ является актуализатором подтекстовой информации в сильных позициях. В слабых позициях такие фразеологизмы являются дополнительными элементами, т. е. используются в качестве синонимов идеи фрагмента текста, пояснения или усиления значения: «И без вас не сладко. *Собачья жизнь*, сумасшедший дом. Все время меж двух огней, никакого выхода» (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго) [5]. В данном примере фразеологизм выполняет характеризующую, резюмирующую, эмоционально-образную и оценочную функции, однако его значение обусловлено контекстным окружением и никакого подтекста рассматриваемая единица не вызывает.

Еще один пример: «Тот был уже слегка *под мухой* и светился зеленым добрым взглядом, любя весь мир» (Владимир Личутин) [5]. Фразеологизм выполняет характеризующую функцию и вместе со словосочетанием «светился зеленым добрым взглядом» составляет один тематический ряд. Контекстуальное значение соответствует узуальному, отсутствие подтекста коррелирует со слабой позицией ЗФЕ.

Интерес для анализа представляет рассказ Н. Тэффи «Когда рак свистнул». Взяв за основу положения, рассмотренные О. И. Ревуцким в работе «Филологический анализ художественного текста» [4], исследуем текстовые позиции и роль зоонимических фразеологизмов в этом произведении. Данное произведение выбрано нами не случайно, т. к. все повествование построено на буквализации значения фразеологизма, а сама ЗФЕ в словарном и трансформируемом варианте употребляется в небольшом по объему рассказе более 15 раз, что позволяет рассмотреть ее роль в сильных и слабых позициях, а также проанализировать ее влияние на формирование подтекста.

Словарный вариант фразеологизма *когда рак на горе свистнет* когда-нибудь, в неопределенном будущем. Индивидуально-авторское преобразование узуальной ЗФЕ приводит к появлению окказионального трансформанта с новой формой и новым значением. Такие изменения фразеологизма еще на этапе знакомства с заглавием создают интригу и являются стимулом для прочтения всего рассказа.

В рамках структурно-смыслового анализа данное ЗФЕ-заглавие квалифицируется как тематическое, т. к. указывает на одного из участников рассказа, вместе с тем оно участвует в создании художественного времени, что позволяет рассматривать его значение и как рематическое. Тема анализируемого произведения определяется на основе сжатия смыслового содержания текста: человеческие желания и их последствия; рема текста, т. е. то, что говорится о теме, следующая: человек не готов к осуществлению своих желаний, т. к. его природа жестока, может привести к уничтожению других людей.

Образный характер заглавия коррелирует с образным раскрытием всей авторской идеи. Ретроспективно заглавие тесно связано со смысловым ядром всего рассказа на основе следующих ключевых слов и выражений: *удовольствия никакого; когда рак свистнет; как бы так сделать, чтобы рак поскорее свистнул; коли свистнет, так все и исполнится, чего хочешь; рачий свист; символ невозможности; степень счастья человеческого; исполнится самое горячее желание; никто не смог не хотел увидеть звена сковывавшей всех цепи; жуткая ночь сменила кошмарный вечер; вспоминали собственные черные желания и ждали исполнения над собою чужих желаний; люди гибли как мухи; человечество быстрыми шагами шло к гибели; рак сдох; свистнувший экземпляр рака;*

не просыпайся. Очевидно, что фразеологизм и его производные проходят через весь текст и характеризуются высокой степенью распространения в нем. Этот факт влияет на характер локализации рассматриваемых слов в сильных и слабых позициях, что также влияет на их функционирование как тематических (Т) или рематических (Р) элементов в структуре текста.

Нам видится, что смысловую структуру произведения можно представить в виде тема-рематических единств следующим образом: праздник закончился (Т) никакого удовольствия (Р), отец пришлет подарок (= люди счастливы) (Т) когда рак свистнет (= никогда) (Р), как сделать так, чтобы рак свистнул (Т) люди проводят жизни в поиске решения проблемы (Р), рак свистит (Т) результат страшный (Р), ракдохнет (Т) – все рады (Р).

Сильные позиции ЗФЕ помогают понять скрытое за образом содержание. Название и начало текста выявляют его «логический стержень», который проявляется при раскрытии образной структуры рассказа. Скрытый параллельный смысл повествования является подтемой – люди жестоки по своей природе и не осознают последствий своих «самых горячих желаний», возможно, когда-нибудь, в далеком будущем что-нибудь изменится. Буквализация фразеологизма способствует созданию авторской иронии.

Свист рака приобретает символическое значение: это то, чего все хотят достигнуть, чтобы быть счастливыми, но никто не задумывается, что будет дальше, будут ли счастливы другие.

В конце рассказа используется трансформированный фразеологизм, характеризующийся субстантивными и атрибутивными свойствами: «Здесь покоится *свистнувший экземпляр рака*... Не просыпайся!» Самая последняя фраза контрастирует с содержанием всего текста, в то же время усиливает подтекст и значение узуального фразеологизма, используемого для характеристики и оценки всей идеи произведения: бойтесь своих желаний.

Роль зоонимического фразеологизма *когда рак свистнет* в анализируемом тексте можно представить следующим образом. Сильные позиции: заглавие не только вводит главный образ, но и предполагает невероятность описываемых событий (благодаря трансформации); начало произведения фокусирует внимание на мысли «никогда» (фразеологизм употребляется два раза подряд, т. е. акцентирует внимание на этой идее); в конце текста выражается авторская позиция. Слабые позиции: фразеологическая единица распадается на составляющие ее компоненты, которые превращаются в обычные элементы структуры текста, выполняющие свои прямые функции (номинативную, характеризующую,

т. д.) Только после прочтения всего текста и при условии наличия фоновых знаний проявляется подтекст произведения.

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом широко используются в сильных и слабых позициях в художественных текстах XX-XXI веков. Сильные позиции ЗФЕ способствуют созданию подтекста произведения, однако важным условием его появления является пресуппозиция. В слабых позициях ЗФЕ отражают эмоции героев, являются средством их дополнительной характеристики (физической, интеллектуальной, социальной, т. п.) Умение декодировать художественный текст способствует эстетическому воспитанию человека, умение разгадывать контекстуальный смысл ЗФЕ приобщает к национальной культуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.
2. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа : учеб. для филол. спец. вузов / В. А. Лукин. – М. : Изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с.
3. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд ; науч. ред. Н. Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 444 с.
4. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. Минск : РИВШ, 2006. 320 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. Дата доступа: 21.02.2017.
6. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. М. : Логос, 2003. 250 с.

РАЗДЕЛ III

МЕТОДИКО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. В. Исмаилова

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики
и психологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ УЧИТЕЛЯ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Профессиональная компетентность педагога определяется не только наличием системы знаний и умений, но и ценностными ориентациями, профессиональными позициями, приобщенностью к мировой и национальной культуре. Действующие образовательные стандарты высшего педагогического образования предусматривают формирование у студентов в процессе подготовки социально-профессиональной, практико-ориентированной компетентности, позволяющей сочетать академические, социально-личностные, профессиональные компетенции [1].

В современных условиях традиционные функции профессиональной педагогической деятельности усложняются и наполняются новым содержанием. Интеграционные процессы в образовательной сфере, расширение границ межкультурных коммуникаций, развитие педагогики многообразия, академической мобильности предъявляют новые требования к компетенциям и компетентности выпускника УВО. Современный педагог должен не только сам уметь работать с разными категориями детей, взаимодействовать в поликультурной среде, но и быть готовым осуществлять поликультурное воспитание учащихся. В связи с этим при разработке образовательных стандартов нового поколения, на наш взгляд, целесообразно пересмотреть требования к компетенциям специалиста с учетом тенденций современной образовательной политики.

Проблема формирования поликультурной личности не является новой. Различные аспекты влияния культуры на развитие учащихся, учета национальных и общечеловеческих ценностей в процессе воспитания, толерантного отношения к другим национальным культурам рассмотрены в трудах Я.А. Коменского, К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева, В.Н. Сороки-Росинского, М.М. Бахтина, В.С. Библера и др. В педагогической теории и практике советского периода активно разрабатывались вопросы интернационального воспитания, принципы и содержание которого во

многим совпадают с гуманистическими ценностями поликультурного образования: воспитание культуры межнационального общения, терпимости к национальным особенностям других людей, уважения к культурным ценностям разных народов и национальностей.

Как интернациональное, так и поликультурное воспитание предусматривают формирование готовности к межнациональному и межэтническому взаимодействию, способности противостоять проявлениям дискриминации, национализма, расизма. В то же время их не следует отождествлять. Так, по утверждению А.Н. Джурицкого, поликультурное воспитание, в отличие от интернационального, предусматривает освоение культурно-образовательных ценностей, взаимодействие различных культур в плюралистической культурной среде, адаптацию к иным культурным ценностям; более важным здесь является учет этнических и национальных особенностей [2]. Процесс социализации личности обусловлен, как известно, влиянием многих факторов, в том числе и этнокультурных условий. Однако, как справедливо отмечает В.А. Слестенко, до недавнего времени действие этнических традиций «считалось чуть ли не запретной темой, а сама личность трактовалась в рамках социума, за пределами этноса» [3, 8].

Подготовка учащейся молодежи к межкультурному взаимодействию, формирование поликультурной компетентности, умения жить в поликультурном мире, противостоять политическому и религиозному экстремизму определяется в качестве одного из приоритетных направлений воспитания в Республике Беларусь.

Формирование поликультурной компетентности следует рассматривать, на наш взгляд, как неотъемлемую часть поликультурного воспитания студентов и перспективное направление подготовки педагогов. Нельзя не согласиться с Г.Д. Дмитриевым в том, что именно будущим учителям, особенно важно «уметь работать с различными в культурном отношении людьми, правильно понимать человеческое различие, быть толерантными к ним, уметь утверждать своими личными делами и словами культурный плюрализм в обществе» [4, 116].

Следует отметить, что, несмотря на все возрастающие требования к подготовке педагога, изменившиеся рамки профессиональной деятельности, проблема формирования поликультурной компетентности будущего учителя остается недостаточно разработанной. Большинство имеющихся исследований посвящено поликультурной подготовке студентов в процессе изучения иностранных языков. Безусловно, содержание образования и технологии обучения иностранным языкам обладают значительным потенциалом для решения задач поликультурного воспитания. Однако практика показывает, что языковой барьер зачастую не является единственным фактором, снижающим эффективность межкультурных, межэтнических, межконфессиональных коммуникаций. Необходимы знания истории, норм и традиций другой культуры,

ценностное отношение к ним, определенные личностные качества, позволяющие обеспечить результативную деятельность в условиях педагогики многообразия. Следовательно, эту проблему надо рассматривать значительно шире, в контексте подготовки будущего учителя (независимо от профиля подготовки или специализации) к реализации профессиональных функций.

В психолого-педагогических исследованиях присутствуют различные подходы к определению сущности и структуры профессиональной компетентности. Под компетентностью понимается единство теоретической и практической готовности к выполнению педагогической деятельности (Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, Н.Ф. Талызина); интегрированная характеристика качеств личности, результат подготовки выпускника вуза к деятельности в определенных областях (Ф.В. Фролов, Д.А. Махотин); мера соответствия знаний, умений и опыта реальному уровню решаемых профессиональных задач (С.М. Вишнякова); индивидуальная характеристика степени соответствия требованиям профессии (А.К. Маркова).

В работах, посвященных психологическим аспектам межкультурных отношений, выделяются следующие составляющие профессионализма: этносоциальная компетентность, готовность к преодолению трудностей во взаимодействии с представителями других культур, адаптационные возможности во взаимоотношениях с людьми других национальностей, культура межнационального общения. При этом особое внимание уделяется развитию личностных качеств специалиста [5, 173–182].

Вышеизложенное позволяет рассматривать поликультурную компетентность педагога как интегральную профессионально-личностную характеристику, представляющую единство ценностного отношения, теоретической и практической готовности к деятельности в поликультурной образовательной среде. Рассматриваемая компетентность, таким образом, предполагает не только наличие системы определенных знаний и умений, необходимых для жизни и деятельности в поликультурном обществе, но и способности применять их в соответствии с собственными ценностными ориентирами, установками, профессиональной позицией. В связи с этим в структуре названной компетентности выделяются следующие компоненты: ценностно-ориентационный, когнитивный, деятельностный.

Интерес к деятельности, отношение к ней, потребности и ориентации определяют степень активности студентов в овладении знаниями, умениями и навыками и в конечном итоге влияют на формирование личности специалиста. В связи с этим ценностно-ориентационный компонент рассматривается нами как системообразующий, базисный. Он определяет ценностные ориентации, личностные позиции, отношение к межкультурному взаимодействию, отражает сущностные личностно-профессиональные характеристики и качества специалиста. К таким

качествам и свойствам личности педагога относятся социальная активность, гуманность, толерантность, миролюбие, личностная предрасположенность к межкультурному взаимодействию, доброжелательность, эмпатия, мобильность. При изучении уровня сформированности данного компонента оцениваются мотивы и потребности, отношение и активность студентов в процессе их участия в деловых, имитационных играх, тренингах, в решении педагогических задач и ситуаций, в различных мероприятиях и проектах. Показатели сформированности данного компонента это готовность к межкультурной коммуникации, степень выраженности мотивов, проявления целевых установок, личностных качеств.

Когнитивный компонент характеризуется наличием системы методологических, теоретических и методических знаний о поликультурности мира, особенностях современных субкультур, закономерностях и принципах межкультурного взаимодействия, содержании поликультурного воспитания, возрастных, гендерных, культурных различиях участников педагогического взаимодействия. Показателем его сформированности выступает полнота и осознанность знаний, выраженная способность к творческому их применению.

Деятельностный компонент представлен сформированностью системы профессионально-педагогических умений, необходимых для успешной реализации профессиональных функций в поликультурной образовательной среде: организации конструктивного общения с различными категориями учащихся и их родителями, регулирования межличностных отношений, содействия продуктивному разрешению межкультурных конфликтов. Уровень сформированности профессиональных умений оценивается по качеству выполнения заданий, активности студентов, динамичности и адекватности установления контакта в реальных и моделируемых ситуациях межкультурного взаимодействия.

Как было отмечено выше, поликультурная компетентность является интегративным качеством личности. В связи с этим работа по ее формированию должна осуществляться комплексно, на нескольких уровнях: мотивационном, когнитивном, эмоциональном; в учебном процессе и внеаудиторной воспитательной деятельности. Развитие поликультурной компетентности – процесс длительный, включающий, по мнению Г.Д. Дмитриева, несколько этапов: понимание и принятие другой культуры, уважение культурных различий, утверждение культурных различий, формирование толерантности [1].

Разработанная нами программа поликультурного воспитания студентов филологического факультета направлена на формирование как общесоциальной (подготовка к жизнедеятельности в поликультурном мире), так и специальной (педагогической) поликультурной компетентности и включает следующие взаимосвязанные направления:

- формирование ценностного отношения к национальной и мировой культурам, к представителям других культур;
- формирование системы методологических, теоретических и методических знаний, значимых для деятельности в условиях педагогики многообразия и жизни в поликультурной среде;
- формирование умений, необходимых для реализации целей и задач поликультурного воспитания.

Данная программа предполагает реализацию следующих целей и задач: формирование поликультурного мышления, гражданской и профессиональной позиции будущего учителя, готовности к реализации профессиональных функций в условиях многокультурного образовательного пространства. Основные мероприятия программы: круглые столы «Поликультурная образовательная среда современного учреждения образования», «Культурная самоидентичность личности»; семинары-практикумы «Этика и культура межнационального общения», «Молодежные субкультуры»; тренинги по основам межкультурных коммуникаций, профилактике межкультурных конфликтов; конкурсы, викторины на знание национальной и мировой культуры и истории; гражданско-патриотический проект «Мы вместе!»; кураторские часы; экскурсии по историко-культурным местам Республики Беларусь и заочные экскурсии по музеям мира; литературные вечера, посвященные юбилейным датам белорусских и зарубежных писателей; фестиваль «Созвездие языковых культур»; подготовка студентами исследовательских и творческих проектов; волонтерская деятельность.

Таким образом, понимание значимости, сущности, структуры поликультурной компетентности и целенаправленная работа по ее формированию в процессе подготовки специалистов является одним из условий их успешной профессиональной деятельности в соответствии с потребностями современной образовательной среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ОСВО 1-02 03 04-2013. Образовательный стандарт высшего образования. Первая ступень. – Минск, 2013.
2. Джуринский, А.Н. Развитие образования в современном мире / А.Н. Джуринский. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 240 с.
3. Слостенин, В.А. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры / В.А. Слостенин // Педагогическое образование и наука. – 2004. – № 5. – С. 4–15.
4. Дмитриев, Г.Д. Многокультурное образование / Г.Д. Дмитриев. – М.: Народное образование, 1999. – 208 с.
5. Саракуев, Э.А. Введение в этнопсихологию / Э.А. Саракуев, В.Г. Крысько. – М.: Институт практической психологии, 1996. – 342 с.

Ю. Н. Кириллов

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДМЕТНОЙ ИННОВАТИКИ В ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

Внедрение в образовательный процесс изменений содержания профильных дисциплин в свете требований Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования от 22.05.2014 г. предполагает наличие актуальных организационно-методических условий. Основанием внедрения содержательных инноваций является компетентностный подход, регулирующий практическую реализацию новой роли преподавателей и самостоятельной работы студентов, будущих современных учителей истории и обществоведения. Предметная инноватика содержит применение методов и элементов технологий активного обучения, включение в содержание дисциплин новейших теоретических концептов, их апробацию как образовательных единиц, окончательную селекцию и определение эффективности внедрения.

Опыт внедрения изменений содержания дисциплины «Методология социально-гуманитарных наук» показывает две группы проблем предметной инноватики. Во-первых, со стороны преподавателя по научно-методическому обеспечению предложения продукта внедрения. Во-вторых, со стороны студента-обществоведа по изменению самостоятельной работы и выработки готовности к методологической рефлексии – спроса на новый продукт. Студенты гораздо активнее в усвоении методических знаний и навыков, полагая их основанием профессиональной подготовки учителя. Но в преподавании обществоведческих дисциплин существенна методологическая культура.

Так, во вводной теме: «Социально-гуманитарное знание как предмет методологии» ставится целевая установка спецификации социально-гуманитарного знания вообще и научного в частности. Существует несколько концептов, с которыми здесь сталкиваются две стороны инноватики. Преподаватель определяет подход к выбору концепта, а именно, соотношение с естественно-техническим научным знанием, специфицирует объект, субъект, метод, генезис, характер знания, способ социокультурной презентации и т.д. Студенту здесь нужны особые методологические знания, рефлексия над знанием, чтобы выбор сделать в пользу «натуралистичности», отрицающей специфическую определенность социальных и гуманитарных наук, или «гуманистичности», настаивающей на

исключительности социально-гуманитарного знания, или сформулировать, самостоятельно поработав с основной и дополнительной литературой, обратившись к электронным ресурсам, иное, диалектически обоснованное решение.

Предложение к методологическим штудиям усиливается в темах общей методологии социально-гуманитарной науки. Здесь предлагается широкий спектр методологических парадигм, подходов, исследовательских программ и важнейших методов научного изучения общества, культуры, личности. В их обилии будущему молодому преподавателю нелегко осуществить селекцию действительно необходимого материала.

Можно рекомендовать инновационизировать ныне популярное, набирающее размах методологическое разделение социальных наук и гуманитарных дисциплин. Современная методология науки предлагает достаточно универсальный ключ к инновационной селекции – историческая научная динамика социально-гуманитарного знания. В данном случае необходима обстоятельная проработка классических методологий, опирающихся на идеалы социальной науки (О. Конт, К. Маркс, М. Вебер и др.). Определение характерных особенностей неклассической социальной науки связано с идеалом гуманитарного знания, включающего в себя ценностно-смысловые и идиографические методологии изучения человека, культуры и истории (В. Дильтей, Г. Риккерт, М. Шелер, М. Бахтин и др.).

Самое же пристальное внимание уделяется постнеклассическим современным социальным и гуманитарным методологиям, опирающимся на общенаучные идеалы современного знания (Ю. Хабермас, М. Фуко, Н. Луман и др.), сложные синтагматические подходы, объединяющие естественнонаучные и социально-гуманитарные методы познания. Приобщение студентов к такому знанию просто необходимо для формирования их методологической культуры. Здесь обнаруживается проблема представленности новейших концептов в учебной литературе. Она относится и к преподавателю, и к студентам в равной мере, требует проявления методологической критической рефлексии и гибкого мышления.

Селекция и включение в содержание дисциплины концептов, например, постмодернистских, синергетических и т.п., содержит также и риски их неадекватного понимания и применения в профессиональной работе учителя-обществоведа. Здесь надо ориентироваться на опыт преподавания подобных дисциплин, а результат изучения такого опыта оценивать на основе принципа «сдержанного оптимизма». Эффективным методическим приемом обсуждения современных методологий является семинарская дискуссия в различных формах ее организации. Это также требует освоения для преподавателя роли модератора, а для студентов тщательной самостоятельной подготовки.

Подготовка учителя-обществоведа в контексте постнеклассической социально-гуманитарной рациональности потребовала введения в содержание дисциплины изучения не только особенностей постнеклассики, но прежде всего и ее ведущего методологического качества – междисциплинарности. Тема междисциплинарной методологии в социально-гуманитарных науках для данного курса является ключевой в содержании инновационного потенциала. Она характеризует важнейший источник нового знания и механизм его включения в дисциплинарную структуру наук, тем самым входит в методологический арсенал каждой обществоведческой дисциплины, накладывая на любые методы и способы функционирования и развития социально-гуманитарного знания особенное междисциплинарное «тавро». В методологической культуре обществоведа она становится полно-и равноправным элементом. В данной теме следует выделить три основные проблемы эффективности нововведения: проблема междисциплинарности социальных и гуманитарных наук (объясняющих и понимающих методологий), проблема селекции концепта междисциплинарности, адекватной специфике социально-гуманитарных наук, проблема применимости синергетической методологии в педагогической практике и в гуманитарных идиографических знаниях.

Со стороны преподавателя инноватика междисциплинарности требует одновременно и энциклопедичного, широкого и глубокого знания и понимания ее эпистемологической, социокультурной и символическо-метафорической природы.

Со стороны студента здесь необходимы креативные способности обобщения, комбинаторики, самостоятельности и инициативности, элементарное понимание механизмов переноса знаний, эпистемологической социально-гуманитарной и естественно-технической коммуникативности. Очевидно усложнение самостоятельной работы с неосвоенной еще информацией. Здесь можно рекомендовать активные коммуникативные формы и приемы обучения: «лекция вдвоем», междисциплинарный семинар, ролевые игры и т.п.

Опыт инноватики междисциплинарности в методологических курсах выделяет эффективность самостоятельной реферативной работы по тематике смежной дисциплинарности. Значимость и очевидная перспективность междисциплинарности дает основание для рекомендации разработки соответствующего спецкурса или семинара для студентов-обществоведов. Современное состояние социально-гуманитарной методологии актуализирует проблему инновационирования тематики технологичности обществоведческого знания. Здесь следует подчеркнуть три обстоятельства.

Во-первых, онтологизация технологий (социальные, политические, правовые, экономические, гуманитарный менеджмент и др.) проблематична в сфере духовно-нравственного развития, так как ценности нельзя не разорвав операционализировать.

Во-вторых, это новые рабочие места для социально-гуманитарно образованных людей, что требует перевода академического знания в технологическое (литературоведство, культурология, обществоведение и т.п.). Здесь, кстати, обнаруживается методологическая проблема формирования нового социально-гуманитарного знания, собственно социально-культурной рациональности.

В-третьих, образовательные социально-гуманитарные технологии как необходимый элемент методической культуры преподавателя-обществоведа, а значит, тема входит в компетенцию методических дисциплин. Поэтому включение данной темы в содержание дисциплины целесообразно через самостоятельную работу студентов по тематике междисциплинарности и дисциплинарных методологий, подготовке докладов на семинарские занятия, участия в конференциях.

На занятиях по темам дисциплинарных обществоведческих методологий (социологии, экономики, политологии, права) основная проблема предметной инноватики заключается в селекции богатейшего концептуального содержания и формировании ключевой инновационной компетенции преподавателя-обществоведа – умения анализировать и обобщать содержание обществоведческого знания.

Со стороны преподавателя инновационной задачей является максимально корректная трансляция концептов и показ зависимости теории и метода, переход (трандукция) теории в метод. Любой научный метод разрабатывается на основе определенной теории, которая тем самым выступает его необходимой предпосылкой. Сходство теории и метода состоит в том, что они взаимосвязаны. Однако нельзя полностью отождествлять метод и теорию.

Известны методологам и различия теории и метода. Так, теория – результат исследования, а метод – средство исследовательской деятельности. Теория объясняет факты и предсказывает новые знания о них или новых фактах, метод же скорее регулятор научной и практической деятельности. Теория должна быть трансформирована в метод, а последний – обращен в теорию. Здесь целесообразно обратиться к опыту обоснования методологической значимости обществоведческих концептов (их разрешающей способности современной и исторической интерпретации).

Эвристичным нововведением оказалась разработка В.А. Канке, предложившим аналитику 16 концептов социологии, 7 методологий в экономике, 10 основных направлений в политологии, 6 направлений в юриспруденции, 7 подходов в историологии. Со стороны студентов здесь чрезвычайно широкий спектр выбора и методического обеспечения.

Принципиальным же представляется усвоение идеи неискоренимой множественности концептов и методологических подходов в содержании обществоведческого образования. Инновационным методологическим умением здесь будет обнаружение ограничения метода, сопоставление с другими подходами. Успевающие студенты сами могут выполнять функцию модератора при применении активных и проблемных методов обучения. Преподаватель в таком случае выполняет роль эксперта.

Работа с инноватикой обществоведческих концептов выступает веским показателем диагностики эффективности дисциплины «Методология социально-гуманитарных наук». И наоборот, данная дисциплина выступает инновационной при наличии этого показателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования, утвержденная приказом Министра образования РБ № 194 от 22.05.2012 г. Минск, 2012.
2. Буданов, В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов. – ИФ РАН, М.: УРСС, 2007. Гл. 2.
3. Варющенко, В.И. Философско-инновационный аспект преподавания дискуссионных вопросов социальной науки / В.И. Варющенко, О.В. Гайкова // Философия образования. 2015. – № 4. – С. 199–207.
4. Девина Т. Н. Инновационные технологи: компетентностный поход в обществоведческом образовании [Электронный ресурс] / Т. Н. Девина // Учитель учителю. Из опыта работы педагогов Белгородской обл. : регион. сборник. – Белгород, 2014. – № 7. – (Серия : Обществоведческие дисциплины). Режим доступа : <http://school20.beluo.ru/docs/metod/Devina.pdf>. Дата доступа.
5. Жилин, В.И. Кибернетика и синергетический сциентизм в образовательном процессе / В.И. Жилин. Синергетический сциентизм: Критический анализ философско-методологических оснований. – М.: КРАСАНД, 2011. Гл.3.
6. Канке, В.А. История, философия и методология социальных наук / В.А. Канке. – М.: Юрайт, 2014. – 528 с.
7. Юдин, Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям / Б.Г. Юдин // Философия и социология социальных и гуманитарных наук / Под общ.ред. проф. С.А. Лебедева. М.: Академический проект, 2008. – С. 216–243.

Т. П. Лихач

старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

**МОДУЛЬ НОРМАТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
И СТРУКТУРНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ДЕРИВАТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ УЧАЩИХСЯ
VI–VII КЛАССОВ: ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Согласно разработанной нами модели словообразовательной способности языковой личности современного школьника [1, 76–82], одно из ведущих мест в ней отводится модулю нормативного словообразования и структурного членения дериватов, или производных слов. Структурное членение производных слов может строиться по бинарному семантико-словообразовательному принципу тогда вычленяются производящая часть и словообразовательное средство (дериватор), и структурно-семантическому – тогда вычленяются все морфемы, определяющие состав слова. Если выражаться в терминах методики преподавания русского языка, в первом случае подразумеваются умения и навыки учащихся производить словообразовательный разбор, а во втором – разбор слова по составу.

С целью изучить способы учебной работы, предпочитаемые учащимися VI–VII классов при выполнении заданий на образование и членение производных слов, мы предприняли экспериментально-диагностическое исследование на базе учреждений общего среднего образования в г. Мозыре и г. Калинковичи. В эксперименте приняло участие 100 человек.

В арсенале экспериментальных методов преобладали наблюдение, исследовательская беседа, письменный опрос, благодаря которым был собран, а затем обработан эмпирический материал. Наблюдение за тем, осознают ли учащиеся внутрипредметные связи морфематики и дериватологии с лексикой и синтаксисом, обуславливающие нормативное словообразование и словоупотребление, осуществлялось в урочное и внеурочное время; метод исследовательской беседы использовался в процессе совместного с учителем проведения факультативных занятий по русскому языку в VI классе. Наконец, на уроках русского языка учащимся VII классов предлагалось выполнить контрольно-диагностическую работу, на основании результатов которой мы и сформулируем наши главные выводы.

На факультативном занятии по русскому языку посредством поочередного предъявления устных и письменных заданий у участников эксперимента диагностировались умения правильно образовывать имена

существительные со значением отвлечённого признака / действия (состояния) от адъективных и глагольных основ при помощи суффиксов-синонимов: *-ость-*, *-ств(о)*, *-от(а)*, *-б(а)*, *-иј(э)*, *-ниј(э)*, *-ениј(э)*, *-тј(о)* (см. задание 3) [2, 80]. Ставилась и сопутствующая задача – стимулировать учащихся к разграничению словообразовательных моделей внутри межчастеречной деривации. Работающие у доски должны были записывать образованные ими существительные в паре с производящими единицами, при этом а) обозначая словообразовательное средство, б) определяя часть речи производящего слова (прилагательное либо глагол), в) группируя полученные словообразовательные пары на основе категориальной принадлежности производящего слова. Результат действий учащихся можно представить схематически:

1. Построение схем «производящее → производное» (производящим выступает основа прилагательного: *добрый* → *доброта*, *добродушный* → *добродуш[иј-э]*, *изысканный* → *изысканность*, *упрямый* → *упрямство*, *изобильный* → *изобил[иј-э]*).
2. Построение схем «производящее → производное» (производящим выступает основа глагола: *просить* → *прошени[ј-э]*, *просить* → *просьба*; *достигать* → *достижени[ј-э]*, *молить* → *мольба*, *обмолвиться* → *обмолвка*, *забыться* → *забыт[ј-о]*, *очаровать* → *очарован [иј-э]*).

Учащиеся по очереди выходили к доске, в основном правильно образовывали существительные, обозначали в них суффиксы-дериваторы. Отмечены, однако, случаи нарушения нормативного словообразования: *добродушность* вместо *добродушие*, *изобильность* вместо *изобилие*, *обмолвен[иј-э]* вместо *обмолвка*, хотя лексическое значение слова *обмолвиться* знают все. От основы глагола *просить* учащиеся образовали сущ. *просьба*, чуть подумав – сущ. *прошение*, даже привели словосочетания *подать прошение*, *прийти с прошением*. От основы гл. *молить* учащиеся образовали два существительных – *мольба* и *молитва*, записали их по гнездовому принципу (видимо, они приучены к подобной форме записи). Вместе с тем учитель не скорректировал у них представления о том, что сущ. *молитва* произведено от основы другого (возвратного) глагола: *моли(ть-ся)* → *молитва*, а не *молить* → *молитва* (см. «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И. А. Ширшова) [3, 504].

Можно заключить, что, хотя учащиеся и понимают синонимию словообразовательных суффиксов существительных, они не всегда придерживаются словообразовательной нормы при выборе суффикса-дериватора, образуя сложные для их понимания абстрактные слова. Следовательно, с целью формирования словообразовательной нормы необходима параллельная работа по обогащению словаря учащихся.

Систематизация знаний о нормативном словообразовании, а также принципах слогового, словообразовательного и морфемного членения

существительных (абстрактных имён существительных, образованных суффиксальным способом от основ прилагательных и основ глаголов) также осуществлялась нами в форме эвристической беседы на факультативном занятии по русскому языку в VI классе. Ход проведённой беседы мы изложим в виде протокольных наблюдений.

Апробировалось комплексное морфемно-derivационное задание, помещённое в авторском пособии для учителей [2, 82–83]. Данное задание выполнялось поэтапно:

1. Актуализация фоновых знаний, подготовка восприятия лингвистической информации: предлагалось вспомнить героев сказки А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» – это Элли, Страшила, Железный Дровосек; о чём они мечтали.

Резюме: Все читали сказку, быстро ответили на вопрос, какой из героев жаждал получить человеческие мозги (чучело Страшила), хотя он прекрасно рассуждал и соломенными мозгами о таком важном духовном качестве, как самоотверженность.

2. Выразительное чтение отрывка из сказки экспериментатором.

Заключительное предложение текстового фрагмента преднамеренно обрывалось, чтобы учащиеся догадались, как Страшила объяснил лексическое значение слова «самоотверженность»: « *Не горюй, сказал Дровосек. – Самоотверженность – это тоже хорошо, это когда человек ...* » [не жалеет себя ради других].

3. Переход от экстралингвистической составляющей инструкции к лингвистической: членение сущ. самоотверженность на слоги; сравнение и сличение с авторским вариантом слоговой разбивки.

Резюме: учащиеся владеют принципами слогоделения.

4. Постановка лексической задачи – объяснить значение этого слова с опорой на корни сам- и -верж-: «Помогают ли нам слоги понять значение слова самоотверженность?».

Резюме: Все учащиеся сразу определили, что растолкование значения сложного существительного должно опираться на значения обоих корней, однако учащийся, работавший у доски, неправильно выделил второй корень (*отверж-*). После наводящего вопроса «*Что делает вулкан с лавой?*» (*из-верг-а-ет*) он исправил ошибку, отметив также чередования *ж//г* в корне.

5. Расширение представлений о лексической сочетаемости: подбор однокоренных слов (с корнем -верг-/ -верж-) в контексте словосочетаний.

Резюме: Учащиеся с энтузиазмом составляли словосочетания с однокоренными словами, указывая на разные приставки: *отвергнуть предложение, свергнуть с трона, опровергнуть факты, извергнуть лаву* (отмечены, однако, затруднения при выборе приставки *низ-* – *в пропасть низвергнуть*).

6. Систематизация представлений о словообразовательном типе в рамках морально-этической беседы: подбор схожих по структурной семантике существительных, обозначающих качества и свойства человека; их группировка в зависимости от того, являются они положительными или отрицательными.

Резюме: Работая в фронтальном режиме, учащиеся называли слова-характеристики с семантикой отвлечённости (первый компонент которых – корень *сам-*), а 2 ученика, параллельно работавшие у доски, записывали следующие существительные: *самолюбие* (со знаком «←»), *самоуверенность* («+» и «←»), *самовлюблённость* («←»), *самокритичность* («+»), обозначая суффиксы. Было видно, что учащиеся оперируют понятием «фонетический суффикс», но, несмотря на это, у них возникли трудности при выделении суффикса [иј] в сущ. *самолюб[ий(э)]*.

7. Определение способа словообразования отвлечённых имён существительных, в составе которых имеется два корня, с помощью вопроса экспериментатора: «Перед вами сложное существительное, но образовано ли оно в результате сложения основ?».

Резюме: В самом начале отмечены трудности, связанные с определением производящей единицы (прил. «самоотверженный»), но с помощью вопросов учителя и экспериментатора «*Как называется человек, если он обладает таким качеством, какой он?»* правильно выполнили словообразовательный разбор: *самоотверженность* ← *самоотверженный* (суф.). Под руководством учителя учащийся нашёл и подчеркнул общую часть у этих слов.

8. Морфемное членение с опорой на формо-, словообразовательный и семантический анализ. (Работа у доски)

Резюме: Соблюдена методика разбора по составу: вначале учащийся выделил нулевое окончание и основу, затем – два корня, два суффикса *-ость-* и *-ени-*, приставку *от-* и соединительную морфему *о*.

9. Обобщение представлений о синонимии словообразовательных средств, правилах словообразования, связанных с точным выбором суффикса.

Резюме: учащиеся перечислили синонимичные суффиксы, с помощью которых передаётся значение абстрактного признака; указали на то, что, хотя эти суффиксы и выражают сходное значение, они избирательно присоединяются к основам прилагательных и глаголов при словообразовании.

Если на факультативном занятии для диагностики умений нормативного словообразования предлагалось образовать существительные от отдельных слов (не связанных с другими словами синтагматическими отношениями), то в процессе выполнения письменного задания перед респондентами (учащимися VII классов) ставилась более сложная задача: восстановить приставки *при-* *рас-* *на-* *под-* *пере-* *о-* *по-*

у однокоренных глаголов, входящих в состав словосочетаний и предложений. Каждая из приставок должна была использоваться только один раз, не повторяясь в других словах. Давались словосочетания и простые нераспространённые предложения с пропуском приставки в составе глаголов с корнем *-свист-* – ...*свистать артистов*, ...*свистеться за день*, ...*свистывать в такт песне*, ...*свистывать собаку*; *птицы ...свистнулись*, ...*свистывают пули*, *кулик ...свистелся* [2, 38]. (Правильные ответы с учётом вышеуказанного критерия: *о-свистать артистов*, *на-свистеться за день*, *при-свистывать в такт песне*, *под-свистывать собаку*; *птицы пере-свистнулись*, *по-свистывают пули*, *кулик рас-свистелся*.)

Правильность выполнения задания будет свидетельствовать о том, что учащиеся имеют чёткие представления о семантике наиболее употребительных в русском языке многозначных приставок, их сочетаемостных особенностях в составе дериватов как компонентов речевой цепи, что они понимают абстрактную семантику словообразовательных типов, включающих ту или иную приставку как самостоятельное деривационное средство либо компонент последнего. Ср.: *освистать* ← *свистать* (прист.) и *насвистеться* ← *свистеть* (прист.-постф.).

Исходя из результатов письменного констатирующего среза, общая картина такова (числовые данные указывают на количество учащихся, давших ответ, удовлетворяющий условиям задания):

<i>на-свистеться за день</i>	86
<i>кулик рас-свистелся</i>	67
<i>птицы пере-свистнулись</i>	66
<i>по-свистывают пули</i>	60
<i>под-свистывать собаку</i>	46
<i>о-свистать артистов</i>	44
<i>при-свистывать в такт песне</i>	31

Наиболее прозрачным в плане понимания, как видно из таблицы, является деривационное значение «довести действие до естественного предела» [4], передающееся сочетанием приставки *на-* и постфикса *-ся* в словообразовательных типах *насвистеться*, *нагуляться*, *наплаваться*: *свистеть* → *насвистеться*, *гулять* → *нагуляться*, *плавать* → *наплаваться* и под.; *насвистеться* означает «свистеть много, вдоволь»: «*За день сулик насвистелся*» [3, 782]. Респондентами, однако, приводились и неправильные дериваты, с наиболее частотным вариантом *рассвистеться*: *рассвистеться за день* – 8. Отмечены окказиональные (единичные, случайные) ошибки *присвистеться за день* (2), *пересвистеться за день* (2), *освистеться за день* (1), *присвистеть за день* (1). Учащиеся, допустившие словообразовательные ошибки, не смогли

определить семантику исчерпанности действия, налагаемую на искомый глагол предложно-именным сочетанием «за день» (требовался выбор именно приставки *на-*).

Без особых затруднений учащиеся воспринимают и деривационное значение «распространение действия» [4], в выражении которого принимают участие приставка *рас-* и постфикс *-ся*: *кулик рассвистелся* – «начал свистеть всё сильнее и сильнее» [3, с. 783]. Ср.: *свистеть* → *рассвистеться* как *кричать* → *раскричаться*, *болеть* → *разболеться*. Вполне приемлема, хотя это и идёт вразрез с установкой задания, словообразовательная форма *насвистеться*: словосочетание *кулик насвистелся* зафиксировано в работах 10 опрошенных. Однако имеются и грубые словообразовательные ошибки: *кулик пересвистелся* (10) – отчасти прослеживается аналогия с формами дериватов *перегрелся*, *перестарался*, актуализирующими семантический компонент «довести действие до плачевного финала»; *кулик освистелся* (4) видимо, *кулик* «совершил оплошность», издав не тот звук; *кулик присвистелся* (3) может быть, «свистя, освоил технику свиста»? (ср.: *прижился*, *приноровился*, *пристроился*); *кулик подсвистелся* (1), *кулик просвистелся* (1), *кулик посвистелся* (1).

Не менее ясна для опрошенных и семантика «взаимная направленность действия» [4], выражаемая словообразовательным типом *пере- ... -ся/-сь*: *пересвистнулись* – «свистнули друг другу, обменялись свистом» [3, с. 782]. Ср.: *бросить* (словечко) → *переброситься* (словечками), *глядеть* (друг на друга) → *переглядуться*. Вместе с тем нами выявлены серьёзные словообразовательные ошибки, как-то: *птицы освистнулись* (11), *птицы присвистнулись* (10), *птицы посвистнулись* (5), *птицы насвистнулись* (2), *птицы подсвистнулись* (1). Все эти ошибки – яркое свидетельство того, что учащиеся не декодируют лексическую и словообразовательную семантику глагола *пересвистнуться*, не понимают, что неверно подобранная приставка может не только исказить значение любого глагола, привнося ненужные ассоциации в связи с непривычной словообразовательной формой, но и вообще лишить его какого бы то ни было смысла.

Ещё одной моделью, достаточно хорошо идентифицируемой учащимися VII классов, является следующая: *читать* → *почитывать*, *молчать* → *помалкивать*, *дёргать* → *поддёргивать*; префиксально-постфиксальное сочетание *по-... -ива-/-ыва-* указывает на совершение многократного действия обычно в течение непродолжительного времени: *пули посвистывают* – «время от времени свистят» [3, с. 782]. 7 испытуемых использовали вариант *пули подсвистывают* (по аналогии с *подмигивают*, *поддакивают* и др.), который, будучи нормативным, также передаёт значение «свистеть время от времени»: «*Коростель часто подсвистывает*» [3, с. 782]. Отмечены ошибки грубого и негрубого характера. 19 респондентов решили, что пули *присвистывают* (как будто

в такт доминирующему звуку, издаваемому тяжёлой артиллерией); трое из опрошенных метафоризировали семантику глагола – *насвистывают пули* (будто они насвистывают мелодию); в остальных случаях фиксируется полное непонимание учащимися лексического и деривационного значений образуемого ими глагола: *рассвистывают пули* (4) / *разсвистывают пули* (1) – орфография сохранена; *пересвистывают пули* (2), *освистывают пули* (1).

Не все участники констатирующего эксперимента показали понимание значения приставки *под-* «приближение к кому/чему-либо» [4]; не смогли сличить глагол *подсвистывать* с его одноструктурными синонимами *подзывать*, *подманивать*. Ведь *подсвистывать* означает не что иное, как «свистя, подманивать кого-либо, побуждать к чему-либо» [3, с. 782]. Вместо глагола *подсвистывать* в сочетании с сущ. в форме ед. ч., В. п. *собаку* употреблялись следующие новообразования: *освистывать собаку* (16) – актуализируется значение «охват объекта действием» [4], выражаемым глаголом *свистеть*, по аналогии с *окуривать* «обволакивать дымом» и под.; *пересвистывать собаку* (12) – актуализируется значение «свистеть лучше, чем собака, превосходя её в этом умении» (как будто собаки умеют издавать свист). В последнем случае нарушены логические основания лексической деривации. Производный глагол *посвистывать* не может сочетаться со словоформой *собаку*, однако такой вариант ответа предпочли 10 человек. *Прикармливать* собаку можно, а вот *присвистывать* нет, о чём не догадались 9 респондентов. Грубо ошибочны окказиональные словосочетания *насвистывать собаку* (2) и *рассвистывать собаку* (1).

Ещё одним не вполне идентифицируемым учащимися деривационным значением выступает значение «охват действием многих лиц» [4], привносимое приставкой *о-*. *Освистать артистов* значит «свистя, выразить им своё неодобрение» [3, с. 782]. Вместо искомого *освистать* в структуре приведённых словосочетаний появлялось *пересвистать артистов* (23) – артистов, если они умеют неплохо свистеть, можно и *пересвистать*, свистя лучше и громче (поэтому данное словоупотребление мы не расценивали как ошибочное). В корне неправильным, с точки зрения логической и лексической сочетаемости, является нанизывание на корень *-свист-* следующих приставок: а) приставки *при-* *присвистать артистов* (12), трудно понять, что это значит: «позвать свистом» или «пригвоздить свистом»? (корректно ли так обращаться к артистам / с артистами?); б) приставки *под-* – *подсвистать артистов* (8) происходит нарушение норм речевого этикета (подсвистывают собак, а не людей). О полном непонимании лексической и словообразовательной семантики слов учащимися говорят следующие употребления: *посвистать артистов* 4, *рассвистать артистов* 4, *насвистать артистов* – 3.

Самой проблемной в плане интерпретации оказалась семантика сопроводительности, добавления, передаваемая именно префиксом *при-*: *присвистывать* – «свистя, сопровождать другое действие» [3, с. 783] (ср. с *приговаривать*). Приводились новообразования с другими приставками, как допустимые в контексте заданных словосочетаний и предложений, так и ошибочные. Не нарушают словообразовательную норму приставочные дериваты *подсвистывать в такт песне* (32), *посвистывать в такт песне* (19) и *насвистывать в такт песне* (10). Отмечены окказиональные словообразовательные ошибки: *рассвистывать в такт песне* (3), *освистывать в такт песне* (2).

Таким образом, нам удалось ранжировать продуктивные словообразовательные типы, которые по-разному (с разной степенью достоверности) осмысляются учащимися не только в аспекте выражаемого деривационного значения, но и в аспекте логической, лексической и синтаксической сочетаемости. Владение широким репертуаром словообразовательных типов позволит, по нашему мнению, минимизировать случаи грубого нарушения словообразовательных норм. Коррекция и преодоление ошибок в словообразовании должны обеспечиваться работой по расширению вокабуляра учащихся на оси однокоренных и на оси одноструктурных слов.

Чёткое видение строительных компонентов производного слова обеспечивает более качественное овладение словообразовательной нормой, причём не только императивной, но и коммуникативной, что привносит в процесс речевой коммуникации живость и непринуждённость (например: «заходчивый» гость – тот, который часто заходит в гости и под.). Поэтому уроки словообразования предпочтительно проводить таким образом, чтобы любое произведённое учащимися слово не отвергалось до тех пор, пока из его словообразовательной структуры не будет извлечён весомый смысл. Затем, при отсутствии лексической лакунарности в выражении этого смысла, закрепляется императивная словообразовательная норма.

Опираясь на результаты констатирующего эксперимента, представленные как в устной, так и в письменной формах, мы можем определить два основных направления, в соответствии с которыми должны корректироваться представления учащихся VI–VII классов о нормативной лексической и синтаксической деривации в разных лингвистических контекстах: в ряду отдельных слов и в потоке речи. Это, во-первых, параллельная работа над нормативным словообразованием и семантизацией отдельных лексем с опорой на понятие «словообразовательный тип», ведущая к расширению вокабуляра учащихся и совершенствованию навыков словообразовательного членения производных слов, и, во-вторых, целенаправленное изучение сочетаемостных свойств производных лексем в контекстах словосочетания и предложения (в заданиях на подстановку, трансформации / замены).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лихач, Т. П. Формирование «целостного образа» морфемы на уроках русского языка как методическая проблема / Т. П. Лихач // Педагогическая наука и образование. – 2013. – 2(3). – С. 76–82.
2. Лихач, Т. П. Состав слова. Словообразование : пособие для учителей учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Т. П. Лихач. – Мозырь : Белый Ветер, 2014. – 154 с.
3. Ширшов, И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37000 слов русского яз., объединённых в 2000 словообразовательных гнезд : Комплексное описание русской лексики и словообразования / И. А. Ширшов. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПШ «Ермак», 2004. – 1022 с.
4. Значения приставок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://project.karelia.ru/atlant/help/prist_ref.htm. Дата доступа: 12.02.2017.

Н. Г. Новицкая

преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОМУ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

В настоящее время возрастают потребности страны в специалистах, способных использовать иностранные языки для эффективного обеспечения различных видов коммуникации. Поэтому, как отмечено в концепции учебного предмета «иностраный язык», основное назначение иностранных языков – это «обеспечивать взаимодействие и сотрудничество народов, исключать возможности негативного влияния на процесс национальной самоидентификации и культурного самоопределения личности; повышать готовность человека к личностной и профессиональной самореализации посредством использования иностранного языка наряду с родным языком в качестве материальной формы функционирования своего мышления» [1].

Следовательно, процесс обучения иностранному языку должен быть направлен на подготовку к межкультурному общению.

При межкультурном взаимодействии одна национальная культура вступает в диалог с другими. Как показывает практический материал исследования (используемые автором на занятиях по английскому языку различного рода видеоматериалы, демонстрирующие особенности взаимоотношений представителей различных культур, причины разногласий и недоразумений при общении с представителями других культур; собственные наблюдения и практика общения с представителями британской культуры), непонимание и разногласие вызывают не столько фонетические, лексические или грамматические ошибки, сколько незнание норм вербального и невербального поведения в рамках той или иной культуры, а также недостаточно знаний о культуре и обычаях той или иной страны. Практика показывает, что ошибки, связанные с правилами и нормами поведения, вызывают более негативную реакцию, чем ошибки языковые. Это, в свою очередь, негативно сказывается на формировании нами положительного образа своего «Я» при общении с представителями других культур.

Рассматривая самопрезентацию как форму совместной коммуникативной деятельности, имеющей своей целью целенаправленное и мотивированное формирование положительного образа своего «Я», мы относим её к одному из основных показателей, определяющих уровень сформированности такой способности, как способность успешно участвовать в межкультурной коммуникации.

Формирование положительного образа своего «Я» базируется на нормах вербального (связность и аргументированность речи, экспрессивность и эмоциональность речи, убедительность, громкость речи и паузация, ритм речи и т.д.) и невербального поведения (мимика, жесты, улыбка, зрительный контакт, дистанция общения) в рамках той или иной культуры. В связи с этим при формировании навыков самопрезентации на уроках иностранного языка, особого внимания требует обучение коммуникативному поведению, которое трактуется как «компонент национальной культуры, обусловленный национальным менталитетом, зафиксированный в национальных коммуникативных нормах и правилах» [2, 171]. Рассматривая коммуникативное поведение как компонент самопрезентации, мы выделяем следующие элементы в его содержании: лингвистический, который, помимо языкового материала (языковые средства аргументации и убеждения; языковые средства акцентирования внимания; языковые средства, пробуждающие интерес к нашим действиям и поступкам; языковые средства интенции, помогающие управлять поведением собеседника; эмотивная лексика), включает также материал и социокультурного характера (т.е. особенности употребления данных языковых средств, модели речевого поведения в сочетании с невербальными средствами в рамках межкультурной коммуникации) и

ситуативный. Моделирование ситуативного компонента мы предлагаем строить на основе ситуаций, отражающих определённые поведенческие модели коммуникантов, близких к реальной жизни и способствующих формированию положительного образа своего «Я». Это могут быть как ситуации делового общения, например, собеседование, выступление перед аудиторией, переговоры, так и ситуации повседневного или бытового общения (знакомство, общение с коллегами и друзьями и т.д.). Важным условием является социокультурное и лингвострановедческое оформление этих ситуаций, которое выполняет функцию приобщения учащихся к культурным ценностям и нормам коммуникативного поведения в рамках того или иного лингвокультурного сообщества.

Обучение коммуникативному поведению, а вместе с тем и формирование навыков самопрезентации на уроках английского языка имеет такую же значимость, как и формирование собственно языковых навыков. Это такой же важный аспект обучения языку, как и обучение лексике, грамматике или фонетике, т.к. способствует эффективной коммуникации в различных ситуациях общения, помогает выбрать соответствующие стратегии и средства формирования положительного образа своего «Я» в общении с представителями другой культуры, помогает достичь взаимопонимания.

Для создания дидактической базы по обучению коммуникативному поведению как одному из компонентов самопрезентации необходимо, в первую очередь, дать описательную характеристику знаниям, умениям и навыкам, которыми должен владеть человек для того, чтобы произвести положительное впечатление в общении с представителями другой культуры.

Изучив и проанализировав ряд научных и научно-методических источников по данной теме (Гальскова Н.Д., Пассов Е.И., Садохин А.П., Грецов А.Г., Григорьева Е.В., Елизарова Г.В., Жуков Ю.М., Игнатьева Н.Ю., Капин И.А., Карпова Ю.А. и др.), мы пришли к выводу, что для формирования положительного образа своего «Я» в общении с представителями другой культуры необходимы следующие знания:

знания об особенностях вербальной иноязычной коммуникации (знания о строе языка, которые используются в процессе овладения навыками самопрезентации; знания о речевых и стилистических нормах иноязычного взаимодействия в определённых ситуациях);

– знания об особенностях невербальной иноязычной коммуникации (знания об особенностях телодвижения и оформления пространства; знания об особенностях интонационного оформления речи; знания, способствующие формированию имиджа; знания об особенностях соотношения вербальных и невербальных средств коммуникации);

социокультурные знания (знания об оперировании нормами и правилами поведения в рамках той или иной культуры).

Принимая во внимание данную трактовку знаний, представим классификацию навыков и умений:

1) перцептивно-стратегические навыки и умения (умение программировать процесс самопрезентации; умение завоевать внимание собеседника, оказать влияние на него; умение верно воспринимать и оценивать свой эмоционально-психологический настрой и эмоционально-психологический настрой своего собеседника; умение адекватно воспринимать ситуацию взаимодействия и прогнозировать поведение собеседника в данной ситуации; навыки адекватного оперирования нормами речевого и неречевого поведения, принятыми в той или иной культуре; умение осуществлять обратную связь; умение выработать уверенность в себе и быть убедительным);

2) коммуникативные навыки и умения, которые мы подразделяем на:

– *языковые* (умение правильно выбирать и употреблять грамматические конструкции, а также слова и словосочетания, помогающие выразить свое мнение или опровергнуть чью-либо точку зрения; навыки владения языковыми средствами аргументации, убеждения и акцентирования внимания; навыки оперирования языковыми средствами, выражающими интенцию; умение употреблять слова-интенсификаторы и эмоционально окрашенную лексику, а также лексику, грамматические и стилистические конструкции, выражающие удивление и позволяющие передать эмоциональное состояние и настроение);

– *речевые* (умение убеждать за счет аргументированной и логически выстроенной речи; умение приводить достоверные доводы или аргументы и умение их обосновывать; умение придавать своему высказыванию точность, ясность и целесообразность; умение адекватно выражать эмоционально-оценочную информацию, строить выразительное высказывание и акцентировать внимание собеседника на своём образе, за счёт проявления собственного интереса к тому, что говорится, положительного преувеличения своих достоинств и способностей, а также за счёт выражения интенции и намерения к каким-либо действиям; умение поддержать беседу);

– *технические* (умение расположить к себе мимикой, жестами и внешним видом с целью привлечения внимания собеседника; умение адекватно соотносить невербальные средства коммуникации с ситуацией общения и своим эмоциональным состоянием, а также эмоциональным состоянием собеседника или аудитории; умение синхронно использовать вербальные и невербальные средства коммуникации; умение работать голосом, правильно выбирать темп и ритм речи; иноязычные интонационные навыки и умения).

Учитывая те особенности коммуникативного поведения, которые мы отметили выше, а также представленную нами классификацию знаний, умений и навыков, которыми должен владеть человек для того, чтобы произвести положительное впечатление в общении с представителями

другой культуры, мы пришли к выводу, что упражнения должны совмещать в себе следующие характеристики:

коммуникативная направленность, которая связана с готовностью осуществлять своё речевое и неречевое поведение, принимая во внимание правила общения и национально-культурные особенности страны изучаемого языка. Она предполагает обучение как языковым (лексико-грамматические средства самопрезентации), так и речевым (логичность, связность, аргументированность и убедительность речи) аспектам самопрезентации, а также обучение невербальным средствам самопрезентации;

психологическая направленность, которая развивает умение держать себя уверенно с другими людьми; публично выступать, строить взаимодействие с другими людьми как на вербальном, так и невербальном уровнях; контролировать своё эмоциональное состояние и интерпретировать эмоциональное состояние собеседника или аудитории; умение прогнозировать своё поведение и поведение своего собеседника.

Ввиду всего вышесказанного, мы предлагаем следующую классификацию упражнений: коммуникативно-интерактивные упражнения и тренинговые задания. *Коммуникативно-интерактивные упражнения* эффективны как в формировании языковых навыков, так и развитии речевых умений. Интерактивная характеристика этих упражнений проявляется в том, что они учат грамотно употреблять языковые средства самопрезентации и выстраивать речевые сообщения, в них также задействован стратегический элемент коммуникативного поведения, т. е. они направлены на то, чтобы способствовать адекватному выбору стратегий самопрезентации и эффективному построению взаимодействия с собеседником. Эти упражнения всегда ситуативные, более эмоциональны, некоторые из них носят спонтанный характер. Примерами таких упражнений могут служить *algorithmic tasks* (способствуют формированию навыков и развитию умений выстраивать аргументированное высказывание); *imaginary-task* (в ходе выполнения подобных заданий ученики учатся тому, как привлечь и удержать внимание собеседника); *selective tasks* (направлены на самостоятельный выбор эмотивной лексики согласно ситуации и построения логического высказывания с этими словами). *Тренинговые задания* способствуют развитию стратегических умений самопрезентации и наиболее эффективны в обучении невербальным средствам самопрезентации, так как учат создавать эмоциональный климат во время взаимодействия, планировать и учитывать пространство взаимодействия, регулировать собственное невербальное поведение, в частности, мимику, жесты, манеру сидеть или стоять, а также развивают способность интерпретировать невербальное поведение других. Приведем несколько примеров техник, которые составляют основу данного тренинга:

1. «Карусель». Целью данной техники является развитие навыков установления и окончания контакта, чтобы произвести на собеседника нужное впечатление (поскольку первое впечатление играет существенную роль в дальнейшем общении). Участникам предлагается встать по принципу «карусель», то есть лицом друг к другу, и образовать два круга и провести серию встреч, причем каждый раз с новым человеком. От них требуется легко и приятно войти в контакт, поддержать беседу и приятно расстаться с партнером.

2. «Зеркало». Цель – развить умение пользоваться языком жестов, мимикой для эффективной невербальной коммуникации и передачи переживаемых эмоций. Группа должна разбиться на пары, в каждой паре один игрок является «зеркалом», второй имитирует его действия, движения, слова и проч.

3. «Дар убеждения». Цель – развить навыки убедительной речи. Выбираются два участника, каждому из них ведущий дает спичечный коробок, в одном из которых лежит какой-нибудь предмет. После того как оба участника выяснили, у кого из них в коробке лежит данный предмет, каждый начинает доказывать публике, что этот предмет есть именно у него в коробке. Задача «публики» решить путем консенсуса, у кого же именно в коробке предмет. В случае, если аудитория ошиблась, ведущий придумывает ей наказание (например, попрыгать на протяжении минуты). Обсуждая упражнение, важно проанализировать те случаи, когда «публика» ошибалась, какие вербальные и невербальные компоненты заставили ее поверить в ложь.

Таким образом, в данной статье мы обосновываем значимость изучения коммуникативного поведения представителей разных этнокультур при формировании навыков самопрезентации на занятиях по английскому языку. Обучение коммуникативному поведению, а вместе с тем и формирование навыков самопрезентации предполагает, что необходимо не просто владеть системой языка, но и обладать специфичными знаниями (знания об особенностях вербальной и невербальной иноязычной коммуникации; социокультурные знания), умениями и навыками (перцептивно-стратегические и коммуникативные навыки и умения). Актуализация знаний, формирование навыков и развитие умений реализуется в процессе выполнения коммуникативно-интерактивных упражнений, примерами которых могут служить *algorithmic tasks, imaginary-tasks u selective tasks*, а также с помощью использования в процессе иноязычного образования тренинговых заданий, которые способствуют созданию положительных условий для активного и свободного участия личности в деятельности (возможность свободно выражать свои мысли и чувства, благоприятный эмоциональный климат в ходе взаимодействия, возможность самовыражения как на вербальном, так и невербальном уровнях, не боясь при этом своих ошибок).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция учебного предмета «Иностранный язык» // Пачатковая школа [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : [http:// p-shkola.by/ru/reklama?id=277](http://p-shkola.by/ru/reklama?id=277). – Дата доступа: 24.09.2013.
2. Гришаева, Л. И. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде / Л. И. Гришаева, И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 262 с.

Л .В. Орлов

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

О КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ

Высшее образование всё в большей степени становится массовым. Сильный толчок этому процессу на постсоветском пространстве дали частные университеты. Затем и государственные стали форсировать наборы на платное обучение. В результате определилась тенденция снижения качества высшего образования [1, 3] при неподготовленности национальных систем образования к условиям его массовости и коммерциализации учебного процесса.

Между тем, относительный рост численности населения с высшим образованием является объективным. Стратегией сотрудничества стран Европейского союза в области образования и профессиональной подготовки до 2020 года определено, что среди людей в возрасте 30–34 лет доля лиц с высшим образованием должна превысить 40%.

В Республике Беларусь реализуется Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития страны на период до 2020 года (НСУР-2020), а в 2015 году принята НСУР-2030. Стратегической целью последней является формирование качественной системы образования, отвечающей потребностям постиндустриальной экономики и устойчивому развитию страны. В этом же году Беларусь вступила в Болонский процесс. В НСУР-2030 определены приоритетные направления, ключевые проблемы, подлежащие оперативному решению, ожидаемые результаты [2, 96–98]. В настоящее время разработан и обсуждается проект «Модернизации системы образования Республики Беларусь».

Реализация данных стратегий и проекта предполагает активное участие государства, как законодательное, так и финансовое. Однако

существует ряд организационных моментов, позволяющих повысить качество высшего образования и самого образовательного процесса в рамках существующей законодательной и финансовой базы. В то же время нерешенность этих вопросов будет мешать реализации самых «крутых» инноваций независимо от номера поколения образовательного стандарта.

1. Учебная загруженность профессуры и студентов

Действующие типовые учебные планы, разработанные на основе образовательных стандартов третьего поколения, исходят из шестичасовой аудиторной загруженности студентов стационара шесть дней в неделю. Они снизили максимальную аудиторную нагрузку до 30 часов в неделю (без учета физической культуры). Однако с учетом норм на самостоятельную работу недельная нагрузка студентов составляет 60 часов, что в 1,5 раза превышает нормативы ТК РБ для работающих (аналогичная ситуация и у школьников). Годовая нагрузка белорусской профессуры составляет 1500 часов. При этом учебная – 750–800 часов (бывает и гораздо больше), что превышает учебную нагрузку школьных учителей и примерно в три раза выше, чем у зарубежной профессуры. Соотношение студент – преподаватель составляет 8–12 к 1, а на Западе – 3–4 к 1 [2, 92].

Проблема соотношения студент – преподаватель в Республике Беларусь в практической плоскости пока не ставится, однако проблему учебной загруженности обеих сторон учебного процесса можно в определенной мере решать. Ведь основой учебного процесса на стационаре являются аудиторные занятия, из которых около половины приходится на лекции, информационная функция которых явно преувеличена. При наличии учебника по дисциплине с грифом министерства образования или учебно-методического объединения есть ли смысл планировать и читать весь лекционный курс, раскрывающий в полном объеме ее содержание?

Аналогичный вопрос уместен и в отношении практических (семинарских) занятий по ряду дисциплин, на которых фактически повторяется содержание лекционных курсов, только устами не лекторов, а студентов, возможно с определенными методическими новациями.

Личный студенческий опыт (и не только мой) свидетельствует, что определенные дисциплины можно пристойно освоить и успешно сдать после 3–5 дней интенсивной самостоятельной работы над толковым учебником, что и делают многие студенты во время сессии.

Конечно же, подход к определению объема необходимых лекционных часов должен быть дифференцированным в зависимости от новизны учебной дисциплины, наличия учебников и другой альтернативной информации и других факторов. Аналогично следует подходить и к определению количества лабораторно-практических и семинарских занятий. Сокращение учебной нагрузки в учреждении высшего образования (УВО) должно вести не к сокращению штатов

профессорско-преподавательского состава, а к снижению его учебной нагрузки в пользу научной деятельности. Сокращение аудиторной загруженности студентов (три, а то и четыре «пары» каждый день – это явно много) позволяет расширить поле самостоятельной работы, приблизить дневную (недельную) нагрузку к требованиям трудового законодательства. Экстенсивный путь (в образовании особенно) большой отдачи не принесет. Не случайно в Швеции перешли к шестичасовому рабочему дню.

2. Самостоятельная работа и консультирование

Следует иметь в виду, что чрезмерная аудиторная загруженность студентов дневной формы получения высшего образования делает их общение с преподавателями обременительным, обесценивает консультации. Даже на консультациях перед экзаменами часто не возникает вопросов содержательного характера, а лишь штатные организационные. При самостоятельной подготовке потребность в консультациях возрастает. Они становятся востребованными не только непосредственно перед экзаменами.

Консультирование может быть как групповым, так и индивидуальным. Групповое консультирование осуществляется как в целых группах, так и в малых группах по интересам. Индивидуальное используется не только для «подтягивания» отстающих, но и для углубления знаний хорошо успевающих студентов, оно сродни репетиторству. Индивидуальное (отчасти и групповое) консультирование плавно переходит от управляемой самостоятельной учебной работы в научно-исследовательскую работу студентов (НИРС).

3. Курсовые работы

Выполнение курсовых работ и проектов является очень важной формой учебного процесса, поскольку углубляет знания, способствует развитию самостоятельности, приобретению навыков решения практических задач, освоению методов научного исследования, развивает творчество и инициативность. Вместе с тем, на практике курсовая часто становится обычным «довеском» к учебному процессу: в одном семестре она есть (а то и две), в другом нет. Возникают вопросы и к набору дисциплин, по которым выполняются курсовые работы, и к времени их выполнения: во время изучения дисциплины или после сдачи экзамена. Иногда вопрос о допуске к экзамену по дисциплине ставится в зависимости от результатов защиты курсовой работы. Яркие сторонники рейтинговой системы оценки знаний даже определяют удельный вес курсовой работы в так называемой «итоговой» оценке по предмету (кстати, не имеющей официального статуса). Думается, что курсовые работы должны выполняться по ключевым дисциплинам специальности во всех семестрах, кроме первого курса и заключительного семестра, что и предусмотрено рекомендациями к составлению типовых учебных планов образовательных стандартов третьего поколения. Выполняться они

должны после изучения соответствующих дисциплин, чтобы студент хотя бы со знанием дела мог выбрать тему и полностью использовать научный аппарат. У «продвинутых» студентов на написание курсовых работ уходит значительная часть рабочего времени, на предпоследнем курсе они уже обычно знают, чем будут заниматься не только в своем дипломном исследовании, но и в магистерском и так далее. Поэтому регламентируемые нормативы трудозатрат на курсовую работу от 20 до 40 часов (на проекты до 60) явно не отражают реальности. Ведь только набор текста в 30 страниц может не вложиться в отведенное время. А сколько времени надо потратить на подбор литературы, ее изучение, разработку плана, проведение исследования, формулировку выводов, оформление, учет замечаний научного руководителя, переработку и т.д.?

Для преподавателя руководство курсовыми работами существующей системой образования превращается в формальность. Планируемая учебная нагрузка на одну работу (3 часа) вынуждает его рационально подходить к своим трудозатратам: прочтение 30 страниц и написание отзыва. Само же руководство – постановка цели, задач, разработка методов, помощь в подборе литературы, мониторинг, исправление ошибок и т.д. – фактически не предусматривается нормативом. В результате могут «проходить» заказные или «скачанные» из интернета работы. В 70-е годы XX века на руководство курсовой работой планировалось 10 часов.

4. Организация учебного процесса

Образовательный процесс в высшей школе по своей «сезонности» превосходит даже сельское хозяйство. Но если в сельском хозяйстве сезонность производства объективно обусловлена природными явлениями, то в высшей школе она является рукотворным результатом деятельности самих его участников-организаторов.

Организация учебного процесса в разных УВО конечно имеет определенные особенности. Однако общим является то, что на каждом курсе два семестра и две сессии. В течение семестра параллельно изучается не менее 10 дисциплин, а в сессию сдается соответствующее количество зачетов и экзаменов. Средняя продолжительность семестра 5 месяцев, в том числе 3 недели на сессию. Такая модель сложилась и используется веками. Однако, опираясь на свой собственный студенческий и преподавательский опыт, задумаемся над вопросами эффективности наших семестров и сессий. Сессия подводит итоги работы за семестр. На каждом курсе их, как правило, две. Продолжительность сессии на стационаре, как правило, три недели и выносятся на нее до пяти экзаменов. Это значит по три дня на подготовку к каждому. Даже для отличников – это весьма серьезное испытание.

При этом следует учесть, что экзаменационной сессии предшествовала зачетная (в среднем пять зачетов), время на которую учебными планами не предусмотрено вообще, а начинаются экзамены сразу после окончания изучения теоретического курса. Это делает

зачетную сессию самым напряженным этапом в процессе обучения. Ведь расписание зачетов накладывается на расписание продолжающихся учебных занятий.

Кроме этого, идет защита курсовых работ с возможными доработками. У ряда студентов накопились отработки по текущим дисциплинам. В принципе, зачет должен автоматически получаться студентом, выполнившим практический курс. Именно так называлась правая сторона зачетной книжки старого образца. Однако на практике зачет часто напоминает экзамен с проверкой теоретических знаний с той только разницей, что оценка не дифференцируется (хотя бывают и дифференцированные зачеты). Но самое печальное в том, что отсутствие хотя бы одного зачета на стационаре не дает допуска к сдаче экзаменов. И вся экзаменационная сессия «пролетает» мимо. Почему? Ведь на заочной форме можно. Однако даже при самом благоприятном варианте успевающий студент стационара подходит к экзаменационной сессии (напомним, что предстоит сдать пять экзаменов с интервалом в три дня) уже достаточно опустошенным.

В заочной форме обучения это нередко доведено до абсурда: почти ежедневно с утра зачет или экзамен, параллельно защита курсовой или контрольной работы (возможно, с соответствующими доработками), а после обеда три или четыре «пары» аудиторных занятий.

Резонные вопросы: 1) Какие объективные причины побуждают такую «штурмовщину» два раза в год? 2) Каковы основания для нарушения трудового законодательства во время сессий, лишения студентов права на выходные дни.

В заочной форме обучения сессии предшествовал межсессионный период продолжительностью в среднем четыре месяца, в течение которого предполагалась подготовка к ней. На стационаре шли занятия по стабильному расписанию. Четыре месяца никаких заметных стрессов. Как использовалось это время на стационаре? Согласно образовательным стандартам и типовым учебным планам последнего поколения, недельная аудиторная нагрузка студента стационара не должна превышать 30 часов (без учета физической культуры). В среднем в течение семестра изучается не менее десяти учебных дисциплин, то есть три часа на дисциплину. Это значит, одно или два занятия в неделю. Из учебников психологии известно, что кривая забывания информации такова, что за первые сутки забывается свыше 40% полученной информации, за вторые – свыше 20% и так далее. Это значит, что к следующему занятию остаточная информация весьма незначительна и требует воспроизведения. Попытки поддерживать информацию в дни между занятиями бесперспективны, так как число дисциплин слишком велико. И так по всем предметам в течение четырех месяцев чередуются процессы получения и забывания информации, которую надо будет в очередной раз в полном объеме «вытянуть» из «загашников» памяти во время сессии.

Вопрос для тех, кто отстаивает преимущества данного алгоритма получения и закрепления знаний путем растягивания процесса во времени: каков уровень знаний иностранных языков у молодых специалистов после десяти (!) лет их изучения (9 в школе и 1 в университете)? И почему?

Думается, что студенты заочной формы получения высшего образования в межсессионный период просто не могут позволить себе такой затратный и неэффективный алгоритм. Жизнь заставляет их решать вопрос каждого предмета «наскоком» (за один день или за одну ночь перед экзаменом или зачетом, так как дней на подготовку во время сессий у них просто нет). Для большинства из них оценка на экзамене значения не имеет. Таким образом, в существующей практике организации учебного процесса заложена ничем не оправданная аритмия. Она вредна тем, что:

а) параллельно в течение длительного периода изучается много дисциплин, поэтому к каждой из них студент стационара обращается sporadически (1-2 раза в неделю), что обуславливает высокую степень забывания материала к очередному занятию;

б) чрезмерно высокая интенсификация труда студентов дневной формы получения высшего образования во время сессий (в особенности зачетных), вытекающая из необходимости сдачи 10 предметов (5 зачетов и 5 экзаменов) в течение месяца;

в) происходит отрыв от реальности во время сессий у «заочников», экзаменаторам приходится просто «войти в положение».

Для исправления или хотя бы «сглаживания» данного образовательного дефекта *на стационаре* надо:

а) организовать учебный процесс таким образом, чтобы параллельно изучалось не более 4–5 учебных дисциплин, но более интенсивно. Семестр в этом случае станет вдвое короче, а количество экзаменов и зачетов в одну сессию – вдвое меньше. Соответственно вдвое вырастет количество семестров и сессий. Данная мера одновременно позволит лучше решать проблему последовательности изучения взаимосвязанных дисциплин, построения и обеспечения взаимосвязи их технологических цепочек;

б) предусмотреть на подготовку к экзамену не менее 4 дней, а к зачету – не менее 2. Эта мера позволит вернуть учебный процесс во время сессий в правовое поле (выходные дни во время сессий необходимы и полезны);

в) недопуск к экзамену может быть обусловлен лишь невыполнением программы изучения данной дисциплины.

В заочной форме обучения надо:

а) проводить не менее четырех зачетно-экзаменационных сессий на курсе, с тем, чтобы на каждую выносить не более 2-3 экзаменов и 2-3 зачетов;

б) отказаться от чисто «начиточных» (кроме самой первой, установочной) и чисто экзаменационных (кроме самой последней) сессий;

в) как минимум одну лекцию проводить на сессии, предшествующей зачету или экзамену.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Журавков, М.А. Об имплементации инструментов Европейского пространства высшего образования / М.А. Журавков // Минск: Вышэйшая школа. – 2015. – № 3. – С. 3–5.
2. Шимов, В.Н. Перспективы развития высшей школы Беларуси: поиск ответов на новые вызовы / В.Н. Шимов, Л.М. Крюков. – Мн.: Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 3. – С. 79–101.

Л. А. Парфёнова

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Важнейшим фактором цивилизационного развития выступает образование и его государственное регулирование. Будет ли оно национально-замкнутым или же впитавшим в себя все основные достижения мировой культуры, элитарным или социально-ориентированным, авторитарным или демократическим, формальным, лично-ориентированным или функциональным, финансируемым из госбюджета или коммерческим (в виде оказываемых платных услуг населению) и т.д., зависит от политики образования, которую проводит то или иное государство с его правовым обеспечением. В свою очередь, содержание и направленность этой политики во многом определяется ее мировоззренческими основаниями и тем, что выступает в качестве этих оснований: гносеология или теория познания, реализованная в стратегии и тактике управления, аксиология, антология или эпистемология. Должно ли образование ориентироваться на основы фундаментальных наук в виде научных дисциплин, выражающих законы и категории этих наук, или оно изначально должно быть практико-ориентированным или ориентированным на ценности и нормы современного общества, на вызовы своего времени? Вопрос отнюдь не риторический и не управленческий. Он требует не столько ораторского искусства выражения мысли или выбора возможных вариантов управленческого решения чиновника от социального института образования, сколько

соответствующей философской мудрости в решении проблемы сущности и существования, как «мертвой» и «живой» воды в мифологии.

«Мертвой водой» в образовании становится абстрактно-схоластическое знание, ориентированное на заучивание вечных истин в виде научных категорий и понятий, которые не столько приближают учащегося к действительности, сколько отдалают его от нее как живого морального процесса или искусства, заменяя их этикой, эстетикой, логикой, риторикой и другими учебными дисциплинами.

Государственное регулирование образовательного процесса осуществляется через выработку соответствующей политики образования и ее правовое обеспечение. И то, и другое опирается на соответствующую социальную философию, философию образования и философию права.

Современной формой участия государства в образовании является политика образования, которая представляет собой координацию и регулирование образовательного процесса, связанных с обеспечением равного для всех доступа к образованию, поддержкой семьи и других субъектов воспитания, педагогического и других видов творчества. Государство оказывает финансовую (бюджетную), административную, юридическую и моральную поддержку практически всем видам образования. Реализация государственной политики происходит посредством указов, законов, постановлений правительства, общегосударственных и международных программ, международных актов. Главной задачей государственной политики образования на данный момент является обеспечение современного качества образования на фундаменте старой системы, при этом учитывая актуальные потребности как личности, так и общества в целом. Именно этой цели и служит разработанный и принятый Кодекс Республики Беларусь об образовании, в котором излагаются основы правового регулирования в сфере образования.

Однако принятие закона об образовании еще не означает, что он будет выполняться на всех уровнях и станет фактом правового сознания большинства населения. К тому же, как считает известный российский философ права В.С. Нерсисянц, закон и право далеко не одно и то же. Основы права и правового сознания заключены в самой культуре общества, в то время как закон может приниматься в зависимости от насущных потребностей и интересов государства. В типологически обобщенном виде, считает он, можно выделить три основные концепции правопонимания: 1) легистскую (позитивистскую) концепцию, 2) естественно-правовую концепцию и 3) либертарно-юридическую концепцию.

Согласно легистскому подходу, под правом и его ценностным значением имеется в виду продукт государства (его власти, воли, усмотрения, произвола). Право приказ (принудительное установление, правило, норма, акт) официальной государственной власти, и только это

есть право. Здесь право сводится к принудительно-властным установлениям, к формальным источникам так называемого позитивного права (законам, указам, постановлениям, обычному праву, судебному претенденту и т.д.), то есть к закону (в собирательном смысле) – к тому, что официально наделено в данное время и в данном месте законной (властно-принудительной) силой.

Такое легистское отождествление права и закона (позитивного права) является принципом и смыслом так называемого «юридического позитивизма» (и неопозитивизма), который, по существу, является не юридическим, а именно легистским позитивизмом. Легистское (позитивистское) правопонимание присуще разного рода авторитарным, деспотическим, диктаторским, тоталитарным подходам к праву.

Согласно естественно-правовому подходу, право («собственно право», «настоящее право» и т.д.) – это естественное право, которое противопоставляется праву позитивному (сам термин «позитивное право» возник в средневековой юриспруденции) [3, 6].

Политика и право в данном случае – две стороны единого цивилизационного процесса. Прежде чем разработать такую политику, ее творцы, прежде всего, должны представлять, в чем выражается сущность самого государства как социального института, как оно связано с существующей социально-культурной действительностью в качестве всемирного исторического процесса или локальной цивилизации, чем отличается правовой закон от простого произвола государственного чиновника, должно ли оно принимать в расчет менталитет народа и национальные интересы или же руководствоваться лишь той или иной государственной идеологией. Какую роль в выработке правового закона играет нравственный универсум и достигнутая степень приближения к нему в том или ином обществе?

Отвечая на этот вопрос, Гегель в своих философских изысканиях приходит к выводу, что государство как «нечто разумное в себе» и есть «этот нравственный универсум» [1, 55]. Стремясь более лаконично выразить суть этой идеи, Гегель прибегает к ее сравнению с образом «архитектурного» сооружения: государство – это своего рода завершенное здание, «архитонику» которого составляет «богатая расчлененность нравственного в себе», которая в то же время представляет собой «силу целого из гармонии его членов» [1, 49].

Ориентируясь на нравственные абсолюты, Гегель, вслед за Платоном исходил не столько из реального положения дел, требований своей эпохи и вызовов времени, сколько из идеальных представлений о совершенстве. Само же историческое развитие он представлял как социальный прогресс, а образование как способ овладения абсолютной идеей в виде накопленных человечеством знаний с помощью социализации или включения подрастающих поколений людей в культуру.

Однако развитие общества не сводится лишь к линейному процессу, но включает в себя исторические циклы в виде эпох, цивилизаций, союзов государств и т.д., имеющие свои проблемы, решаемые только здесь и сейчас или в рамках складывающейся ситуации. Каждая из эпох и цивилизаций характеризуется своей системой ценностей и норм, задающей соответствующий смысл деятельности людей, с которыми вынужден считаться государственный деятель при выработке политики. Цивилизации Востока и Запада, Севера и Юга, цивилизации различных религий и различных стран, континентов и островов, регионов, теоретически возможно и поселков городского типа (впрочем, всему есть предел), – это реалии.

Проблемы формирования новой политики не решить без обращения к широким символическим мировоззренческим вопросам и конкретным символам. В большинстве случаев именно политическая сфера распределяла ценности в той иерархии, которая нужна была для решения государственных задач в тот или иной период. К примеру, патриотизм любовь к своему Отечеству, качество именно воспитываемое, и, конечно же, государство содействует развитию этого качества в каждом гражданине страны.

Культура и цивилизация находятся в диалектической связи, описываемой категориями тождества, различия и противоположности. Если под культурой понимается все то, что создается, культивируется обществом в процессе его жизнедеятельности, а под цивилизацией – неперенные объективные основы указанного созидания (наука, техника, производящая экономика, определенные формы социально-политической организации и т. п.), то очевидно, что здесь акцентируются моменты различия.

Цивилизация – составная часть и этап развития культуры – может быть определена как особое явление в культурном времени и пространстве, характеризующееся становлением и утверждением рационально-технических структур в обществе, рационалистических приоритетов в духовной жизни. Эта составная часть может противопоставить себя целому, превратившись в его антипод. Цивилизация представляет собой замкнутый, ограниченный в пространстве и времени мир. Она может быть как основой, стартовой позицией, так и препятствием в деле реализации потенций культурного творчества, которые беспредельны.

Образование в условиях цивилизационного развития просто вынуждено опираться на менталитет своего народа и национальные интересы государства, хотя далеко и не всегда это осознается. Образование не имеет ценности без культуры.

К настоящему времени на Западе сложились две модели культурной и образовательной политики, которые отражают во многом противоположные взгляды на отношения государства и культуры. Первую

представляет Франция. Эта модель означает один из вариантов максимально возможного участия (вмешательства) государства в управление культурой. Вторую модель представляют США, где отношения государства и культуры сведены к минимуму. Остальные западные страны занимают промежуточное положение между этими двумя полюсами. Учитывая, что система образования в целом, а в особенности высшего образования, сейчас переживает определенный кризис во всем мире, приходится не ограничиваться лишь ориентацией на включение в глобальный процесс, но и руководствоваться принципами цивилизационного развития. К сожалению, нет однозначных, пригодных на все случаи рецептов, позволяющих выработать правильные решения. Понятно, что эта ситуация так или иначе сказывается и на законодательных основах образования.

Проблема воспитания человека остается открытой и здесь, так как остается открытой проблема самого человека. Человечество накопило, благодаря науке, множество фактов, но так и не овладело знанием о той внутренней пружине, которая направляет развитие всего мироздания. Человек стремится разгадать загадку Вселенной, ибо хочет разгадать самого себя. И, наоборот, через познание себя познает законы высшего порядка. Познанием же себя с древнейших времен человек занимается благодаря философии, которая, в свою очередь, становится основой воспитания и образования. Мир далек от совершенства, и люди, задаваясь вопросом, откуда зло в мире, чувствуя, что сам человек является ареной борьбы сил добра и зла, неизбежно обращались к проблемам воспитания. Общество, стремящееся к разумному устройству, всеобщему благу, заинтересовано в тех, кто придет на смену старшего поколения.

Жизненными составляющими человека XX века являются образованность, гражданственность, цивилизованность. К сфере образованности мы относим науку, искусство, нравственность, религию и идейные течения, к гражданственности право и государственность, цивилизованность характеризуется уровнем развития техники и хозяйства в целом. Все эти слои общественной жизни чрезвычайно тесно контактируют и доминирующее значение какой-либо стороны жизни выделить довольно сложно, это обуславливает идейные шатания в мировоззрении современного человека, который ищет и старается определить доминанту, прежде всего собственной жизни.

Данная проблематика является основой философии образования как особой философской области. Какой должна быть система воспитания и на каких методологических принципах она должна основываться? Ответ на поставленный таким образом вопрос относится, прежде всего, к компетенции социальной философии и философии образования. Только

они в состоянии выступить исходным пунктом для выработки государственной стратегии развития данной отрасли, и только они являются олицетворением выражения требований к ней всего общества, и стоящих перед ним актуальных проблем.

Социальная философия и ее специальная отрасль философия образования призваны выработать институционально организационные принципы государственного регулирования воспитательным процессом, являющиеся выражением как теоретического, так и практического мышления. Но для этого требуются, прежде всего, определение мировоззренческих составляющих государственного регулирования воспитательным и образовательным процессом и выработка теоретических принципов его осуществления. Одним из таких принципов является политизация общественной жизни.

Политизация общественной жизни процесс вполне объективный и закономерный, но когда он затрагивает сферу духовной жизни, формируя специфический тип мировоззрения, тогда можно говорить о таком, характерном для XX века, явлении, как политизм. При политизме абсолютизируются политические отношения, классовое доминирует над общественным, воинствующий интернационализм над пацифизмом, любое средство оправдывается самой высокой целью и человек лишается определенной автономии, становясь лишь встроенным механизмом, легко заменяемым в случае необходимости. Личность имеет цену постольку, поскольку обеспечивает интересы государства. Политизм, таким образом, требует от человека не только вполне определенного поведения, но и определенного образа мыслей. «Политизм разбухает до столь больших размеров, что не может контролировать себя. Он культивирует мышление жесткими стереотипами, политическое морализаторство переплетается с цинизмом» [2, 129].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Кулэ, М. Духовность, смысл и политизм / М. Кулэ // Человек и духовность: сборник статей / отв. ред. В. Г. Федотова. Рига: Зинатне, 1990. – С. 124 – 132.
3. Право и культура / В.С Нерсесянц., Г.И. Мурмцев, Г.И. Мальцев, Е.А. Лукашева и др.: монография. М.: Изд-во РУДН, 2002. 423 с.

¹ Т. Н. Чечко, ² Е. В. Балацун

¹ кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

² студентка филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПОНЯТИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

В рамках высшей педагогической школы активно внедряются различные образовательные инновации. Обеспечивая подготовку учителей для современной общеобразовательной школы в вузах, в соответствии с образовательными стандартами и социальными запросами общества, активно проводятся научные исследования и апробируются методические разработки на компетентностной основе. Профессиональная подготовка в высшей школе в целом ориентирована на формирование социально-профессиональной компетентности специалиста, предполагающей владение академическими, социально-личностными и профессиональными компетенциями. Компетенции характеризуются как *интегративно-целостные дидактические единицы*. И, таким образом, компетентностным целям профессионального образования более всего соответствует *разноуровневая интеграция* как операциональный механизм формирования ключевых компетенций, разработанный на основе концептуального основания данного процесса – *интегративной целостности компетентностного обучения*. Принципиальные возможности разноуровневой интеграции, ее «интегративный эффект», связаны с преодолением предметной замкнутости, обеспечением мотивированного включения обучаемых в сознательное освоение содержания образования и активное овладение ими соответствующими способами учебно-познавательной деятельности. Данный эффект достигается не путем увеличения учебного времени или включения в учебные планы новых дисциплин, а благодаря оптимизации содержания образования посредством интегративных понятий, которые придают учебному материалу качества интегративности и интегрированности, системности и целостности, компактности и образовательной ёмкости [1, 8].

В качестве наглядного примера оптимизации содержания образования посредством инкрустации интегративных понятий в статье будут рассмотрены две учебные дисциплины «Устное народное творчество» и «История древнерусской литературы».

Процесс формирования ключевых компетенций будущих учителей русской словесности начинается с изучения учебной дисциплины «Устное

народное творчество». Акцентируя внимание на таких интегративных понятиях, как «*фольклорный синкретизм*», «*мифопоэтическое сознание*», «*фольклорный историзм*» студенты постигают народный взгляд на мир, уясняют особенности отражения в фольклоре истории и жизненной правды (в частности в легендах и преданиях, включенных в состав «Повести временных лет») [2, 59].

Так, использование понятия «*фольклорный синкретизм*» позволяет показать студентам, что фольклор, являясь синкретическим видом искусства, тесно связан с музыкой, театром, танцем, изобразительным искусством, народными ремеслами. Актерская игра, искусство пения и исполнения влияют на стиль фольклорных сказок, песен, былин и т.д., «плясовой ритм теснит слова» [3, 8]. Как искусство устного слова фольклор служит своеобразным мостом, который соединяет педагогический вуз и школу с исполнительскими видами искусства, которыми владеют певцы и рассказчики (исполнители былин – сказители). В этой связи в учебный процесс могут широко привлекаться художественные произведения, основанные, с одной стороны, на слове, а с другой – на звуке и изображении. Всевозможные мультимедийные материалы (кинофрагменты, телеконцерты и т.д.) помогают познакомить студентов с лучшими русскими народными песнями в трактовке таких знаменитых исполнителей, как Ф. Шаляпин, С. Лемешев, Л. Зыкина, Д. Хворостовский, а также лучших фольклорных ансамблей и ансамблей народной песни. Воспринимая «художественную информацию» и в рамках учебных занятий, и во внеучебное время (на кураторских часах), первокурсники осваивают *методику комплексного воздействия разных видов искусства* на формирующуюся личность школьника, развивают в себе умения сравнивать, сопоставлять разные виды искусства, определять общее и особенное в близкородственных художественных явлениях и процессах.

Опора на базовые интегративные понятия, вокруг которых группируется ранее изученный материал «*типы поэтики художественного обобщения*», «*народная этика и эстетика*» позволяет произвести обобщающее сравнение жанров, которые тяготеют к типизации (бытовые сказки, предания) и жанров, которые тяготеют к идеализации (былины, песни, легенды), а также показать, что этика и эстетика в фольклоре, особенно в идеализирующих жанрах, тесно связаны. Так, безобразие внешнее и безобразие внутреннее здесь постоянно находятся в полном соответствии – внутреннее безобразие отражается во внешнем безобразии (Кощей Бессмертный, Соловей-разбойник), оценки лишаются какой-либо «амбивалентности» – «поганый собака Калин-царь», «травяной мешок» – оценка своего коня Ильей Муромцем. Студенты должны осознавать, что фольклор как вид коллективного творчества, в отличие от произведений «индивидуального гения» (Максим Горький), отражает нравственно-эстетические идеалы народа, его понимание добра и зла,

прекрасного и безобразного. Народные творения, передаваясь по памяти из уст в уста, проходят «сквозь значительный слой народного понимания» (А. А. Потебня) [3, 10]. Осваивая эти качества народного миропонимания, студенты тем самым приобщаются к глубинным основам народной этики, вооружаются надежными, проверенными временем духовно-нравственными критериями решения как житейских, так и учебно-профессиональных проблем.

В качестве структурообразующего стержня учебного материала по «Истории древнерусской литературы» можно использовать понятие «*стили эпохи*». Структурированное на основе эпохальных стилей содержание учебной дисциплины позволяет в процессе обучения решить ряд дидактических задач: работать с «большим временем», «долгими процессами» в их целостности (а не только с отдельными художественными произведениями); выявлять систему, остов, объединяющий всю совокупность конкретных сведений по тому или иному историко-литературному периоду; раскрывать своеобразие решения этических, философских, мировоззренческих проблем в границах того или иного периода.

Так, студенты имеют возможность изучить литературоведческие и нравственно-эстетические характеристики произведений искусства, созданных по канонам «больших эпохальных стилей»: стиль монументального историзма XI–XIII вв., эмоционально-экспрессивный стиль XIV в., стиль психологической умиротворенности XV-нач. XVI в., смеховой стиль повестей XVII в., стиль барокко XVII в. Таким образом они овладевают основным объемом интегрированных знаний и способов учебно-профессиональной деятельности: обучаются приемам межпредметного обобщения литературоведческих знаний, сопоставляют и обобщают приметы того или иного стиля эпохи на материале различных видов искусства, отбирают соответствующие произведения иконописи и зодчества.

Если на основе понятия «*стиль эпохи*» учебный материал концентрируется в целостные и относительно самостоятельные дидактические единицы в границах отдельных историко-литературных периодов (XI–XIII вв.; XIV–XV вв.; XVI в.; XVII в.), то на основе понятия «*прогрессивные линии развития древнерусской литературы*» синтез знаний и представлений студентов может быть осуществлен уже по всему русскому литературному Средневековью от X в. по XVII в. включительно. Рассмотрение прогрессивных линий в развитии литературы позволяет объединить отдельные части курса и представить древнерусскую литературу в виде целостной картины, зафиксировать в сознании студентов самые глубокие, структурные изменения художественного мышления средневековых писателей.

Сущность изменений заключается в следующем: от века к веку в древнерусской литературе наблюдается рост гуманистического начала. «От открытия ценности целого класса, целого слоя общества» средневековые писатели неуклонно идут «к определению ценности

отдельной личности самой по себе» (Д. С. Лихачев); от эпохи к эпохе средневековое искусство становится все более личностным, в нем усиливается личностное (авторское, индивидуальное) начало. Индивидуальный авторский стиль особенно явственно заявляет о себе в XVI веке в произведениях Ивана Грозного, а затем в сочинениях Аввакума и его сподвижника Епифания. За пределами древнерусской литературы великие стили, охватывающие все области человеческого духа, сменяются более узкими направлениями в литературе и искусстве, а затем направлениями, организующими только литературу или только какую-то ее часть (например, поэзию). На смену великим стилям и направлениям приходят индивидуальные стили, роль которых все увеличивается по мере роста в литературе личностного начала.

Демонстрируя студентам линии прогрессивных изменений, мы тем самым приобщаем их к историзму, к пониманию того, что каждый писатель является представителем своего времени, подчиняется его закономерностям, творит в пределах тех возможностей, которые перед ним открывает эпоха и окружающее его искусство.

Не менее важным в формировании профессионального подхода к произведениям литературы и искусства в целом является и освоение следующего интегративного понятия – *«принцип художественного обобщения»*. Как и художественная система фольклора, древнерусская литература представляет собой высокоупорядоченную структуру. Однако структура эта от века к веку меняется, совершенствуется. Вначале в древнерусской литературе доминировал *идеализирующий* принцип художественного обобщения действительности – с его каноничностью, этикетностью, когда писатель «не столько изображает жизнь, сколько преобразует и «наряжает» ее [4, 222], исходит из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению» [4, с. 219]. Затем, особенно к XVI–XVII вв., обобщающую идеализацию начинает теснить *типизирующий принцип* – с его конкретностью, реалистичностью, психологизмом. Литература все больше сближается с действительностью, все больше строится из «вещества», захваченного в действительности» (Д. С. Лихачев). С другой же стороны, она все больше преодолевает средневековой символизм, в ней снижается прямолинейная условность. Хотя типизация и в эти века не вытесняет до конца идеализацию, а скорее дополняет ее. Проблемно-интегративное изложение учебного материала предусматривает рассмотрение древнерусской литературы в широкой исторической перспективе как составной части тысячелетней истории русской литературы в целом. Важно акцентировать внимание будущих учителей-филологов на следующем: литература русского Средневековья не замкнута в себе, в ней совершались процессы, которые постепенно подготовили появление литературы нового времени; постепенно возрастали личностное и гуманистическое начала, происходили изменения в области художественного времени и

пространства, поэтики художественного обобщения и др. (от соблюдения «чистоты» жанрового канона до взаимопроникновения, смешения жанрово-стилевых начал). Такое структурирование учебного материала позволит с первых дней обучения в вузе эффективно формировать профессионально важные для филолога компетенции: учебно-познавательные, историко-функциональные, метасистемные и коммуникативно-деятельностные.

Таким образом, использование интегративных понятий в процессе формирования ключевых компетенций студентов-филологов способствует: на *внутридисциплинарном* уровне освобождению учебного содержания от мелкотемья, избыточного соотношения «всего со всем», формированию у студентов способности обобщать, выделять главное; на *междисциплинарном* уровне активизации междисциплинарных связей, в первую очередь, между литературоведческими и лингвистическими дисциплинами; на *межцикловом уровне* (уровне связей между искусством слова (устного и письменного) и смежными видами искусства) – формированию умений работать с большими объемами научной и художественной информации, обобщать и классифицировать ее. Это позволит: осваивать литературоведческие дисциплины в широком культурологическом контексте; актуализировать огромный духовно-нравственный потенциал литературы посредством выявления образовательных доминант и установления межпредметных связей; овладеть активными методами педагогики искусства как эффективным средством воздействия на развивающуюся личность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимов, В. И. Интегративные основы моделирования содержания литературного образования в педагогическом вузе / В. И. Анисимов. – Минск : Нац. ин-т образования, 1999. – 240 с.
2. Чечко, Т. Н. Формирование ключевых академических компетенций будущих учителей-филологов : монография / Т. Н. Чечко. – Мозырь : УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2016. 188 с.
3. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество : учебник / В. П. Аникин. М. : Высш. шк., 2001. 726 с.
4. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы: смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. СПб. : Алетейя, 2001. 566 с.

М. М. Шчэрбін

асістэнт кафедры гісторыі і метадыкі выкладання
гісторыі МДПУ імя І. П. Шамякіна
(г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь)

**АДНОСІНЫ ДА РАДЗІМЫ-НАРОДА Ё СІСТЭМЕ ЗМЕСТУ
ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНАГА ВЫХАВАННЯ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ПЕДАГАГІЧНАЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ
XIV–XV СТСТ.)**

Адказнасць і імкненне садзейнічаць дабрабыту сваёй Радзімы вызначаюць накіраванасць грамадзянска-патрыятычных адносін да Радзімы-народа. Адною з запатрабаваных якасцей у змесце грамадзянска-патрыятычнага выхавання XIV–XV стст. у межах вылучанай накіраванасці з’ўлялася **дабрачыннасць і ўзаемадапамога** ў адносінах да іншых. Альтруістычны характар дадзенай якасці на беларускіх зямлях быў абумоўлены шмат у чым культурна-побытавым адзінствам, якое мела глыбокія вытокі, скіроўвала да прыхільных узаемаадносін у межах калектыву, грамады, супольнасці. Гістарычная падтрымка кожнага члена абшчыны выступала важным сродкам самаразвіцця асобы на ўсходнеславянскіх землях. *“Уважительный и добрый будь ко всякому человеку, и за глаза и в глаза”* – это способ *“достичь многого в глазах Бога и людей”*, – сцвярджалі старажытныя крыніцы, настаўляючы маладое пакаленне [1, 497].

Неабходнасць суаднясення сваіх учынкаў з зацверджанымі нормама і правіламаі супольнай жыццядзейнасці мела значнае выхаваўчае ўздзеянне на асобу, была сугучна ідэям актыўнай добрачыннасці ў адносінах да іншых. *“Не место делает добродетельным, но добродетели место украшают”*, – былі ўпэўнены нашы продкі [2, 486]. Разуменне добрачыннасці абапіралася на ідэю “агульнага добра”, што трымала ўсю светапоглядную сістэму сярэдневяковага чалавека, заснаваную на хрысціянскім чалавекалюбстве. *“Вспомни голод во время сытости, бедность и убогость во время изобилия, с утра и до вечера переменится время”*, – падкрэслівалі фларэлегіі, высока ацэньваючы ўменне спачуваць і дапамагаць іншым як адну з важных асобасных якасцей [2, 477].

Характэрнай рысай увасаблення грамадзянска-патрыятычнага характару добрачыннасці і ўзаемадапамогі на беларускіх землях з’яўлялася адсутнасць нянавісці і знявагі да “чужога”, хаця ў беларусаў *“свая сарочка*

бліжэй да цела”, бо “на чужыне як у дамавіне” [3, 470; 354]. Супрацьпастаўленне “свой-чужы” засноўвалася на традыцыйнай антытэзе “добры-дрэнны”, што ілюстравала існаванне светлага і цёмнага пачаткаў Сусвету і магчымасць свабоднага жыццёвага выбару чалавека. У рэчышчы ідэй служэння свайму народу імкненне да дабрачыннасці падтрымлівала паважлівыя адносіны паміж людзьмі. У выніку дабрачыннасць выступала важным сродкам фарміравання грамадзянска-патрыятычнай скіраванасці такіх асобных якасцей, як міласэрнасць, спагадлівасць, чулівасць, што абумовілі запатрабаванасць ўзаемадапамогі да іншых, адказнасці за свой народ і краіну. “Добрыя дела светятся в веках”, – лічылі нашы продкі [4, 339]. Дадзеныя перакананні паўплывалі на адсутнасць агрэсіі і варожасці ў адносінах да іншых, садзейнічалі фарміраванню гуманістычнай скіраванасці рыс і якасцей зместу выхавання патрыёта і грамадзяніна на беларускіх землях у XIV–XV стст.

Неабходнасць быць карысным іншым людзям як значную асобную якасць чалавека-патрыёта і чалавека-грамадзяніна вылучалі старажытныя крыніцы, якія падкрэслівалі, што “человек добрый тот, кто пользу приносит” [2, 479]. Па гэтай прычыне агульную вядомасць і ўсхваленне на беларускіх землях набылі тыя, хто “ўпрыгожылі” сябе добрымі справамі – Кірыла Тураўскі і Ефрасіння Полацкая [2, 477].

Рэлігійна-асветніцкая дзейнасць Кірылы Тураўскага з’яўвілася прыкладам рэалізацыі добрых спраў дзеля агульнай карысці, што насіла ярка выражаны патрыятычны характар і на стагоддзі стала ўвасабленнем спалучэння глыбокай веры і адданага служэння людзям. Аснову светапоглядных меркаванняў Тураўскага епіскапа складала хрысціянская філасофія. Сярод шэрагу дабрачыннасцей, якія вызначаюць сапраўднага чалавека, ён вылучаў найперш “моральную чистоту, милосердие, любовь ко всем” [4, 158]. Кірыла Тураўскі лічыў, што толькі шчырая вера і добрыя справы дазваляць стаць на “шлях да Бога”, выратуюць чалавека ад забыцця. “Постучитесь – и откроется вам! Ищите – и обряцете! Просите – и дастся вам!” [4, 159].

Вядомы хрысціянскі пастулат “не затем пришел, чтобы мне послужили, а чтобы самому послужить” асветнік тлумачыў літаральна – праз дабрадзейныя справы кожнага і любоў да ўсіх незалежна ад становішча і пасады [4, 182]. Такі патрыятызм з моцным падмуркам у выглядзе любові да бліжняга, закладзены Кірылам Тураўскім, саставіць адметную асаблівасць зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання XIV–XV стст., знойдзе гістарычнае замацаванне ў ментальна-светапоглядных перакананнях нашых продкаў.

Ідэі Кірылы Тураўскага падзяляла не менш вядомая беларуская асветніца Ефрасіння Полацкая. Актыўная культурна-асветніцкая дзейнасць падзвіжніцы была накіравана на агульнае дабро: распаўсюджванне “*ученія кніжнаго*”, перапісванне кніг, будаўніцтва храмаў і манастыроў – усё для магчымасці не толькі набліжэння да Бога, але і для плёну свайго народа. Яна паказала “прыклад руплівага служэння на карысць грамадства і Айчыны” [5, 67]. Прападобная стала “сімвалам духоўнага служэння сваёй Радзіме, невычэрпнай крыніцай маральнай сілы і духоўнага адраджэння народа” [4, 297].

Такім чынам, дабрачыннасць і ўзаемадапамога як значныя грамадзянска-патрыятычныя якасці выступалі асновай адносінаў чалавека ў дачыненні да іншых людзей, садзейнічалі фарміраванню гуманістычных якасцей патрыёта і грамадзяніна ў даследуемы перыяд.

Запатрабаванымі якасцямі зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання XIV–XV стст. у адносінах да Радзімы-народу з’яўляліся **руплівасць і працавітасць**, што з’яўляліся асновай клапаціласці аб сваёй Радзіме.

Для чалавека Сярэднявечча аднаведнасць агульнапрызнаным нормам і прыхільнасць традыцыям – важныя ўмовы асобнага росту і развіцця, увасабленне якіх у жыццё адбывалася ў выніку выканання сваіх звычайных абавязкаў. “*Если сегодняшний день хорошо устроишь, то в будущем времени жди добра*”, – павучалі старажытныя філосафы [2, 477]. У сувязі з гэтым, праца разглядалася не толькі ў якасці сродку існавання, але і як магчымасць праяўлення сваіх здольнасцей і ўменняў у рэчышчы агульнай карысці і дабрабыту. Нашы продкі жадалі прывучыць маладое пакаленне да стараннасці і працавітасці, а таму сцвярджалі – “*и большего можешь достичь малым потом*” [4, 253]. Да абавязковай штодзённай працы заклікаў сваіх нашчадкаў Уладзімір Манамах, які на ўласным прыкладзе адзначаў, што ўсё жыццё трэба “*... не лениться, а трудиться*” [4, 124]. Складальнікі фларэлегій звярталі ўвагу на марны лад жыцця тых, хто абьякавы да працы: “*Ленивый хуже больного: больной хотя и лежит, да не ест, а ленивый – и лежит и ест*” [1, 499]. Згодна з гэтым была і народная мудрасць: “*Не той хорои, хто тварам прыгож, а той хорои, хто на справу гож*” [3, 388]. Шматлікія беларускія прыказкі і прымаўкі праслаўлялі працу, надавалі ёй выключнае значэнне ў жыцці асобы: “*Хто хоча шчасліва жыць, той працу павінен любіць*”, “*Хто любіць працаваць, той не будзе доўга спаць*”, “*Хто дбае, той і мае*” [3, 553; 552].

Праца на зямлі як асноўны занятак беларусаў на працягу стагоддзяў атаясамлівалася з жыццём, дастаткам, дабрабытам, а таму з’яўлялася

пачэснай справай для кожнага. Па гэтай прычыне земляробства – аснова вытворчасці нашых продкаў – не разглядалася ў якасці спосабу ўзбагачэння і засноўвалася на беражлівым стаўленні да зямлі. У сувязі з тым, што *“все, что чрезмерно, пагубно”* для чалавека, былі перакананы нашы продкі [1, с. 499]. Выключны характар такой працы падкрэслівала і народная педагогіка *“хто маці-сыру зямлю любіць, той галодным не будзе”*, – адзначалі прыказкі [3, 556].

Земляробчая праца надзялялася высокай маральнай значнасцю – *“хто сее хлеб, той сее праўду”*, лічылі ў народе [3, 562]. І як слушна зазначае Т. І. Шамякіна, *“згодна мудрай філасофіі нашых продкаў. сапраўдная праца – толькі праца на зямлі”* [6, 237]. Менавіта яна выступала не проста спосабам захавання і перадачы наступным пакаленням пэўных гаспадарча-побытавых навыкаў і звычаяў, а *“спосабам быцця, дзякуючы якому фарміраваўся погляд на свет”* [6, 48].

Па гэтай прычыне працавітасць, дбайнасць, гаспадарлівасць разглядаліся традыцыйнымі якасцямі чалавека, які неабыйкавы да сваёй Радзімы, а лянота ці безуважнасць расцэньваліся як цяжкі грэх. *“Лень мать всех пороков”*, – адзначалі з гэтай нагоды старажытныя філосафы [1, 482]. Адпаведна адным са спосабаў садзейнічаць дабрабыту сваёй Радзімы, даступным для кожнага, з’яўлялася плённая праца для агульнай карысці і добрасумленнае выкананне сваіх непасрэдных абавязкаў, што знайшло замацаванне ў змесце выхавання патрыёта і грамадзяніна XIV XV стст.

Адказнае стаўленне да сваёй Радзімы-народу праяўлялася таксама ў **захаванні звычаяў і традыцый**, што выступала каштоўнай грамадзянска-патрыятычнай якасцю ў даследуемы перыяд. Арыентаванасць на цесную ўзаемасувязь з мінулым, як форма спадчыннасці, з’яўлялася асновай развіцця народа, яго стабільнасці, валодала значнымі педагогічнымі магчымасцямі. Па гэтай прычыне захаванне сваіх традыцый пазіцыянавалася важным жыццёвым рэсурсам таму, што *“все новое хорошо, но старое всего лучше и крепче”*, падкрэслівалі нашы продкі [1, 496]. Адданасць сваім звычаям абумовіла грамадскую каштоўнасць традыцыяналізму на беларускіх землях, які падтрымліваў звычайнасць быцця. Нямецкі філосаф В. Вундт лічыў, што звычай мае найгалоўнейшае значэнне ў адлюстраванні *“духу народа”* побач з міфам і мовай [7, 30]. Звычай, на думку даследчыка, прадстаўляе сабой *“агульны накірунак волі народа”*, які адлюстроўвае архетыпы яго дзеянняў і паводзін у адносінах усяго навокал [7, 30].

Услед за грамадска-педагагічнай думкай народная мудрасць таксама адзначала неабходнасць прытрымлівання сваіх звычаяў у якасці важнай крыніцы захавання сваёй самабытнасці – *“воўк кожны год ліняе, а звычая не мяняе”*, былі ўпэўнены нашы продкі [3, 213].

У сувязі з гэтым аддана сць традыцыйным формам жыццядзейнасці валодала значным патэнцыялам у фарміраванні прыхільнасці канкрэтнай зямлі, народу, краіне. Адпаведна традыцыяналізм, як “арыентацыю на даўніну і прытрымліванне некалі прынятых узораў” варта разглядаць у якасці важнай каштоўнасна-светапогляднай дамінанты сярэдніх вякоў [8, 57]. Моцныя сацыякультурныя асновы такой прыхільнасці абумовілі неабходнасць падтрымання адпаведнай сістэмы звычаяў і традыцый як увасабленне імкнення да дабрабыту свайго народа. Па меркаванні Ю.В. Чарняўскай, менавіта традыцыйныя каштоўнасці “складаюць нацыянальны вобраз, у спрошчаным выразе мадэль свету”, якая вызначае жыццёвыя прыярытэты этнасу, аказвае ўплыў на эвалюцыю яго выхаваўчых арыенціраў [7, 28].

Складальнікі фларэлегій, акцэнтуючы ўвагу на важным значэнні пераемнаснай сувязі пакаленняў праз захаванне сваіх звычаяў і традыцый, былі перакананы, што *“сад, часта пересажываемый, плода не прыносіць”* [2, 484].

Фальклорныя крыніцы таксама падтрымлівалі гэтую думку, слухна падкрэсліваючы, што *“без глыбокага кораня дуба не бывае”* [3, 85]. Важнае выхаваўчае значэнне мела паступовае далучэнне індывіда да фальклорнай і песеннай традыцый, удзел з дзяцінства ў каляндарнай і сямейнай абраднасці, выкананне разнастайных паўсядзённа-побытавых звычаяў – усё гэта спрыяла фарміраванню цікавасці да свайго мінулага, разумення неабходнасці яго захавання і абароны для наступных пакаленняў, насіла ярка выражаны грамадзянска-патрыятычны характар. Акрамя таго, абумовіла пэўны вектар этнакультурнага развіцця народа ў межах усходнеславянскай культурнай прасторы, што мела важнае значэнне для фарміравання зместу выхавання патрыёта і грамадзяніна ў XIV–XV стст.

Традыцыйнасць для беларусаў – як “адмысловая форма пераемнасці”, на думку Т.І. Шамякінай, насіла ярка выражаны патрыятычны характар, была накіравана на “захаванне нябачнай сувязі пакаленняў”, як важнай умовы паступальнага развіцця народа [6, 238]. Ва ўмовах этнічнай ідэнтыфікацыі каштоўнасныя адносіны да сваіх звычаяў і традыцый рабілі больш мэтанакіраваным працэс фарміравання беларускай народнасці, садзейнічалі замацаванню этнакультурных

асаблівасцей, ментальных пераваг, прыхільнасць якім адыгрывала важную ролю ў змесце грамадзянска-патрыятычнага выхавання XIV–XV стст. Адпаведна захаванне сваіх звычаяў і традыцый з’яўлялася значнай грамадзянска-патрыятычнай якасцю, што перадавала пераемнасную сувязь чалавека са сваім мінулым, яго здабыткамі і каштоўнасцямі.

Такім чынам, добразычлівасць і ўзаемадапамога, руплівасць і працавітасць, захаванне сваіх звычаяў і традыцый як грамадзянска-патрыятычныя якасці ў адносінах да Радзімы-народу ў XIV–XV стст. з’яўляліся адлюстраваннем адказнасці да пэўнай этна-культурнай супольнасці, абумовілі *дамініраванне гісторыка-культурнага традыцыяналізму ў фарміраванні зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання беларусаў.*

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Наставление отца сыну // Памятники литературы Древней Руси. XIV – сер. XV века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева [и др.]. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 496–500.
2. Пчела // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Вступит. статья Д. С. Лихачева; общ. ред. Л. А. Дмитриева [и др.]. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 474–486.
3. Лепешаў, І. А. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 695 с.
4. История общественной и философской мысли в Беларуси: эпоха Средневековья: хрестоматия: пособие / авт.-сост. В. В. Старостенко. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2009. – 396 с.:ил.
5. Житие блаженныя Еуфросинии // Старажытная беларуская літаратура: Зборнік / уклад. Л. С. Курбека [і інш.]; Прадм. У. Г. Кароткага. – Мінск: Юнацтва, 2002. – С. 65–78.
6. Шамякіна, Т. І. Міфалогія Беларусі (нарысы) / Т. І. Шамякіна. – Мінск.: Маст. літ., 2000. – 400 с.
7. Чернявская, Ю. В. Народная культура и национальные традиции: Пособие для учителей / Ю. В. Чернявская. – Минск: Беларусь, 2000. – 199 с.
8. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич – М.: Изд-во «Искусство», 1984. – 350 с.

РАЗДЕЛ IV

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

¹ В. А. Егорова, ² Н. А. Артюшко

¹ студентка филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

² студент филологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

Научный руководитель **С. В. Телепень**, кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры истории и методики преподавания истории
МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

РИМСКИЕ *NOBILES*: ТЕРМИН И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ (В СВЕТЕ ДАННЫХ ЛАТИНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ)

Термин *nobiles*, хорошо известный филологам-классикам и историкам-антиковедам, довольно часто встречается в латиноязычных источниках римского времени, где он обычно используется для обозначения аристократии. Однако, по крайней мере, с начала XX в. однозначность трактовки данного термина уступает место дискуссионности в его толковании. Начало этим научным спорам было положено первопроходцем просопографического метода в историко-филологических исследованиях Матиасом Гельцером. Еще в 1912 г. он выступил со статьей, в которой утверждал, что в I в. до н. э. нобилиями римляне называли консуляров и тех из числа знати, кто мог указать консулов среди своих предков [1]. Несколько позже Гельцер попытался применить свои выводы и аргументы к текстам периода Империи. Однако, как это можно видеть в вышедшем существенно позже английском варианте данного исследования, тема для немецкого ученого, специализировавшегося на источниках эпохи Республики, оказалась не столь близкой, а результаты не столь бесспорными [2]. Р. Сиджер, переводчик и комментатор Гельцера, тем не менее счел возможным высказаться в поддержку точки зрения немецкого ученого, согласно которой, «пока еще не зафиксировано ни одного неоспоримого примера, когда бы признаком *nobilitas* характеризовался человек, происхождение которого возводилось к консулярам периода триумвиров или более позднему времени» [2, XIV]. Иначе говоря, Сиджер вслед за Гельцером настаивал на том, что в эпоху императоров слово *nobiles* использовалось лишь применительно к потомкам консулов республиканского периода.

Англоязычное издание основного труда Гельцера послужило началом разгоревшейся в 70–80-е гг. прошлого столетия дискуссии относительно содержания термина *nobiles* в период Империи. В дискуссии приняли

участие такие известные ученые, как Т. Барнес, П. Брант, Б. Кэмпбелл и др. Однако в настоящее время интерес к проблеме римских *nobiles*, причем в связи с использованием как литературных, так и эпиграфических источников, возвращается, что нашло отражение в публикации работ Ж. Вархейи и Д. Оконь [3, 4]. В свою очередь, авторы настоящей статьи, соединив данные эпиграфических источников с некоторыми нарративными, по преимуществу периода поздней Римской империи, смогли прийти к некоторым собственным выводам по данной проблеме, о чем речь пойдет ниже.

Во-первых, и прежде всего, в нарративных источниках содержится указание на то, что во времена, когда римское государство возглавляли принцепсы (а не выборные магистраты), нобилиями называли не только потомков республиканских консулов. Так, у Корнелия Тацита (римский автор начала II в.) молодой аристократ Гай Силий описывается как *iuvenet nobilem* (Тас. Ann. XI. 28. 3). Между тем, как можно судить по эпиграфическим источникам, первым консул среди предков Силия был Публий Силий Нерва, который занял данную магистратуру в 20 г. до н.э., то есть после падения республики в Риме [5, 243]. Еще более показательными являются данные источников периода поздней Империи. Как об этом можно судить по дошедшим текстам, к IV в. *nobiles* представляли собой особую группу внутри senatorского сословия, хотя, насколько можно об этом судить по тексту сочинения Аммиана Марцеллина (римский автор IV в.), данный термин иногда использовался для обозначения сената как сообщества (Amm. XVI. 10. 13; XXI. 12. 24). Писавший в это же время Симмах определенно рассматривал нобилитет как категорию высшей аристократии внутри senatorского сословия, которая пользовалась преимущественным положением в сравнении с вновь приписанными к сенату *homines novi*. Говоря по поводу Синесия, отец которого был сенатором и занимал в свое время посты *magister memoriae* и проконсула Африки, Симмах характеризует Синесия: *propago generis, quanto longius recedit a novis, tanto altius tendit ad nobiles* (Symm. Orat. VII. 4) «он происходит из семьи столь более давней в сравнении с новыми <семьями>, сколь древность <рода> более тяготит к знатности» (пер. наш). Отсюда видно, что для Симмаха сын консуляра императорского времени (т. е. не обязательно республиканского) был, собственно, нобилем. Аналогичное толкование термина *nobiles* проистекает и из факта обозначения Аммианом Марцеллином в качестве нобилия сенатора Меммия Витразия Орфита (Amm. XIV. 6. 1). Действительно, по отношению к Меммию эпиграфические тексты также содержат определение *nobilis* (CIL VI. 1732–1742). И, как можно предположить, причиной такого определения Меммия в источниках является то, что его род восходил к консулярной фамилии II в., о которой свидетельствуют также эпиграфические источники времен императорской династии Антонинов (ILS 9082).

Еще одно имя у Аммиана Марцеллина – Фальтоний Проб Алипий, чей отец был префектом Рима, т. е. столичным градоначальником [6, 732.]. Фальтония Аммиан называет *nobilis adulescens* (Amm. XXVIII. 1. 16), что вполне могло объясняться сопоставимостью должности префекта Рима с консульским рангом [7, 12].

Упоминает Аммиан и некоего Агинация, говоря о нем: *iam inde a priscis maioribus nobilem* («из самой древней знати» – Amm. XXVIII. 1. 30). Одним из предков последнего, согласно эпиграфическим данным, был полководец и консуляр императора Септимия Севера (193–211 гг. правления) (RE I (1894) 809–810).

Контрастом к данным примерам у Аммиана выступают четыре *clarissimi* («светлейшие»): Тарраций Басс, его брат Камений, Марциан и Евстафий (Amm. XXVIII. 1. 27). Даже если предположить, что первые двое состояли в родстве с аристократическим родом Цейониев [6, 158, 177], выбор другого слова для обозначения знатности *clarissimi* вместо *nobiles* подразумевает существование между данными социальными категориями определенных статусных различий. В этой ситуации возможно следующее объяснение. В IV в. или, по крайней мере, после императора Константина (306–337 гг. правления) сенатор был обозначаем с помощью понятия *nobilis*, только если он или его предок был или ординарным консулом или префектом Рима или префектом преторианцев (т. е. командиром преторианской гвардии). На такое положение вещей указывают следующие два отрывка. Во-первых, – это высказывание Аммиана по поводу дядь с материнской стороны Галла Цезаря (член императорской фамилии) – Вулкация Руфина (консул 347 года) и Нерация Цереала (консул 358 года): *quos trabeae consulares nobiliarunt et praefecturae* (Amm. XIV. 11. 27) – «которые оба достигли консульского сана и префектуры» (пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони). Вулкаций Руфин неоднократно занимал пост префекта претория (приблизительно в 345, 247–352, 354, 364–368 гг.), но никогда, насколько это можно установить по данным эпиграфики, не был *praefectus urbis Romae*, в то время как Нераций Цереал был префектом Рима в 352 или 353 г., но никогда не был префектом претория [6, 197 198, 782 783]. Во-вторых, Амвросий (христианский автор IV в., происходивший из среды высшей знати) превознося мученика Сотера, дважды дает понять о формальной эквивалентности понятий *nobilitas* и «консулат и префектура»: *habemus enim nos sacerdotes nostrum nobilitatem praefecturis et consulatibus praeferebam; nobilis virgo majorum prosapia, consulates et praefecturas parentum sacra posthabuit fide* (Ambr. Exhortatio virginitatis XII. 82) – «переходят на нашу <христиан> сторону жрецы, и нобили отмеченные консульством и префектурой среди нас <уже> есть; благородные девы старейших родов, <невзирая на> консульство и префектуру своих предков, <заявляют> об отказе от своей <прежней языческой> веры» (пер. наш).

Однако есть примеры и более широкого толкования понятий *nobilis* и *nobilitas*. В своем поэтическом сочинении, посвященном святому мученику Лаврентию Пруденций (христианский поэт IV в.) пишет: *videmus inlustres domos, || sexu ex utroque nobiles, || offerre votis pignera || clarissimorum liberum* (Prud. Peristephanon II. 521–524) – «Мы видим прославленные фамилии, знатных мужчин и женщин, возносящих молитвы отпрысков славнейших семей» (пер. наш). Так как *vir illustris* был *clarissimus puer*, то получается, что Пруденций ставит знак равенства между понятиями *illustris* и *nobilis*. Отсюда следует, что ординарный консулат и высшие префектуры не во всех случаях были теми исключительными постами, которые вели к приобретению статуса нобилия, так как известно, во времена Пруденция ранг *illustris* был представлен не только консулами, *praefecti urbis* и преторианскими префектами, но также *patricii*, *magistri officiorum*, *comites sacrorum largitionum* и *comites rerum privatarum* (RE IX (1916) 1070 1085).

Таким образом, источники (как эпиграфические, так и литературные), относящиеся к эпохе Римской империи указывают, что римский нобилитет, был относительно открытым сообществом служилой знати, а не замкнутым слоем потомственных аристократов. Это подтверждается тем, что термин *nobiles* применялся к тем представителям высших слоев общества, кто занимал наиболее значимые, формально выборные, но фактически назначаемые, посты в римском государстве после утверждения здесь монархии (см. Fronto Ad amicos I. 27; Apuleius Flor. VIII. 1). Во времена поздней Республики и ранней Империи обозначение *nobiles* в его самом узком значении было закреплено за консулами и их потомками, было ли это консульство ординарным или суффектным. В более позднее время, суффектное консульство уже не считалось достаточным для приобретения *nobilitas*, которая теперь достигалась либо через ординарный консулат, либо через высшую префектуру, т. е. занятие поста префекта Рима или Константинополя, а также должности префекта претория (CTh I. 6; VI. 4. 12; VI. 6; VI. 7). Но это было критерием все-таки для приобретения именно *nobilitas*, но не условием для отнесения какого-либо знатного лица к *nobiles*. Определение, обозначаемое данным словом, употреблялось как в образных поэтических, так и вполне официальных эпиграфических текстах по отношению к довольно широкой категории сенаторской знати, причем с привязкой к тем официальным постам, которые появились или приобрели особое значение в эпоху поздней Империи.

Реформа государственного управления, проведенная в Римской империи в начале IV в. привела к тому, что значение ординарного консулата и преторианской префектуры было увеличено, в то время как суффектного консулата существенно уменьшилось [8, 438 439]. Разумеется, эти изменения отчасти могли быть результатом постепенной эволюции. Ведь значение преторианской префектуры существенно

выросло еще раньше начала IV столетия. Согласно имеющимся эпиграфическим данным, когда 6 июля 177 г. проходило заседание императорского *consilium*, бывшие консулы указывались в списке присутствовавших перед преторианским префектам; поколением позже прочим *amici* императора предшествовали префекты [9, 448]. И далее, тот порядок, в котором перечисляются в почетной надписи 223 г. патроны города Канузия, также является показательным: первое имя здесь, скорей всего, принадлежит префекту столицы (Аппий Клавдий Юлиан), затем следуют две пары преторианских префектов, и лишь затем идут консулы, как ординарные, так и суффекты, указанные, вероятно, в хронологическом порядке их консулата (CIL IX. 338). Естественно предположить, что эти четыре преторианских префекта, должно быть, достигли консульского ранга или через награждение их *ornamenta consularia* или посредством включения их в соответствующий список *inter consulares* или же путем предоставления им суффектного консулата [10, 158]. Если предположить, что порядок имен в этом последнем списке отражает возросший авторитет префектуры, то становится очевидным, что наши предположения насчет значения термина *nobiles* в источниках периода Римской империи могут считаться в целом доказанными.

Список сокращений

CIL – Corpus inscriptionum Latinarum

CTh – Codex Theodosianus

ILS – Inscriptiones Latinae selectae

RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Gelzer, M. Die Nobilität der römischen Republik / M. Gelzer. – Leipzig–Berlin, 1912. – 120 s.
2. Gelzer, M. Roman Nobility / M. Gelzer. – Oxford: Basil Blackwell, 1969. – XV. – 164 p.
3. Varhelyi, Z. The Religion of Senators in the Roman Empire: Power and the Beyond / Z. Varhelyi. – Cambridge–New York: Cambridge University Press, 2010. XII. 267 p.
4. Okoń, D. Septimius Severus et senators: Septimius Severus' Personal Policy Towards Senators in the Light of Prosopographic Research (193–211 A.D.) / D. Okoń. Szczecin: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu szczecińskiego, 2012. 148 p.
5. Prosopographia Imperii Romani. Berolini: Academiae scientiarum reicae Borussicae, 1898. – Vol. III. – 520 p.
6. Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Vol. I. – 1170 p.

7. Campbell B. Who were the «Wiri Militares»? // The Journal of Roman Studies, – Vol. 65 (1975). – P.11–31.
8. Крист, К. История времен римских императоров / К. Крист / Пер. с нем. – Т.2. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 512 с.
9. Barnes, T. D. Who were the nobility of Roman empire / T. D. Barnes // Phoenix. – Vol. 28 (1974). – № 4. – P. 444–449.
10. Syme, R. Emperors and Biography, studies in the Historiia Augusta / R. Syme. – Oxford : The Clarendon Press, 1971. – IX, 306 p.

Р. А. Казакова

магистрант филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

Научный руководитель **А.В. Герцик**, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

ТВОРЧЕСТВО АННЫ АХМАТОВОЙ В РУСЛЕ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Среди бесценных духовных сокровищ, которыми Россия так богата, особое место принадлежит женской лирической поэзии. Этот жанр созвучен женской душе.

Феномен русской женской поэзии вызывал всегда, вызывает и ныне множество критических суждений. Разного рода замечаний здесь еще больше, чем в споре о женской прозе, поскольку в российском масштабе оно представлено целой плеядой прославленных имен, в числе которых Евдокия Ростопчина, Каролина Павлова, Ирина Одоевцева, Анна Ахматова и Марина Цветаева. За всеми именами – творчество, выразившее свою эпоху в полной мере. Только погружаясь во все разнообразие лирической стихии, поэт обретает силу, полноту и целостность ощущения жизни. Лиризм – это чудесная способность поэта всякий раз, в неповторимости данного мгновения, увидеть мир как бы заново, почувствовать его свежесть, изначальную прелесть и ошеломляющую новизну. А именно эти качества присущи женской душе. Говоря о женской лирике, следует рассматривать все ее многообразие лирику философскую, гражданскую, пейзажную и любовную.

Наверное, это явление трудно «не замечать», так как оно в отечественном и мировом масштабе имеет плеяду, безусловно, признанных имен. Это прославленные поэтессы античности Сапфо и Коринна. Это совсем близкие нашему времени Зинаида Волконская муза

многих поэтов, Евдокия Ростопчина, Каролина Павлова, Зинаида Гиппиус. Замечательные страницы женской поэзии прошлого века вошли в сокровищницу литературы, но только в XX веке женщины обрели полный поэтический голос в лице Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Жизненный и творческий путь Анны Ахматовой охватывает более полу столетия XX века – здесь русско-японская война, не прошедшая ни мимо ее сознания, ни мимо стиха, ни та сложнейшая и богатая поэтическими достижениями эпоха, которую мы называем Серебряным веком и откуда она родом, здесь и Первая мировая война, и сталинские репрессии, не обошедшие ее семью, и великая Отечественная война, и, наконец, величавый и плодоносный закат, увенчанный отечественным и международным признанием.

Марина Ивановна Цветаева – одна из наиболее интересных поэтесс Серебряного века. Однако ее творчество было долгое время не только недоступно широкому читателю, но и до настоящего времени еще не опубликовано полностью. Это объясняется многими причинами, и в том числе, непримиримой позицией самой Марины Цветаевой, гордый характер которой общеизвестен.

Она не принадлежала ни к одному поэтическому направлению или школе, декларативно отказывалась от любых литературных влияний, на что сама указывала в дневниках («литературные влияния не испытывала, только человеческие»). И действительно, до сих пор исследователи придерживаются мнения, что творчество этой великой русской поэтессы настолько индивидуально и оригинально, что целиком не может быть отнесено ни к одному существующему в эпоху Серебряного века литературному направлению. Но этого мало: она абсолютно отказывалась и от сословных принадлежностей: «Я не дворянка – (ни гонора, ни горечи) и не хозяйка (слишком веселюсь), я не простонародье (слишком <пропуск>) и не богема (страдаю от нечищенных башмаков, грубости их радуюсь – будут носиться!). Я действительно, абсолютно, до мозга костей, – вне сословия, профессии, ранга. – За царем – цари, за нищими – нищие, за мной – пустота» [1, 14]. Это отречение от всего – можно сказать, всего земного, всех примет – не однажды встречается в дневниках. Гордое скрывает горькое («не снисхожу!»). Она чужая большинству поэтических объединений, человеческих дружб, только «из истории не выскочишь» [там же].

М. Цветаева – поэт, отразивший в своих произведениях самые различные пласты мировой культуры: стихию русского фольклора, традиции романтической поэзии русской, немецкой, французской, традиции классицизма, античной поэзии, стилистику высокого слога и стихию просторечия. Традиционность стилистики, поэтической образности и символики естественным образом продолжается у М. Цветаевой в смелом, нередко рискованном эксперименте, никогда, однако, не бывшем для нее самоцелью. Глубокое постижение культурных

универсалий приводит к их своеобразному преобразованию, переосмыслению, подчиненному философской концепции автора. Творчество М. Цветаевой, не принадлежавшей никакому литературному направлению, включает в себя признаки поэтического языка, характерные для символистов, акмеистов, имажинистов, футуристов, а также черты, присущие более поздним литературным направлениям и стилям.

Главная тема юношеских стихов А. Ахматовой – любовь. Об этом свидетельствуют сами названия лирических произведений: «Сжала руки под темной вуалью...», «Песня последней встречи», «Любовь», «Муж хлестал меня узорчатым...», «Я не любви твоей прошу...» и др. Но наряду с изысканностью чувства, в поэзии Ахматовой большое место занимает вещный, предметный мир, подробности и детали повседневного быта. Это создает особую, неповторимую атмосферу стиха: предметы каждодневного существования, обыденные человеческие действия выступают как фон, на котором разворачиваются любовные драмы лирических героинь.

Драматизм женского счастья подчеркнут в одноименном стихотворении и другой поэтессы, современницы А. Ахматовой, Аделаиды Герцык:

*Дева, тихая Дева!
Что ты все дома днюешь?
Днюешь дома, ночуешь? [2, 270].*

Драматургическое начало входит в лирику Ахматовой, придавая ей особую напряженность и выразительность звучания, приближая ее к живой жизни. Судьбы лирических героев решаются в ходе движения сюжета, ощущается внутренний ритм, с каждой строкой повышается интонация:

*Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна [1, 28].*

Драматизм содержания влечет за собой и драматическую форму: в стихотворении чередуются диалог и монолог, что придает зримость совершающейся на наших глазах драме. Финал лирического сюжета напоминает последний акт трагедии по напряженности действия:

*Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру» [1, 28].*

Изобразительные средства, используемые в стихотворении, отличаются лаконизмом и известной скупостью, глубина переживаний героев и сложность их отношений вложены поэтессой в жест и действие: «я сбежала, перил не касаясь», «задыхаясь, я крикнула», «улыбнулся спокойно и жутко» и т. п.

Какой-то таинственный голос, звучащий непонятно откуда и непонятно кому принадлежащий, слышит героиня стихотворения «Закат», которое написано Аделаидой Герцук:

*И кто-то верный, и кто-то дальний
Спешит по миру в ответ ему,
Струит дыханье, и гнет деревья,
И шепчет: «Вижу. Гаси. Гряди» [2, 267].*

Подобная же разноголосица характерна и для стихотворения Поликсены Соловьевой «Городская весна»:

*Гимназистка, гимназистик.
Он кладет ей в книгу листик.
Бантик снят с ее косы
«Хронология, законы...»
«У кузена нашей бонны
Так закручены усы!»
Вот студент. Он из «идейных»,
С ним две барышни «кисейных».
По песку рисует зонт.
«Декадентов не читаю».
«Что вы! Я предпочитаю
Старым их». – «Ах, да! Бальмонт!..» [2, 243].*

В поэзии Анны Ахматовой часто совмещаются противоположные начала: прихотливые изгибы чувства, тончайшие психологические переживания, обостренное внимание к оттенкам красок, состояниям человеческой души, стремление запечатлеть, «остановить» мгновение. За пределами тесного круга ахматовских строф вырастает обширный мир переживаний и событий, поэтесса раскрывает движение человеческой души в маленьком лирическом стихотворении, иногда даже в отдельной строфе.

Известная поэтесса «серебряного века» Мария Лохвицкая также использовала диалогический и монологический принципы при построении своих стихов; «Среди цветов» начинается монологом лирической героини:

*Вчера, гуляя у ручья,
Я думала: вся жизнь моя –
Лишь шалости да шутки.
И под журчание струи
Я в косы длинные свои
Вплетала незабудки [2, 224].*

Появление героя описано с использованием почти сценического эффекта неожиданности, оно выполняет роль завязки действия:

*Вдруг слышу шорох за спиной...
Я оглянулась... Предо мной,
И стройный, и высокий,
Стоит и смотрит на меня
Очами, полными огня,
Красавец черноокий [2, 224].*

Далее описан словесный поединок героини и героя, который выполняет свою роль в развитии лирического сюжета

*«Дитя, зачем ты здесь одна?
Смотри, взошла уже луна,
Огни погасли в селах...»
А я в ответ: «Среди цветов
Пасу я пестрых мотыльков,
Пасу стрекоз веселых» [2, 224].*

В облике лирической героини сплетаются черты феи и живой девушки, сама ситуация очень напоминает детскую волшебную сказку. Но безмятежный покой нарушен тем, что юноша обращается к ней не со сказочным, а с вполне земным предложением:

*И рассмеялся он тогда:
«Дитя, оставь свои стада
Пасти самой природе;
Пойдем со мной в прохладный грот...
Ты слышишь? – Соловей поет
О счастье и свободе...*

*Под вечный лепет звонких струй
Там слаще будет поцелуй,
Отраднее молчанье;
И не сомнется твой венок,
И не сотрется бархат щек
От нежного лобзанья» [2, 225].*

К развязке почти драматического сюжета противоречие детского и взрослого начал в душе героини усиливается; детскость спасла героиню от пылкого кавалера:

*Мне странен был язык страстей, -
Не тронули души моей
Мольбы и заклинанья;
Как лань пустилась я домой,
Стараясь страх умерить свой
И груди трепетанье... [2, 225].*

Но бегство не принесло избавление, потому что осталось искушение любви в душе неопытной и наивной девушки, ведь не случайно она боится бродить в местах своих недавних игр и забав, боится встретить «черноокого красавца» еще раз и поддаться искушению:

*С тех пор потерял мой покой! –
Уж не брожу я над рекой
В венке из незабудок,
Борюсь с желанием своим,
И спорит с сердцем молодым
Неопытный рассудок... [2, 225].*

Конфликт имеет не только внешнее выражение как противостояние «красавца» и девушки, но он постепенно углубляется, переходит в глубины души лирической героини, становится внутренним, психологическим, двухплановым.

Подобное же диалогическое построение характерно и для стихотворения «Полуденные чары»; сюжет его можно отнести ко временам крестовых походов, он тоже условен, как это было в предыдущем произведении. Только героиня здесь является человеком уже более зрелым, страх перед любовью давным-давно преодолен, она выступает здесь как лицо активное, призывающее мужчину к любовным утехам:

*«Привет тебе, путник! В шатер мой войди,
Останься, коль долог твой путь впереди;
Я фиников лучших для гостя нарву,
И миррой твою умащу я главу.*

*Я мех твой наполню струею вина...
Властитель уехал, войди, я одна...
Привет тебе, гость мой, посланный судьбой,
Да внидут и мир и отрада с тобой!» [2, 226].*

Мужчина невольно поддается любовному искушению, жарко целует женщину, забывая о цели своего путешествия:

*«Устал я, он молвил, и путь мой далек,
В край солнца и роз я спешу на восток...
Но некогда медлить... я еду... прощай!..
Один поцелуй лишь на счастье мне дай!»*

*Прозрачную ткань отвела я с чела
И с тихим смущеньем к нему подошла...
И вот наклонился ко мне он с коня
И обнял так крепко, так жарко меня [2, 226].*

Оба героя уже готовы забыть обо всем, но тут раздается крик ребенка, и героиня вспоминает о своем долге перед мужем и ребенком, а мужчина мчится дальше на своем горячем коне. Развязка сюжета так же неожиданна, как и во многих стихах А.Ахматовой.

Для стихотворения Поликсены Соловьевой «Старый месяц» также характерна условная ситуация, которая сопровождается еще и смысловой аллегорией; в нем чередуются диалог и монолог:

*В небе плакал месяц старый:
– Прожил, прожил жизнь свою!
Восходя, рождал пожары,
А теперь едва встаю. –
Дымки-тучки проползали,
Утешали старика,
Тихо, ласково шептали:
- Будет смерть твоя легка. –
Не унялся круторогий, не утешился старик:
- Был великий, стал убогий,
В небе царствовать привык,
А теперь никто не знает
О моей ночной поре
И никто не замечает,
Как бледнею на заре [2, 240].*

Стихотворение другой поэтессы – Зинаиды Гиппиус – «Поцелуй» построено как монолог лирического героя, в котором он обращается к возлюбленной, полный любовного томления:

*Когда, Аньес, мою улыбку
К твоим устам я приближаю,
Не убегай пугливой рыбкой,
Что будет – я и сам не знаю.*

*Я знаю радость приближенья,
Веселье дум моих мятежных;
Но в цепь соединю ль мгновенья?
И губ твоих коснусь ли нежных? [2, 261].*

Предчувствие ранней гибели звучит в стихотворении З. Гиппиус “Отрада”, но, в отличие от М. Цветаевой, Гиппиус сосредоточена в равной степени и на мрачном, и на светлом, герой стихотворения соединится с Мировой Душой и будет чувствовать полноту оставленной им жизни сверхчувственным, духовным восприятием:

*Мой друг, меня сомненья не тревожат.
Я смерти близость чувствовал давно,
В могиле, там, куда меня положат,
Я знаю, сыро, душно и темно.*

*Но не в земле – я буду здесь, с тобою,
В дыханьи ветра, в солнечных лучах,
Я буду в море бледною волною,
И облачную тенью в небесах [2, 258].*

Подобный же мотив ранней смерти мы находим и в поэзии Марии Лохвицкой:

*Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о ком;
Золотой закатиться звездой,
Облететь неувядшим цветком.
Я хочу, чтоб на камне моем
Истomленные долгой враждой
Находили блаженство вдвоем...
Я хочу умереть молодой [2, 232 233].*

Трагизм и скоротечность земного бытия характерны и для лирических героев Allegro (Поликсены Соловьевой); приведенные ниже строки перекликаются с лермонтовской «Думой», в них тоже звучат мотивы исчерпанности жизни, раннего увядания:

*Мы живем и мертвеем,
Наше сердце молчит.
Мы понять не умеем,
Что нам жизнь говорит.*

*Отчего мы стыдимся
Слов нескромной весны?
Отчего мы боимся
Видеть вещицы сны? [2, 237].*

Завершил раннее творчество А. Ахматовой сборник «Аппо Domini», изданный в 1921 г. Позади осталась короткая, но бурная эпоха, полная противоречий и социальных потрясений, – время революции и гражданской войны, неизбежные расставания, потери и жертвы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахматова, А. Сочинения в двух томах / А.Ахматова. Т. 1. М.: Правда, 1990. 450 с.
2. Царицы муз: Русские поэтессы XIX начала XX вв. / сост. В.В.Ученова. М.: Современник, 1989. 448 с.

Ю. В. Лис

студент филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

Научный руководитель – **И. Н. Гуцко**, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь)

КНИГА-ИГРА КАК ЖАНР СЕТЕРАТУРЫ

Книга-игра это литературное произведение, в котором весь текст разбит на смысловые отрезки, из которых и складывается геймплей (законченный сюжет). Смысл заключается в том, что игрок каждый раз составляет отрезки разными способами и, соответственно, сюжет каждый раз получается разным. Часто книги-игры пишут от первого или второго лица, поддерживая, таким образом, иллюзию того, что читатель является главным персонажем книги-игры, ее игроком [1].

Выделяют два типа книг-игр. Первым из них является традиционный роман с ветвлением сюжета, который требуют от читателя сюжетного выбора. Второй тип, приключенческая книга-игра, представляет собой сочетание романа с ветвлением сюжета и ролевой игры.

В данной статье предпринята попытка описать структуру книги-игры на примере игрового произведения канадской компании Bioware «TheLastCourt» (2014 г.). Эта второстепенная сюжетная ветвь знаменитой франшизы “DragonAge” сочетает в себе элементы как карточной, так и ролевой игры, в то же время, обладает всеми признаками интерактивного романа.

Повествование начинается с небольшого вступления, в котором читателю сообщаются основные сведения о сеттинге (от англ. setting «обстановка»):

You are the Marquis of Serault! Serault lies at the ends of Orlais, on the far west of the civilized world. A realm of deep forests, stubborn people, and customs that border on heresy. Once, she was a feared player of the Great Game. But that was before her Shame. Now she is a pariah-state, a refuge for the unwanted, the misunderstood, and the unlikely. You are herruler. But who are you?

Далее следует процесс создания персонажа, схожий с процессом настроек персонажа во всех ролевых играх. В «TheLastCourt» игроку предстоит сделать выбор между Охотницей (англ. Huntress) и ученым (англ. Scholar):

You are the Huntress

Raised to rule. Trained in bow, sword and steed. Fearless. The Huntress is valiant, charismatic, and skilled in hunt. She cares little for books or schemes.

You are the Scholar

You divide your time between the great hall and the library's hush. This is your chance to free Serault from the shackles of tradition. Seize it! The Scholar is a little better at rulership. He is also learned, cunning, and has spent thirty years avoiding fencing lessons and hunting.

Каждому персонажу соответствует определенный набор характеристик:

The Huntress:

Rulership	Scholarship	Derring-Do	Woods-wise	Cunning
30	20	50	30	20

The Sholar:

Rulership	Scholarship	Derring-Do	Woods-wise	Cunning
40	50	20	20	30

Многочисленные подсказки сопровождают игрока-читателя с самого начала игры. Так, например, после выбора персонажа на экране появляется сноска, предупреждающая о том, что уровни доступных характеристик не являются постоянными, а изменяются в течение игры:

You can see your starting skills to the left. They will improve slowly with use, or you can ask other characters to train you. Skills can reach a maximum of 100.

При прохождении книги-игры читатель нередко взаимодействует с различными персонажами. Они могут давать советы, выполнять поручения или улучшать навыки героя. Обычно на выбор игроку предоставляется несколько вариантов действий, каждое из которых не только имеет свои последствия, но и требует, например, выполнения определенных условий: *The Empress' 'occult advisor' is rarely seen about the chateau. She spends most of her time conducting her mysterious research at the glassworker's guild, but occasionally your paths cross.*

Available actions

Ask her about magic

You meet her in the corridor late one night, returning to her room after her day's work. Her staff glows with a clear blue flame, picking out every drifting mote of dust.

Difficulty	Success	Failure
<i>Derring-Do*2</i>	<i>+(7 to 10) Clues</i>	<i>-</i>

You find her in the library, idly examining a history of your family

She points at the charred stain where the Shame's name has been seared from your family tree. "Tell me about him."

Difficulty	Success	Failure
<i>Scholarship*2</i>	<i>+1 Authority +1 Rulership</i>	<i>+5 Twilight</i>

Ask her about her work

Dinner is served in the great hall. She sits alone at the far end of a table, her eyes dark with shadows. She coughs, the hoarse way the glassworkers do after a day at the ovens.

Difficulty	Success	Failure
<i>Freedom*6/5</i>	<i>+9 Clues</i>	<i>+10 Clues, +10 Rumors of Revolution</i>

Как видно из таблиц, каждое действие приводит к положительному или отрицательному результату. Важную роль играет случайность, но, как правило, чем выше уровень определенного навыка, тем больше шансов на успех. В том или ином случае читатель переходит к следующему текстовому фрагменту.

Все книги-игры состоят из ряда смысловых отрезков. Они сменяют друг друга в зависимости от развития сюжета, а также предпочтений и пожеланий читателя в данный момент времени:

Thirty sweet voices lift in song. Mirror-clean, delicate as saffron. The sound of the Divine's personal attendants, hand-picked from the Chantry's finest choristers. She has arrived!

From your window you watch her procession snake through the streets of Serault Town. At its head rides the Divine, reaching down into the crowd to bestow blessings on the poor, the stricken and the lame.

Behind her comes the coiling body of advisors, bodyguards and hangers-on. Tight-lipped Templars and blinking scholars. Liveried emissaries. Solemn sisters and stiff-backed Revered Mothers. An august company, their steeds carparisoned in deep crimson and blazing gold!

Begin the feast

It is time to face the judgment of the Divine.

Fires blaze in the great hall. The tables heave with guests. Every soul with a drop of noble blood in the whole of the Marquisate is here, as well as those commoners who are acknowledged to be indispensable, every lord and priest whose lands lie within riding distance of your borders, and the Divine's vast, gossiping, ravenous entourage. The servants can barely squeeze between them to fill goblets.

The final guests arrive. The doors close. The noise sinks from a roar to a clamor.

В данном случае читателю предоставляется лишь одна опция – несмотря на вариативность большого числа второстепенных фрагментов, ключевые моменты сюжета развиваются по строгому плану.

Структуру «TheLastCourt» составляют три типа фрагментов: большинство интерактивных страниц содержит **три или более варианта дальнейших действий (72%)**, второй тип – страницы с **двумя опциями (22%)**, к третьему типу относятся фиксированные моменты сюжета, где **игрок ограничен лишь одной опцией либо вообще таковых не имеет (4%)**. Книги-игры также могут включать в себя страницы без текста, содержащие иллюстрации или мультимедийный контент. Большинство таких произведений являются гибридами различных жанров и сопровождаются элементами, например, карточной игры – как в случае с «TheLastCourt».

Финальные страницы можно разделить по степени приемлемости концовки для читателя-игрока. В исследуемом произведении приведено лишь два типа заключительных фрагментов, которые можно отнести либо к победе, либо к поражению. Например:

The hour is late. The guests are weary. Children doze in their chairs. The minstrels pluck half-heartedly at their lyres. The feast's business is done. The Divine is pleased. She kisses your cheeks like a sister. "I have issued the decree, your Grace..." Serault is free of her shame at last!

Пример концовки-поражения:

A Templar enters the hall; a grey-whiskered veteran whose limp does not slow him. Where has he been? He bows before the Divine, low enough to expose his bald plate. "Most Holy, I have investigated the seas on Serault's Chantry. They have been tempered with! The Chantry has been opened!" The Divine is outraged and leaves! Serault's shame will continue, perhaps forever.

Исследуемая книга-игра относится к жанру интерактивного романа, так как предлагает читателю возможность выбора последовательности чтения. Кроме того, множество сюжетных деталей и концовка истории также зависят от действий игрока.

Книга-игра «TheLastCourt» относится к жанру сетевых литературных произведений и обладает большинством их свойств:

1. При ее создании и чтении необходим персональный компьютер.
2. Для прохождения «TheLastCourt» необходим доступ к Интернету

3. Она интерактивна, так как предполагает различные варианты прочтения и вариативность большинства сюжетных линий.

4. Воспроизведение книги-игры в печатном виде лишило бы ее многих преимуществ (удобство мгновенного перехода по ссылкам, влияние выбора игрока и случайных факторов на сюжет и т.д.) «TheLastCourt» не предназначена для существования на бумаге.

5. Хотя игрок имеет возможность приобрести определенные «бонусы» за реальные деньги, сама книга-игра полностью бесплатна. Она не предполагает эксклюзивного контента для желающих воспользоваться такой услугой, что указывает на преобладание в проекте некоммерческих целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Gamebook; Wikipedia, thefreencyclopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Gamebook>. – Дата доступа: 05.03.2017.
2. TheLastCourt; DragonAgeKeep [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dragonagekeep.com/ru_RU/tlc/ – Дата доступа: 10.03.2017.

С. А. Омелюженко

студентка филологического факультета МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

Научный руководитель – **Т. Н. Талецкая**, доцент, кандидат
филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики
преподавания иностранных языков МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ВИДЫ ОПИСАНИЯ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО ТИПА РЕЧИ

В центре лингвистических исследований последних десятилетий находится роль человеческого фактора в языке. Антропоцентристский подход занял ведущее место в языкознании. Исследование человеческого фактора в языке тесно связано с изучением картины мира, интерпретируемой человеком. Языковая картина формирует тип отношения человека к миру и самому себе как элементу этого мира [1]. Данное положение явилось исходным при выборе темы научной работы, посвященной исследованию описания внешности человека в художественном тексте, и определило ее актуальность. Целью работы

является исследование характерных особенностей описания как типа речи и выявление его видов.

Речь человека подразделяется в лингвистике на различные функционально-смысловые типы. Тип речи – это способ изложения, при котором действительность может изображаться статистически (описание), динамически (повествование), с указанием причинно-следственных связей (рассуждение) [2]. При этом для описания как типа речи характерна одновременность проявления признаков. Цель описания в том, чтобы адресат речи представил в своем сознании предмет описания. Основные вопросы, характерные для описания как функционально-смыслового типа речи, следующие: каков предмет описания, как он выглядит, какие признаки для него характерны.

Описание внешности человека в художественном тексте подчинено определенной прагматической установке автора текста, который пытается детально отобразить, воссоздать характерные отличительные признаки объекта описания. В нашей работе мы будем придерживаться классификации Е.В. Падучевой, которая выделяет следующие прагматические факторы, обуславливающие существование различных видов описаний [3, 88]: типы и подтипы речевых ситуаций, субъект речи, адресат речи, субъект референтной ситуации (т.е. сам объект описания), дополнительные интенции и типы межличностного взаимодействия коммуникантов, функциональный стиль общения.

В ходе анализа практического материала исследования нами выявлены следующие виды описания:

1. Сравнительное описание.

В следующем контексте (ситуация 1) представлено описание внешности двух мужчин от имени персонажа женщины, которая сравнивает того, кого она любила раньше, и того, кого любит теперь:

Ситуация 1: *«Howard war groß, aber nicht so groß wie Ron, dafür kompakter. Sein Haar war dünner als Rons, grauer meliert. Seine Augen waren blau im Gegensatz zu Rons braunen, seine Finger waren länger, seine Hände kleiner. Und auch wenn Ron zugegebenermaßen der Attraktivere der beiden war, wirkte Howard auf jeden Fall distinguiert, unaufgeregt, zugänglicher. Er war genauso intelligent wie Ron, jedoch weniger erpicht darauf, es allen zu zeigen. Er sprach nie über seine Arbeit – er war in der Versicherungsbranche tätig –, während Gespräche mit Ron sich immer um seine Lehrtätigkeit gedreht hatten. Anders als Ron gab Howard Barbara nie das Gefühl, dumm zu sein. Howard gab ihr das Gefühl, geschätzt zu werden, während Ron ihr immer vermittelt hatte, dass sie unzulänglich war»* [4, 313].

Данное сравнение позволяет Барбаре выявить преимущества одного мужчины перед другим (во внешности, в характере, в поведении). Так, оба высокого роста (+). Но Ховард чуть ниже – *aber nicht so groß wie Ron* (–). При этом он (Ховард) более компактного телосложения *dafür kompakter* (+). По сравнению с Роном у Ховарда более редкие (–) и мелированные под

седину grauer meliert волосы ( ). У одного голубые (+), у другого карие глаза (+). У Ховарда более длинные пальцы – seine Finger waren länger (+), но короче руки seine Hände kleiner ( ). В целом Барбара считает, что Рон (ее бывший муж) все же внешне более привлекателен, чем Ховард – Ron war der Attraktivere der beiden (+). Но при этом Ховард производил более приятное впечатление – wirkte distinguiertes, unaufgeregter, zugänglicher (+). В интеллектуальном плане они не уступали друг другу – genauso intelligent (+). Положительным в Ховарде с этой точки зрения является и то, что он не кичится своим интеллектом по сравнению с Роном – jedoch weniger erpicht darauf, es allen zu zeigen (+). Барбаре в Ховарде импонирует и то, что он никогда не говорит о работе – sprach nie über seine Arbeit (+), в противоположность Рону Gespräche mit Ron hatten sich immer um seine Lehrtätigkeit gedreht (–). И что очень важно, Ховард ценил ее как человека, как женщину – Er gab ihr nie das Gefühl, dumm zu sein (+), gab ihr das Gefühl, geschätzt zu werden (+), в отличие от Рона, который всегда подчеркивал ее недостатки – Ron hatte ihr immer vermittelt, dass sie unzulänglich war ( ).

Следующая ситуация отражает полную внешнюю противоположность двух подруг (blond brünett, klein groß, ein wie frisch gewaschen strahlendes Gesicht künstliches, kosmetisches Glanz). По характеру они также были разными: Chris war weich, zurückhaltend, Barbara alles andere als schüchtern. Но они прекрасно дополняли друг друга и были неразлучны:

Ситуация 2: «Neben den offenkundigen äußeren Unterschieden – blond gegenüber brünett, klein gegenüber groß, ein wie frisch gewaschen strahlendes Gesicht gegenüber künstlichem, kosmetischem Glanz – waren sie auch ihrem Wesen nach vollkommen verschieden. Doch sie ergänzten einander perfekt, Chris war weich, zurückhaltend, wo Barbara alles andere als schüchtern war. Sie wurden rasch unzertrennlich» [4, 10].

В следующей ситуации девушка по имени Гейл, наблюдая за своей младшей сестрой, старается найти подтверждение тому, что люди считают их очень похожими друг на друга.

Ситуация 3: „Gail betrachtete ihre jüngere Schwester. Die Leute behaupteten, sie sähen sich ähnlich. Beide waren groß, schlank und blass, und beide bewegten sich mit charmanter Lässigkeit. Carol zündete sich eine Zigarette an, und als sie den Rauch einzog, sah Gail, wie hohl ihre Wangen waren. Sie wiegt bestimmt zehn Pfund weniger als ich, dachte Gail und schätzte mit den Blicken die Figur ihrer Schwester ab. Ihre Hüften und ihre Taille waren immer noch mädchenhaft schmal» [5, 66–67].

Сходство очевидно: внешне обе они высокого роста, худощавые, бледные (groß, schlank und blass), походка у обеих обаятельно небрежная (beide bewegten sich mit charmanter Lässigkeit). Но Гейл ревностно отмечает для себя (schätzte mit den Blicken die Figur ihrer Schwester ab), что у сестры фигура лучше (Ihre Hüften und ihre Taille waren immer noch mädchenhaft

schmal). Не ускользает от ее критичного взгляда и то, что сестра весит меньше ее (*sie wiegt bestimmt zehn Pfund weniger als ich*).

2. Портретное описание.

Данный вид описания представляет собой отображение объективных внешних признаков человека.

Ситуация 4: «*Attraktiv auf eine leicht ungehobelte Art, schick gekleidet in schwarzer Hose und einem schwarzen kurzärmeligen Hemd. Sein Haar war kurz geschnitten und stellenweise grau meliert, sein Gesicht und seine muskulösen Arme sonnengebräunt*» [3, 373].

Алгоритм портретного описания следующий:

– вначале описывается общее впечатление, которое производил мужчина (*Attraktiv auf eine leicht ungehobelte Art, schick*);

– затем идет описание его одежды (*gekleidet in schwarzer Hose und einem schwarzen kurzärmeligen Hemd*);

его прическа (*Sein Haar war kurz geschnitten und stellenweise grau meliert*);

лицо (*sonnengebräunt*);

– руки (*muskulös, sonnengebräunt*).

Ситуация 5: «*Er war groß und breitschultrig mit dem kräftigen Nacken und den Bizeps eines Footballspielers, die seine hellgraue Sportjacke zu sprengen drohten. Er war Anfang bis Mitte vierzig, mit schütterem, blondem Haar und blauen Augen mit schweren Lidern*» [4, 380].

В данной ситуации портретное описание мужчины осуществляется в следующей последовательности: рост (*groß*), плечи (*breitschultrig*), голова / затылок (*kräftig*), бицепсы (*stark, wie bei einem Footballspieler*), одежда (*hellgraue Sportjacke*), возраст (*Anfang bis Mitte vierzig*), волосы (*schütter, blond*), глаза (*blau*), веки (*schwer*).

Ситуация 6: “*Sie war klein, nur knapp einen Meter fünfzig groß, mit weichen blauen Augen, kurzem grauem Haar und einem eisernen Willen. Sie war fast siebzig Jahre alt, aber sie war immer noch eine kraftvolle und energische Person*” [6, 59].

Алгоритм портретного описания женщины в этой ситуации следующий: рост (*klein, nur knapp einen Meter fünfzig gross*), глаза (*weich, blau*), волосы (*kurz, grau*), характер (*eiserner Wille*), возраст (*fast siebzig Jahre alt*), общее впечатление (*sie war immer noch eine kraftvolle und energische Person*).

Таким образом, проанализированные примеры показывают, что портретное описание может строиться в последовательности – от общих признаков к частным или, наоборот – от частных к общим признакам.

3. Автопортретное описание.

Такие описания представляют интерес с психологической точки зрения. Например:

Ситуация 7: «*Chris taumelte ins Bad und starrte ihr zerschundenes Gesicht im Spiegel über dem Waschbecken an. Wer bist du?, fragte Chris die ängstliche Frau, die ihr entgegen starrte. Wer ist diese arme verlorene Seele?*»

Du kommst mir vage bekannt vor, rief ein Augenpaar dem anderen über einem aufgeschürften, verfärbten Kiefer und aufgeplatzten, geschwollenen Lippen zu, von denen Blut auf den weißen Kragen ihres blauen Pullovers tropfte, wie das Wasser aus ihren Haaren, das Tony ihr über den Kopf geschüttet hatte» [4, 118].

Ситуация, когда Крис видит себя в зеркале после того, как ее в очередной раз избил муж, вдобавок облив ее холодной водой. Она видит свое изувеченное лицо (*zerschundenes Gesicht, aufgeschürfter, verfärbter Kiefer, aufgeplatzte, geschwollene Lippen, Blut auf dem weißen Kragen ihres blauen Pullovers*). Психологически ей трудно понять, как она могла допустить издевательство над собой, она не узнает саму себя. В зеркале она видит совершенно чужого человека – *Wer bist du?, fragte Chris die ängstliche Frau, die ihr entgegen starrte. Wer ist diese arme verlorene Seele? Du kommst mir vage bekannt vor.*

Ситуация 8: Следующая ситуация не такая трагичная. Женщина критично рассматривает себя в зеркале, оценивая недостатки и делая соответствующий вывод: *„Sie betrachtete ihren nackten Körper, und sofort setzte die Kritik ein: Ihr Busen könnte flacher sein; ihr Po könnte straffer sein; ihr Bauch könnte flacher sein; ihre Arme schlanker. Ihr Gesicht konnte nicht mehr für das eines jungen Mädchens gehalten werden [4, 154].*

Данный пример показывает, какие части тела для женщины самые важные, и какими она хотела бы их видеть: грудь (*könnte flacher sein*), По (*könnte straffer sein*), живот (*könnte flacher sein*), руки (*könnten schlanker sein*). Самокритичный вывод в итоге – *Ihr Gesicht konnte nicht mehr für das eines jungen Mädchens gehalten werden.*

Ситуация 9: *„Das Spiegelbild hatte recht. Das musste selbst Bonnie zugeben, als sie sah, wie blech ihr Gesicht war, beinahe durchsichtig. Leichenblass, dachte sie, müde, matt, krank, energielos. Ja, all das. Ich werde nie wieder dieses tote Graugrün tragen, beschloss sie. Tot. Ja, so sah sie aus, wie eine Tote [4, 203].*

Данная ситуация также показывает, что женщина не довольна своей внешностью. То, что она объективно себя оценивает, свидетельствует контекст – *Das Spiegelbild hatte recht*. Бонни рассматривает в зеркале свое болезненное лицо – *blech, beinahe durchsichtig, Leichenblass, müde, matt, krank, energielos*. Выводы, которые она делает она никогда не сможет носить свои любимые серые и зеленые тона, которые сделают ее еще более безжизненной, и следующий вывод *Sie sah aus wie eine Tote.*

Проанализированные нами контексты автопортретного описания внешности представлены в основном на примерах женских образов. Можно предположить, что и в реальной жизни, мужчины гораздо реже рассматривают свой образ в зеркале с целью оценки собственной внешности. Например:

Ситуация 10: *„ Von dort fuhr er mit dem Zug nach Paris, bekleidet mit einem Pullover und einem schlechtsitzenden Gabardinemantel von Salanne. Er musterte sein Spiegelbild in einer Schaufensterscheibe: das Jackett, die Hose,*

das offene Hemd und den Hut, den er vor fünfundvierzig Minuten in einem Laden am Boulevard Raspail gekauft hatte. In dieser Bekleidung würde er nicht auffallen, und die Krempe des weichen Hutes ragte weit genug über seine Stirn, um sein Gesicht halb zu verdecken. Er sah blass aus und hatte dunkle Ringe um die Augen. Er war übermüdet und erschöpft, die frisch genähten Wunden bereiteten ihm Schmerzen“ [7, 244–245].

В данном контексте представлена ситуация, когда мужчина придиричиво рассматривает свое отражение в витрине одного из Парижских магазинов. Речь идет о раненом агенте ФБР (*Er sah blass aus und hatte dunkle Ringe um die Augen. Er war übermüdet und erschöpft, die frisch genähten Wunden bereiteten ihm Schmerzen*), который приезжает в Париж, переодевшись в чужую одежду (*bekleidet mit einem Pullover und einem schlechtsitzenden Gabardinemantel von Salanne*). Он вынужден скрывать свою внешность, уходя от преследования. Поэтому он переодевается в только что купленную новую одежду (*das Jackett, die Hose, das offene Hemd und den Hut, den er vor fünfundvierzig Minuten in einem Laden am Boulevard Raspail gekauft hatte*). Проходя мимо витрины, он рассматривает отражение своей внешности (*Er musterte sein Spiegelbild in einer Schaufensterscheibe*) с целью самооценки того, смогут ли его опознать преследователи и приходит к выводу, что его камуфляж достаточно надежен (*In dieser Bekleidung würde er nicht auffallen, und die Krempe des weichen Hutes ragte weit genug über seine Stirn, um sein Gesicht halb zu verdecken*).

Таким образом, практический материал исследования позволил выявить три вида описания – сравнительное описание, портретное описание и автопортретное описание. Что касается сравнительного описания, то проведенный анализ показал:

а) что сравнение внешности, как результат отображения в сознании человека, имеет следующую типологию: один человек сравнивает внешность, характер, поведение других людей субъективно на основе собственного опыта, переживаний и т.д. (ситуация 1); внешность и характер двух разных людей сравниваются непредвзято со стороны (ситуация 2); человек сравнивает себя с другим человеком, субъективно оценивая его качества или же свои собственные на фоне его качеств (ситуация 3). Мы предполагаем, что возможны и другие типы сравнительного описания, но на нашем материале исследования они не выявлены;

б) при сравнительном описании одни признаки представляются как положительные, другие как отрицательные. Одни приемлются, другие нет (ситуация 1). Противоположности во внешности и характере могут людей отталкивать друг от друга (ситуация 1) или, наоборот, сближать (ситуация 2). Сравнение собственной внешности с внешностью другого человека позволяет более внимательно и критично относиться к себе, задуматься о своей жизни, попытаться что-либо изменить в ней к лучшему (ситуация 3).

Композиционная схема, по которой строится портретное описание, следующая: от *общего* впечатления / признака к *конкретным признакам*

(ситуации 4, 5) и от них опять к *общему признаку или впечатлению* (ситуация 6).

Автопортретное описание представлено в проанализированных контекстах в основном на примере женских образов (ситуации 7, 8, 9). С его помощью раскрываются внутренние переживания человека – то, как он видит самого себя, как воспринимается им отражение в его сознании собственного внешнего облика, и как это влияет на его чувства, переживания, эмоции и т.д., находится ли в гармонии то, как он себя ощущает и то, как он выглядит.

Во всех трех видах описания (сравнительного, портретного и автопортретного) номинации подвергаются: физические характеристики (форма, размер *breitschultrig, kräftig*, цвет *blau, braun*, и т.д.); психологические качества (*eiserner Wille, ängstliche Frau*); возрастные характеристики (*noch mädchenhaft schmal, fast siebzig Jahre alt, Ihr Gesicht konnte nicht mehr für das eines jungen Mädchens gehalten werden*); эстетические качества отдельных частей тела и элементов облика (*Ihr Busen könnte flacher sein; ihr Po könnte straffer sein; ihr Bauch könnte flacher sein; ihre Arme schlanker*); динамические характеристики физического облика (*flinke Hände, ungeschickte Bewegungen; den Kopf zur Seite neigen, wenn man eine Frage stellt, ein wenig die Lippen vorschieben, wenn man lächelt, zerstreut einen Nasenflügel reiben, wenn man überlegt*); физическое состояние (*müdes, energieloses Gesicht, durchsichtige Haut*).

Использование различных номинаций способствует наиболее яркому и целостному представлению образа, раскрывающего многочисленные качества, свойства и признаки описываемого лица.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Человеческий фактор в языке // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/page,12,142-dissertaciya-predstavlenie-nacionalno-kulturnoj-specifiki-obraza-cheloveka-v-sisteme-nominacij-xix-veka.html>. Дата доступа: 22.03.2017.
2. Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.examens.ru/otvet/9/11/645.html>. – Дата доступа: 22.03.2017.
3. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
4. Fielding, J. Nur wenn du mich liebst / J. Fielding. München: Willhelm Goldmann Verlag, 2002. – 509 S.
5. Fielding, J. Lebenslang ist nicht genug / J. Fielding. – München: Willhelm Goldmann Verlag, 1996. 345 S.
6. Fielding, J. Flieh, wenn du kannst / J. Fielding. – München: Willhelm Goldmann Verlag, 1995. 372 S.
7. Follett, Kenn. Die Leopardin / K. Follett. – München: Lübbe GmbH & Co.KG, 2002. – 532 S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артюшко Николай Александрович – студент 3 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Ахраменко Петр Евгеньевич – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Балацун Елена Васильевна – студентка 2 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Борисенко Ольга Евгеньевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Горбачук Виктор Игоревич – магистрант филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Гуцко Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Дуброва Алла Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Егорова Виктория Александровна – студентка 3 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Зыблева Данута Викторовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и иностранных языков УО «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого».

Исмайлова Людмила Васильевна – кандидат педагогических наук, декан филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Казакова Рита Алексеевна – магистрант филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Карпова Ксения Александровна – студентка 2 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Качур Марина Степановна – старший преподаватель кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Кириллов Юрий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Ковалева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Ковалевич Ирина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Кот Николай Степанович – аспирант кафедры русской и белорусской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Кузьмич Владимир Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Кулик Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков УО «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого».

Лис Юрий Владимирович – студент 3 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Лихач Тамара Павловна – старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Лобан Марина Геннадьевна – старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Новицкая Нина Григорьевна – преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Омелюженко Сабина Андреевна – студентка 2 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Орлов Леонид Васильевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Парфенова Людмила Александровна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Пузан Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Русецкая Инна Валерьевна – аспирант кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Сергей Владимир Николаевич – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Сергушкова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Сидорец Виталий Степанович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Судибор Ирина Леонидовна – старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Сушицкая Елена Валерьевна – преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Талецкая Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Татаринова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Точило Наталья Григорьевна – аспирант кафедры русской и белорусской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Фёдорова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Чечко Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Ширко Анна Владимировна – студентка 5 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Шур Василий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Щербин Марина Михайловна – ассистент кафедры истории и методики преподавания истории УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Ючко Александр Иванович – студент 5 курса филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Яблонская Ольга Геннадьевна – магистр филологических наук, преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Научное издание

ЯЗЫК И ДИСКУРС:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, МЕТОДИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

LANGUAGE AND DISCOURSE:
LINGUISTIC, METHODOLOGICAL AND SOCIAL HUMANITARIAN
SET OF RESEARCH

Сборник научных статей

Scientific compilation

Корректор *Л. В. Журавская*
Оригинал-макет *Л. И. Федула*

Подписано в печать 03.05.2017. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 14,01. Уч.-изд. л. 15,12.
Тираж 51 экз. Заказ 7.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247760, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 32-46-29